

ХРЕСТОМАТІЯ

по

ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЧАСТЬ II

ЛИТЕРАТУРА XVIII ВѢКА

СОСТАВИЛЪ ПРОФ. П.М.БИЦИЛЛИ

Изд. Родина и Родная Рѣчь

Складъ У.М.С.А.

Парижъ, 1932

Обложка работы
И. Я. БИЛИБИНА

ХРЕСТОМАТІЯ СОСТАВЛЕНА ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ
ПРОГРАММАМЪ РУССКИХЪ СРЕДНИХЪ ШКОЛЬ

ХРЕСТОМАТІЯ

ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

примѣнительно къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній

Составиль проф. П. М. Бицилли

Ч А С Т Ь І І .

(XVIII-ый вѣкъ)

Издание „Родина и Родная Рѣчь“

Складъ изданія УМСА-Press.

ПАРИЖЪ 1932

ПЕЧАТНИЦА „ДРЕВНА БЪЛГАРИЯ“

София, ул. Гурко, 12

ТИПОГРАФИЯ ГАЗЕТЫ „ГОЛОСЪ“

ПРЕДИСЛОВІЕ

Соображенія, изъ которыхъ я исходилъ при подборъ и расположеніи матеріала, пойметъ всякій преподаватель послѣ того, какъ просмотритъ замѣтки, сопровождающія тексты. Прямая цѣль этихъ замѣтокъ — дать руководящую нить при изученіи текстовъ какъ преподавателямъ, такъ и учащимся. Преподаватель несогласный съ тѣмъ построеніемъ курса, которое предполагается какъ этими замѣтками, такъ и очередью, въ какой слѣдуютъ тексты, воленъ не обращать на нихъ вниманія и располагать тексты по своему усмотрѣнію. Къ моимъ замѣткамъ я долженъ сдѣлать одно поясненіе: я сознательно избѣгалъ терминовъ *ложноклассицизмъ*, *ложноклассическій*, потому что это термины школьные, неизвѣстные въ періодъ, охватываемый хрестоматіей, и вызывающіе предубѣжденное отношеніе къ читаемымъ памятникамъ. Произведеніе можетъ быть „*ложно-классическимъ*“ съ формальной точки зрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко художественнымъ и въ этомъ смыслѣ *классическимъ*. Что касается матеріала, то я предвижу упреки за нѣкоторые сдѣланные мною пропуски. Такъ я выпустилъ комедіи Фонвизина. Но это потому, что, насколько я знаю, онѣ имѣются въ продажѣ въ доступныхъ изданіяхъ. Перепечатывать ихъ въ хрестоматіи значило бы безъ нужды раздуть ея размеры, а слѣдовательно и цѣну. „Недоросль“ же во всякомъ случаѣ долженъ быть прочитанъ цѣликомъ. По тѣмъ же основаніямъ выпущены и басни Крылова ¹⁾. Не помѣщено ничего изъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, потому что это произведеніе приходится на конецъ періода, когда „*карамзинизмъ*“ пошелъ уже на убыль, и потому, что для характеристики искусства и языка Карамзина оно не даетъ ничего новаго. Изъ правописныхъ особенностей текстовъ сохранены, и то лишь въ немногихъ случаяхъ, въ качествѣ примѣровъ, только такія, которыя отражаютъ особенности произношенія. Всѣмъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе своими совѣтами и указаніями, которые по большей части были мнѣ очень полезны, приношу мою благодарность.

П. Б.

---

¹⁾ Къ тому же Крыловъ-баснописецъ скорѣе долженъ быть отнесенъ къ слѣдующему періоду.

ОТДѢЛЪ I.

БЫТОВОЙ ЯЗЫКЪ И НАЧАТКИ ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

I. БЫТОВОЙ ЯЗЫКЪ 18 ВѢКА

До Петра Великаго въ Россіи писались и издавались книги преимущественно религіознаго содержанія, на церковно-славянскомъ языкѣ. Этотъ языкъ былъ хорошо понятенъ русскимъ людямъ, но все же это не былъ ихъ родной языкъ, — тотъ, на которомъ между собою говорили. На языкѣ близкомъ къ разговорному писались законы, дѣловыя бумаги, письма, также сказки и повѣсти съ приключеніями, самостоятельныя или переводившіяся съ иностранныхъ языковъ. Но такихъ произведеній было немного. Съ начала 18 вѣка переводятся съ нѣмецкаго, латинскаго и французскаго языковъ научныя книги, а также переводятся и сочиняются произведенія художественной литературы, какихъ раньше въ Россіи не знали и для какихъ въ русскомъ языкѣ того времени не существовало еще подходящихъ словъ и способовъ выраженія. Новые писатели и ученые, свѣтскіе люди и писавшіе для свѣтскихъ людей, желали развить и обогатить русскій языкъ, сдѣлать его литературнымъ языкомъ. Вотъ что писалъ объ этомъ одинъ изъ первыхъ русскихъ свѣтскихъ писателей, знатокъ языковъ и стихотворецъ, Василиій Кирилловичъ Тредьяковскій въ предисловіи къ переведенной имъ съ французскаго языка аллегорической поэмы *Взда въ островъ любви* (1730 г.):

На меня, прошу васъ покорно не извольте гнѣваться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную ¹⁾ неславенскимъ языкомъ перевелъ, почти самымъ простымъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собой говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенскій у насъ есть есть языкъ церковный; а сія книга мірская. Другая: языкъ славенскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень темень, и многіе его наши читая не разумѣютъ; а сія книга есть сладкія любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна. Третія, которая вамъ покажется можетъ быть

¹⁾ Книгу.

самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенскій нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскимъ особымъ рѣчеточцемъ хотѣлъ себя показывать.

Ежели вамъ, добροжелательный читателю, покажется, что я еще здѣсь въ свойство нашего природнаго языка не умѣтилъ, то хотя могу только похвалиться, что все мое хотѣніе имѣлъ, дабы то учинить, а коли же не учинилъ, то безсиліе меня не допустило, и сего, видится мнѣ, довольно есть къ моему оправданію.

Изъ словъ Тредьяковскаго видно, что онъ самъ хорошо сознавалъ трудность писать на томъ языкѣ, на которомъ тогда между собою говорили. Литературный языкъ того времени гораздо дальше отстоялъ отъ разговорнаго, бытового, нежели нынѣшній литературный языкъ отъ бытового языка образованныхъ людей.

Каковъ же былъ тогдашній бытовой языкъ? Наилучше вѣрное представленіе о немъ даютъ такія произведенія, которыя писались не для печати, такъ что писавшіе не заботились о красотѣ рѣчи, писали свободно. Это частныя письма, дневники, воспоминанія (мемуары), въ особенности такія, авторы которыхъ не были писателями. Не считая духовенства, почти всѣ люди 1-ой половины 18 вѣка, писанія которыхъ дошли до насъ, принадлежали къ дворянству. Обычай писать свои воспоминанія былъ широко распространенъ въ 18 вѣкѣ среди служилаго дворянства. На свою службу люди, прошедшіе Петровскую школу, и ихъ преемники смотрѣли какъ на священный долгъ передъ родиною и естественнымъ образомъ, на склонѣ лѣтъ, у нихъ являлась потребность дать самимъ себѣ и своимъ близкимъ отчетъ во всей прожитой жизни и дѣятельности. Служили они съ ранней молодости и до старости и понятно, что на ихъ бытовомъ языкѣ сильно отразилось вліяніе тогдашняго дѣловаго, „приказнаго“ языка, сложившагося уже въ 17 вѣкѣ и остававшася почти безъ перемѣнъ вплоть до второй половины 18 вѣка, когда онъ въ свою очередь испыталъ на себѣ вліяніе языка изящной литературы, съ которой уже хорошо были знакомы чиновники екатерининскаго времени. На типичномъ „приказномъ“ языкѣ писалъ первый русскій знатокъ вопросовъ государственнаго хозяйства Посошковъ (см. Хрестоматія 1-ая ч.). Бытовой языкъ людей, не получившихъ правильнаго образованія, мало измѣнялся на всемъ протяженіи 18 столѣтія.

Изъ Морского Устава Петра Великаго (1720).

(Образецъ дѣловаго языка)

Генераль-адмиралъ или аншефъ командующій есть репрезентация своего государя, которому должны быть всѣ послушны во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя къ пользѣ государя и государства касаются, съ достойнымъ респектомъ его персоны. Ему подобааетъ быть храбру и добраго кондуита (сирѣчь всякіе годности), котораго бы квалитеты (или качества) съ добродѣянїемъ были связаны. Ибо командующій

не точію твердыми указы людей въ добрый порядокъ приводить, но паче образомъ своего житія, ежели благо поступить. Его храбрость сочиняетъ всѣхъ храбрыхъ. Его справедливость страшитъ всѣмъ поползновеніе, умножаетъ послушаніе. Его ревность сочиняетъ всѣхъ ревнительныхъ. Единымъ словомъ, вышній командиръ, какъ душа въ тѣлѣ чловѣка, безъ которой никакой удъ двинутися не можетъ. Ему надлежитъ къ подчиненнымъ быть яко отцу, пешися о ихъ довольствѣ, жалобы ихъ слушать и во оныхъ правый судъ имѣть. Также дѣла ихъ накрѣпко смотрѣть, добрыя похвалять и награждать, а за злыя наказывать. Онъ долженъ рапортовать о всемъ своего государя и воинскую коллегію, и за все отвѣтъ дать.

Указы всѣ не точію о какой надъ непріателемъ экспедиціи, но и въ своей командѣ, ежели что важное, долженъ давать на письмѣ, а не на словахъ, дабы кто что противно учинить, яснѣе обличень, а исполнитель указа оправданъ быть могъ; равно же и рапорты принимать.

Главныя дѣла и воинскія начинанія никогда не дерзаетъ чинить безъ консиліи письменной, развѣ нечаянно атакованъ будетъ отъ непріателя, и сіе нападеніе не отъ его оплошки, но отъ законныя причины прійдетъ, яко въ ходу случается при подыманіи долговременно бывшаго тумана, или сему подобнаго, подъ лишеніемъ чина.

Такожде надлежитъ частыя консиліи имѣть, сколько время и случай допуститъ, о управленіи дѣла врученнаго ему, и о порядкѣ людямъ, подъ штрафомъ вычету полумѣсячнаго жалованія.

Такожъ надлежитъ ему смотрѣть, дабы воинскіе суды право управлялись, не маня кому, ниже посягая на кого. И когда какой неправый судъ учинится, тогда оныхъ судей судить надлежитъ. Ежели же оный сіе пренебрежетъ, то самъ достоинъ будетъ такого наказанія, какъ тѣ виновные.

И понеже корень всему злу есть сребролюбіе, того для всякъ командующій аншефъ долженъ блюсти себя отъ лихоимства. И не точію блюсти, но и другихъ отъ онаго жестоко унимать и довольствоваться опредѣленнымъ, ибо многіе интересы государственные черезъ сіе зло потѣряны бываютъ. И такой командиръ, который лакомство великое имѣетъ, немного лучше измѣнника почтенъ быти можетъ, понеже онаго непріатель (хотя оный и вѣренъ) постороннимъ образомъ подарить и съ прямаго пути свестъ легко можетъ: того ради всякому командиру надлежитъ сіе непрестанно въ памяти имѣть и отъ онаго блюстися. Ибо можетъ таковымъ богатствомъ легко смерть или безчестное житіе купить.

Изъ писемъ Петра Великаго

Меншикову, изъ Петербурга (25 февраля 1710).

Объявляемъ вамъ, что мы третьяго дня сюда здорово пріѣхали и здѣсь, слава Богу, все благо обрѣли. Препарація къ обоимъ походамъ, зимнему и вешнему, каждая къ своему времени готова будетъ; ни въ чемъ остановки нѣтъ и только лошадей (которыя положены

отъ государства для сего похода) еще тихо приводятъ, однакожъ надѣмся исполнено и сему быть. Въ хлѣбѣ хорошо исправляются: и сухари, и крупа, все готово; впрочемъ, когда больше осмотрюсь и что здѣсь опредѣлено будетъ, писать къ вамъ не оставлю. Только желаю, дабы Господь Богъ ваше дѣло какъ наискорѣе управилъ, и васъ бы намъ здѣсь видѣть, дабы и вы красоту сего парадиза (въ которомъ добрымъ участникомъ трудовъ былъ и есть), въ заплату трудовъ своихъ, съ нами купно причастникомъ былъ; чего отъ сердца желаю, ибо сіе мѣсто, истинно какъ изрядный младенецъ, что день — преимуществуетъ. За симъ васъ и домашнихъ вашихъ предаемъ въ милость и сохраненіе Господне. Наши домашніе вамъ и домашнимъ вашимъ кланяются. Прошу, кому надлежитъ, мой отдать поклонъ,

Царевичу Алексѣю Петровичу (11 октября 1715).

Понеже всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея войны какъ на цѣ народъ утѣсненъ былъ отъ шведовъ, которые не только ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбезрѣнію добрый задержали завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли. Но потомъ, когда сія война началась (которому дѣлу единъ Богъ руководцемъ былъ и есть), о коль великое гоненіе отъ сихъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего неискусства въ войнѣ претерпѣли, и съ какою горестію и терпѣніемъ сію школу прѣшли, дондеже достойной степени вышереченнаго руководителя помощію дошли! И тако сподобилися видѣть, что оный непріятель, отъ котораго трепетали, едва не вѣщѣе отъ насъ нынѣ трепещетъ. Что все, помогающе Вышнему, моими бѣдчыми и прочихъ истинныхъ сыновъ Россійскихъ равноревностными трудами достигнуто. Егда же сію Божью данную нашему отечеству радость разсмотря, обзрюсь на линію наслѣдства, едва неразная радости горестъ меня снѣдаетъ, видя тебя наслѣдника, весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ самовольно непотребнаго (ибо Богъ не есть виновень, ибо разума тебя не лишилъ ниже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ. Ибо хотя не весьма крѣпкой природы, обаче не весьма слабой); паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышати хочешь, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ. Я не научаю, чтобъ охочъ былъ воевать безъ законныя причины, но любить сіе дѣло и всею возможностью снабдѣвать и учить: ибо сія есть едина изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона.

. . . Сіе все представя, обращаю паки на первое, о тебѣ разсуждая, ибо я есмь чловѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеписанное съ помощію Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое и возвращенное оставлю? Тому иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю (сирѣчь все, что Богъ далъ, бросилъ). Еще же и сіе вспомяну, какого злаго нрава и упрямаго ты исполненъ. Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не точію бранивалъ, но и бивалъ, къ томужъ сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобою, но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только бѣ дома жить и имъ веселиться. Однакожъ всего лучше, всего дороже безумный радуешься своею бѣдою, не вѣдая, что можетъ отъ того

слѣдовать. (Истину Павелъ святой пишетъ, како той можетъ церковь Божию управити, иже о домѣ своемъ на радить). Не точію тебѣ, но и всему государству, что все я, съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать, и еще малко пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдствъ лишу, яко удѣ гангранный, и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ и что я сіе только въ устраску пишу: воистинно (Богу извольшу) исполню. Ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю; то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? лучше будь чужой доброй, неже свой непотребный. Петръ.

Татищевъ

(Сподвижникъ Петра Великаго)

Изъ Духовнаго завѣщанія (1733).

Весьма нужно тебѣ поучатися и въ свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее — право и складно писать; за тѣмъ арифметика, геометрія, артиллерія и фортификація и прочія части математики, такожде нѣмецкій языкъ, что тебѣ необходимо нужно для извѣстія о состояніи государства нашего; исторія русская, которую ты хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожъ довольно въ моихъ письмахъ найдешь, и къ оной примѣчанія и дополненія изъ чужестранныхъ книгъ, выписанныя на разныхъ бумагахъ, если охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать и, какъ себѣ, такъ и всему отечеству въ пользу употребити; географія русская, которую всему шляхетству русскому знать нужно; ея никто не сочинилъ, и я хотя много о томъ трудился, но окончить не надѣюсь: ибо того безъ помощи государя никакъ сдѣлать не можно; однакожъ ты изъ учиненнаго мною распорядка можешь довольно ея пользу знать.

. . . . .

А къ службѣ Государю и государству долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ, такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной прилежать, и Государю, яко отъ Бога поставленной надъ тобою власти, честь и повиновеніе отдавать . . .

Главное же повиновеніе собственно въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся . . .

. . . . .

Не предай немощнаго въ руки сильному; никогда себѣ не воображай, что ты за то пострадаешь; вѣдай, безъ воли Божіей никто тебѣ вреда сдѣлать не можетъ, равно и отъ гнѣва его нигдѣ ничѣмъ укрыться не можемъ . . .

А притомъ еще хранися гордости, что у нѣкоторыхъ судей большихъ челобитчикамъ въ честь показываться, не токмо ему бѣд-

наго человѣка выслушать терпѣливо и дать ему добрый совѣтъ или наставленіе и помощь. Для чего у меня никогда, хотя бы на постелѣ лежалъ, двери не затворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ; и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся: ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости можно было помощь подать и великій вредъ отвратить.

Весьма хранись предстателей и совѣтчиковъ твоихъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ то мнѣ часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопи, блюдолицы, ввѣрившіеся пріятеля по карточной игрѣ и псовой охотѣ и другими разными вымышленными способами, много судейскими душами торговали; и когда они, простяки бѣдные, нечаянно въ отвѣтъ или въ судъ впадали, то льстецы имъ же насмѣхались и своимъ коварствомъ были собственные ихъ убійцы.

. . . . .

Друзей старайся имѣть такихъ, которые любятъ вѣрность, правду и хранятъ присягу, хотя бы они и низкой породы были; справедливый человѣкъ самъ себѣ благороденъ: онъ тѣмъ подаетъ о себѣ надежду имѣть его другомъ, что всегда бываетъ одинаковъ въ своихъ предпріятіяхъ, въ богатствѣ и убожествѣ равнодушенъ; только такихъ адаматовъ и фениксовъ въ свѣтѣ весьма мало. Старайся искать ихъ дружбы; а когда надобность тебя доведетъ, въ необходимыхъ случаяхъ требуй отъ нихъ добраго совѣту, что тебѣ весьма будетъ полезно, хотя бъ ты и знатный господинъ былъ. Сихъ честныхъ людей называютъ плуты и ненавистники чудовищемъ въ свѣтѣ, понеже отъ нихъ, кромѣ добраго порядка въ отечествѣ быть не можетъ; ихъ деньгами подкупить и обольстить нельзя: они богатство презираютъ, о чинахъ поклоновъ не теряютъ, одну только рожденную свою честь, вѣрность, правду и присягу хранятъ.

Письма М. В. Ломоносова къ И. И. Шувалову.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Милостивое Вашего Превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ Вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашей, которою я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите, Ваше Превосходительство, мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. ¹⁾

---

¹⁾ Писано по поводу опасеній Шувалова, что Л-въ, получивъ въ награду имѣніе, станетъ меньше заниматься науками.

Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ, Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотрите, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взять я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованье получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило, но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ, Я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожны, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрять не должны, и помнили бъ, что музы кого хотять, того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости а съ другой стороны Невтона, богатаго лорда Бойля, который всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа, который лекціями и подарками нажилъ больше пятисотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана, въ Англіи, который послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ штерлинговъ. По приказанію Вашему все исполнить не премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Михаилъ Ломоносовъ. Изъ Санктпетербурга. Маія 10 дня 1753 года.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Никто въ жизни меня больше не изобидѣлъ, какъ Ваше Высокопревосходительство. Призвали Вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! то есть сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ и вы сами не рады. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другого не говоритъ, какъ только всѣхъ бранить, себя хвалить и бѣдное свое роумичество выше всего человѣческаго знанія ставитъ. Тауберта и Миллера ¹⁾ для того только бранить, что не печатаютъ его сочиненій,

¹⁾ Академики.

а не ради общей пользы. Я забываю всё его озлобленія и мститъ не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружитья и обходиться съ нимъ никоимъ образомъ не могу . . . Не хотя васъ оскорбитъ отказомъ при многихъ кавалерахъ, показала я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, не смотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ жизнь защитникъ и никогда не оставилъ, когда я пролилъ передъ Нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше Высокопрезосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю. Мститъ за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Будь онъ челоуѣкъ знающій и искусный, пускай дѣлаеть пользу отечеству; я по моему малому таланту также готовъ стараться. А съ такимъ челоуѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, который всё прочія знанія позорить, которыхъ и духу не смыслить. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ни же у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметь. Госюдинъ Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякаго вздору наговорилъ, что на весь мой вѣкъ станеть, и радъ, что его Богъ отъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома, и не желаютъ съ комедіянтами обхожденія. Я пустой болтовни и самохвальства не люблю слышать. И по сіе время ужились мы въ единомушіи. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить въ новую, дурную атмосферу. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти: постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошенійхъ, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте. Ожидая отъ васъ справедливаго отвѣта, съ древнимъ высокопочитаніемъ пребываю.

Ваше Высокопревосходительства униженный и покорный слуга
Михайло Ломоносовъ.

1761 года Генваря 19 дня.

Изъ писемъ А. В. Суворова къ дочери

Кинбурнь 20 декабря 1787 (во время осады Очакова)

Любезная Наташа! Ты меня порадовала письмомъ отъ 9 ноября. Больше порадуешь, какъ на тебя надѣнуть бѣлое платье ¹⁾, и того больше, какъ будемъ жить вмѣстѣ. Будь благочестива, благонравна, почитай свою матушку Софью Изанозну ²⁾, или она тебя выдереть за

¹⁾ По переходу въ старшій классъ Смольнаго Института.

²⁾ Т. е. начальницу Смольнаго Института.

уши да посадить за сухарикъ съ водицей. Желая тебѣ благополучно препроводить святки. Христосъ Спаситель тебя соблюди новой и многіе годы! Я твоего прежняго письма не читалъ за недугомъ, отослалъ къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ. У насъ все были драки сильнѣе нежели вы деретесь за волосы; а какъ вправду потанцовали, то я съ балету вышелъ: въ бокъ пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мной лошади мордочку отстрѣлили; на силу часонъ черезъ восемь отпустили съ театру въ камеру. Я теперъ только что поверотился, выѣздилъ близъ пяти сотъ верстъ верхомъ въ шесть дней, а не ночью. Какъ же весело на Черномъ Морѣ, на Лиманѣ! Вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики, по полямъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерлядки, осетры, пропасть! Прости, мой другъ Наташа, я чаю ты знаешь, что мнѣ моя матушка Государыня пожаловала Андреевскую ленту за вѣру и вѣрность. Цѣлую тебя. Божіе благословеніе съ тобою.

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

16 марта 1783 г. Кинбурнь.

Милая моя Суворочка! Письмо твое отъ 31 ч(исла) генваря получилъ. Ты меня такъ имѣ утѣшила, что я, по обычаю моему, отъ утѣхи заплакалъ. Кто то тебя, мой другъ, учить такому красному слогу, что я завидую, чтобъ ты меня не перещеголяла? Милостивой Государынѣ Софѣ Ивановнѣ свидѣтельствую мое покорнѣйшее почтеніе. О айда Суворочка! Какъ же у насъ много полевого салату, птицъ, жаворонковъ, стерлядей, воробьевъ, полевыхъ цвѣтковъ. Морскія волны бьютъ въ берега, какъ у васъ въ крѣпости изъ пушекъ. Отъ насъ въ Очаковѣ слышно, какъ собачки лаютъ, какъ пѣтухи поютъ. Куда-бы я, матушка, посмотрѣлъ теперъ тебя въ бѣломъ платьѣ, какъ то ты ростешь! Какъ увидимся, не забудь мнѣ рассказать какую пріятную исторію о твоихъ великихъ мужахъ древности. Поклонись отъ меня сестрицамъ. Благословеніе Божіе съ тобою.

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

**Письмо Графа А. Г. Орлова-Чесменскаго
своему управляющему, крѣпостному
Ивану Терентьевичу Кабанову (1807)**

(Писано въ глубокой старости)

Кабанову Терентьевичу добраго здоровья со всѣми тебѣ врученными. Донесенія твои мною получены. Прописываешь объ зятѣ своемъ, чтобъ дозволилъ ему опять по прежнему бить скотину у меня на сало и топить сало, нынѣшній годъ дозволяю, но впредь ни подъ какимъ видомъ онаго не дѣлать. Самъ помнишь, что на тебя въ ономъ уже доносили, да и я объ ономъ тебя спрашивалъ и позволялъ, но увидя какъ бы чисто и осторожно дѣла свои велъ. Но все сумнительства и подозрѣніевъ избѣжать не можешь, чего для запрещаю тебѣ сальный промыслъ вести, а отдавать на чистыя деньги...

Въ небытность же мою здѣсь много непорядковъ нашель; по старости же моихъ лѣтъ довольно слабости чувствую. Дочь твоя здорова, весела и зачала верхомъ ѣздить, и очень радуется, и все ей хочется чтобъ поскорѣе, но ей воли не даютъ ¹⁾. Служить же она графинѣ усердно и очень благонравна. Фарфороваго ²⁾ я продалъ и взялъ за него восемь сотъ рублевъ. Хорошо, что ты похваляешь молодыхъ въ упряжкѣ; не вели ихъ заторапливать въ ѣздѣ. Взятые же лошади мною всѣ перемѣнились къ лучшему. Одинъ Холстомѣръ не совсѣмъ еще исправился нерѣдко приталкиваетъ; а Воронежъ обѣгаетъ кобылы А. А. Чесменскаго ³⁾. Дай Боже, чтобъ вы здоровы были: Доброхотный тебѣ графъ А. Орловъ-Чесменскій.

Изъ записокъ Ивана Ив. Неплюева

(род. 1693, ум. 1773)

Одинъ изъ лучшихъ представителей служилаго сословія, прошедшихъ школу Петра Великаго. Записки писаны имъ въ глубокой старости.

30 іюня присланъ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1-го іюня на экзамень. Мы, собравшись у коллегіи, дожидались повелѣнія. Въ 8 часовъ государь пріѣхалъ въ одноколкѣ и мимо идучи сказалъ намъ: „Здорово, ребята“. Потомъ, черезъ нѣкоторое время впустили насъ въ ассамблею, и генераль-адмиралъ приказалъ Зміевичу напередъ разспрашивать порознь, что кто знаетъ о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь, (а я былъ, по условію между нами, изъ послѣднихъ), то государь изволилъ подойти ко мнѣ и, не давъ Зміевичу дѣлать задачи, спросилъ: „Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ?“ ⁴⁾ На что отвѣтствовалъ: „Всемиловѣйшій государь, прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя передъ вами рабомъ недостойнымъ, и того ради прошу, какъ передъ Богомъ, ваша ко мнѣ щедроты“. При сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, оборотивъ руку праву ладонью, далъ поцѣловать и при томъ изволилъ молвить: „Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя бѣ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству“. Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и поцѣловалъ оную многократно, а онъ мнѣ сказалъ: „Встань братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ; но не робѣй; буде, что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи“. И оборотясь къ Зміевичу, приказалъ разспросить меня; а какъ я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Зміевичу: „Разспрашивай о высшихъ знаніяхъ“. И по окончаніи у всѣхъ распросовъ, тутъ же пожаловалъ меня въ поручики въ морскіе галернаго флота и другого — Кайсарова, а и другихъ также пожаловалъ, но ниже чинами. Черезъ малое потомъ время указалъ государь опредѣ-

¹⁾ У Орлова былъ свой манежъ въ Москвѣ.

²⁾ Жеребецъ.

³⁾ Сынъ А. Г. Орлова.

⁴⁾ Неплюевъ плавалъ на учебномъ суднѣ за границу.

лить меня, Неплюева, смогрителемъ и командиромъ надъ строющими морскими судами, по каковому случаю видѣлъ я государя почти ежедневно, и всякій разъ благоволилъ со мною разгоривать о всякихъ вещахъ и случаяхъ. И отъ флагмановъ Григорія Петровича Чернышева, къ которому я во всякое свободное время хаживалъ, и отъ Зміевича слыхалъ, что: „Государь-де тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволилъ говорить, что въ этомъ маломъ путь будетъ“. Они же мнѣ подавали совѣты, чтобъ я прилежалъ къ своему дѣлу и былъ бы исправенъ. „То де его величество тебя не оставитъ; только будь проворенъ и говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было; онъ-де больше разсердится, буде что солжешь“. Ихъ слова и въ правду явились. Однажды я пришелъ на работу, а государь уже прежде приѣхалъ. Я испугался предѣльно и хотѣлъ бѣжать домой больнымъ сказаться, но вспомнявъ тотъ отеческій моего благодѣтеля совѣтъ, бѣжать раздумалъ, а пошлѣ къ тому мѣсту, гдѣ государь находился; онъ, увидѣвъ меня, сказалъ; „ Я уже, мой другъ, здѣсь!“ А я ему отвѣчалъ: „Виноватъ, государь, вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся и оттого опоздалъ“. Онъ, взявъ меня за плечо, пожалъ, а я вздрогнулъ, думалъ, что прогнѣвался: „Спасибо, малый, что говоришь правду: Богъ проститъ! Кто бабѣ не внукъ! А теперь поѣдемъ со мной на родины“. Я поклонился и сталъ за его одноколкою. Приѣхали мы къ плотнику моей команды и вошли въ избу. Государь пожаловалъ родильницѣ 5 гривенъ и съ нею поцѣловался; а я стоялъ у дверей; онъ мнѣ приказалъ тоже сдѣлать, а я далъ гривну. Государь спросилъ бабу родильницу: „Что далъ поручикъ?“ Она гривну показала, и онъ засмѣялся и сказалъ: „Ей, братъ, я вижу ты даришь не позаморски“. „Не чѣмъ мнѣ, царь государь, дарить много; дворянинъ я бѣдный, имѣю жену и дѣтей, и когда бы не ваше царское жалованье, то бы, здѣсь живучи, и ѣсть было нечего“. Государь спросилъ, что за мною душъ, и гдѣ испомѣщенъ? 1) Я все рассказалъ справедливо и безъ утайки. А потомъ хозяинъ поднесъ на деревянной тарелкѣ въ рюмкѣ горячаго вина; онъ изволилъ выкушать и заѣлъ пирогомъ съ морковью. А потомъ и мнѣ поднесъ хозяинъ; но я отъ роду не пивалъ горячаго, не хотѣлъ пить. Государь изволилъ сказать: „Откушай, сколько можешь; не обижай хозяина“. Что я и сдѣлалъ. И изъ своихъ (рукъ) пожаловалъ мнѣ, отлома кусокъ пирога, и сказалъ: „Заѣшь! Это родимая, а не италіянская пища“. Потомъ изволилъ поѣхать, а я домой пошелъ обѣдать.

Былъ я также, по указу государеву, для переводу у чужестранныхъ министровъ, когда ихъ трактовали на новопущенномъ кораблѣ, и когда государь изволилъ съѣзжать съ онаго, то пожаловалъ мимо идучи мнѣ поцѣловать руку.

1721 года, генваря въ первыхъ числахъ, былъ трапезенъ для всѣхъ бояръ и для морскихъ и гвардіи офицеровъ, почему и я тутъ былъ. Мы, отобѣдавъ прежде, изъ-за столовъ встали, и я и со мною нѣскольکو человекъ вошли въ ту камору, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ; государь былъ очень веселъ, и по маломъ времени, изволилъ начать разговоръ, что ему потребенъ человекъ съ италіянскимъ языкомъ — послать въ Царьградъ резидентомъ. Александръ Гавриловичъ отвѣчалъ, что онъ такого не знаетъ, а Федоръ Матвѣевичъ говорилъ, что онъ такого знаетъ, и очень достойнаго, но та

1) т. е. гдѣ его помѣстье.

бѣда, что очень бѣденъ. Государь отвѣчалъ, что бѣдность не бѣда. „Этому помочь можно скоро, но кто тотъ такой?“ Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ: „Вотъ онъ за тобою стоитъ“. „Да ихъ стоитъ за мною много“, сказалъ государь. Ѳедоръ Матвѣевичъ отвѣчалъ: „Твой хваленый, что у галернаго строенія“. Онъ оборотился и, глядѣвъ на меня, изволилъ сказать: „Это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось его у себя имѣть“. Я поклонился государю; а онъ, подумавъ, изволилъ приказать, чтобъ меня въ оную посылку назначить; и при семъ изъ-за стола встали, а меня адмиралъ поздравилъ резидентомъ и, взявъ за руку, повелѣ благодарить къ государю. Я упалъ ему государю въ ноги и, охватя оныя, цѣловалъ и плакалъ. Онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку, говорилъ: „Не кланяйся, братецъ, я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя — смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у до тойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я истецъ; ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи вѣрою и правдою. Въ началѣ Богъ, а при немъ и я долженъ буду не оставить“. Сіе говоря, оборотясь, изволилъ молвить: „кого жъ я возьму на его мѣсто?“ И съ тѣмъ словомъ опустилъ свою руку, а я при семъ цѣловалъ оную; и изволилъ отъ меня отдалиться. Благодетель мой Григорій Петровичъ меня обнялъ и цѣловалъ отъ радости; а я не могъ ему промолвить ни слова.

Изъ записокъ маіора Мих. Вас. Данилова

(Писаны въ 1771 г.)

I. Воспитаніе у Брудастаго.

Я роился въ 1722 году: тогда отца моего разбойники разбили и послана была на сихъ злодѣевъ явочная челобитная, съ которой досталась мнѣ копія, почему я и рожденіе свое въ томъ году почитаю. Былъ я любимый сынъ у моего отца; отъ роду моего лѣтъ семи, или болѣе, отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филипу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Пономарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечами его и казалось, что у него шеи не было; у него, въ то же время, учились два брата двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастый жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ: приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, откуда не скажетъ „аминь“, не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученье у Брудастаго и поднесъ, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность и упрямость, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживель скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣ-

вали, то я отъ такового всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока къ вечеру и половины прочитатъ не могъ, за что послѣдняя резолюція: меня какъ непонятнаго „сѣчь“. Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежащее наказаніе. Брудастаго жена. во время нашего ученія понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотя бъ и не то, что мы учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнія, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и понятно: изъ сего нынѣ заключаю, что принужденное дѣтямъ ученіе грамотѣ неполезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣненіе и унылость; явственнѣе можно усмотрѣть сію правду, принудить только ребенка играть сверхъ его воли, тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣютъ и тою игрою мало будетъ уже играть, или все возненавидитъ. Въ подобіе сего обрѣтается: разныхъ рукодѣлъ мастера обременяютъ своихъ учениковъ не по силѣ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые, не возмогши снести такой налагаемой на нихъ тягости ученія, обращаются въ бѣгство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ воображенія страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣги жестоко, приходятъ въ отчаянье и дѣлаются бездѣльниками на вѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ таковыхъ безпутныхъ и ни къ чему не годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастой; вымышлялъ иногда и я, отъ такового скучнаго сидѣнія, напрасно показывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не бывало.

Въ одинъ день. когда учитель нашъ былъ въ полѣ съ женою своею на работѣ, братъ мой двоюродный Елисей (меня и Бориса своего брата постарѣе и ко всякимъ шалостямъ поотважнѣе), увидя, что на дворѣ Брудастаго никого кромѣ насъ троихъ нѣтъ, поймалъ учителява любимаго кота сѣраго, связалъ ему заднія ноги и повѣсилъ въ сараѣ, въ которомъ мы учились, на веревкѣ за заднія ноги, сѣкъ кота лозою и что приговаривалъ не упомню; только то помню, что мы, на его шутки глядя, съ Борисомъ, сидя со страху, чтобъ не засталъ Брудастой, дрожали. И въ тотъ же часъ, якобы на избавленіе своего кота, явился во дворъ свой нечаянно нашъ учитель: Елисей отъ сего явленія оробѣлъ, не успѣлъ кота съ пытки освободить, кинулся безъ памяти на скамейку за книгу свою учиться, потупя глаза въ книгу и духъ свой притаивъ, не могъ дышать свободно. Брудастой, увидя кота висющаго на веревкѣ, отъ досады и жалости остолбенѣлъ; потомъ пришелъ въ такое бѣшенство, что ухвативъ метлу, связанную изъ хворосту, случившуюся въ сараѣ, зачалъ стегать разъ за разомъ безъ разбора по Елисею и по книгѣ, и оною метлою открывая подымалъ вверхъ листы изъ книги, которые по всему сараю летали. Брудастой былъ въ великомъ сердцѣ, какъ бѣшенный; стегая Елисея тою же метлою, доставалъ нѣсколько страждущаго по близости на веревкѣ повѣшеннаго кота, который чаятельно усмирить звѣрскій тогдашній гнѣвъ его своимъ мяуканьемъ и тѣмъ сохранилъ остатки листовъ въ книгѣ. Мы, отъ сей драки, съ Борисомъ кромѣ страха ничего не претерпѣли отъ Брудастаго; а Елисею, достовѣрно сказать можно, что не меньше книги досталось, которая великую отъ метлы претерпѣла въ листахъ утрату.

Вдова Матрена Петровна.

Выучилъ я у Брудастаго азбуку, отецъ мой отвезъ меня близъ города Тулы къ живущей вдовѣ, Матренѣ Петровнѣ, которая въ замужествѣ прежде была за нашимъ свойственникомъ Афанасьемъ Денисовичемъ Данитовымъ.

Матрена Петровна имѣла при себѣ племянника роднаго и своему имѣнію наслѣдника, Епишкова, по той причинѣ просила отца моего, дабы меня привезъ къ ней, какъ грамотѣ учиться, такъ и племяннику ея дѣлать компанію; а какъ вдова своего племянника много любила и нѣжила, потому не было намъ никакого принужденія учиться, однако я въ таковой будучи волѣ и непринужденномъ ученіи, которое состояло только изъ двухъ книгъ; Часослова и Псалтыри. Вдова была великая богомольщица, рѣдкой день проходилъ, чтобъ у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ одинъ оную должность: я употребленъ былъ въ таковой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что до слезъ доходилъ. Вдова, хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ нехотя: „полно тебѣ шутить, Ванюшка“ и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала, только всякій день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ въ слухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниною, только признаю, сколько времени у ней я ни жилъ, не помню того, чтобы прошелъ хотя одинъ день безъ драки: какъ скоро она приметъ свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положить на полъ и стануть съчь батожьемъ немилосердно, и потомъ сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ уже введено было во всегдашее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетита. Вдова такъ была собою дородна, что ширина ея тѣла немного уступала высотѣ ея роста.

Старинные Порядки.

Потомъ 1) отвезли меня въ городъ Данковъ, въ которомъ тогда воеводою былъ Никита Михайловичъ Крюковъ: онъ считался съ отцомъ моимъ родствомъ, а какъ близкомъ, не упомяну, только называлъ онъ отца моего „братомъ“. У воеводы былъ сынъ Василій, въ мои лѣта или еще моложе; я жилъ у воеводы болѣе въ гостяхъ нежели учился, хотя и былъ у сына воеводскаго учитель, отставной прстарѣлый попъ, только мы не всякій день и зады твердили. Отпустилъ насъ, на недѣлю Рождества Христова, воевода съ сыномъ своимъ по тому же уѣзду Христа славить и за нами посылалъ подводъ по пяти и болѣе порозшихъ 2) саней, на подаваніе за славленіе: мы каждый день привозили

1) т. е. послѣ житія Данилова у вдовы Матрены Петровны.

2) Порожнихъ

посланныя за нами подводы полны хлѣбомъ и живыми курами и по нѣскольку денегъ, и въ недѣлю Рождества, какъ хлѣба, такъ и живыхъ куръ, не мало натаскали къ воеводѣ. При ономъ славленіи нашемъ насмотрѣлся я, что воеводскіе люди поступаютъ въ уѣздѣ нахайливѣе и безстыднѣе городскихъ разсыльщиковъ; они собирали птиць и съ тѣхъ дворовъ, въ которыхъ мы съ воеводскимъ сыномъ не были и Христа не славили.

Артиллерійская школа.

Въ 737 году, въ Москвѣ, записалъ меня братъ мой Василій въ артиллерійскую школу, гдѣ онъ уже былъ записанъ прежде меня.

... Мы хаживали съ братомъ на полковой артиллерійскій дворъ, близъ Сухаревой башни: тамъ была учреждена наша школа, въ которой было записано дворянъ до 700 человекъ и обучали безъ малѣйшаго порядка.

Я былъ охотникъ рисовать: зная мою къ рисованію охоту, сидящій близъ меня ученикъ Жеребцовъ (который нынѣ имѣетъ честь быть въ артиллеріи полковникомъ), сыскавъ незнаю гдѣ то рисунокъ на полулистѣ, принесъ съ собою въ школу показать мнѣ рисованье, а при учителѣ нашемъ, Прохорѣ Алабушевѣ, были тогда private ученики, князь Волхонской и князь Сибирской. Они по большей части, бродя въ школѣ по всѣмъ покоямъ безъ дѣла, разныя дѣлали шутки и шалости. Изъ оныхъ шалуновъ одинъ, увидя рисунокъ у Жеребцова, вырвалъ его изъ рукъ и побѣжалъ съ великою скоростію, какъ съ побѣдою, являть учителю Алабушеву: „Жеребцовъ ученикъ не учится, а вотъ какіе рисунки въ рукахъ держитъ“. Алабушевъ былъ ученикъ пьяный и вздорный, по третьему смертоубійству сидѣлъ подъ арестомъ и взятъ обучать школу: вотъ каковъ характеръ штыкъ юнкера Алабушева, а потому можно знать, сколь великій тогда былъ недостатокъ въ ученыхъ людяхъ при артиллеріи. Алабушевъ велѣлъ привести Жеребцова предъ себя и не принявъ отъ него никакого оправданія въ невинности, повалъ его на полъ, велѣлъ рисунокъ положить ему на спину и сѣкъ Жеребцова немилостиво, покуда рисунокъ розгами разстегали весь по спинѣ: мню, что не одинъ рисунокъ пострадалъ, а досталось и подкадкѣ. Оное странное награжденіе, за рисованье оказанное, я видя, положилъ самъ себѣ обѣщаніе твердое, чтобъ никогда не носить никакихъ рисунковъ съ собою въ школу и товарищу своему Жеребцову совѣтовалъ тожь всегда припоминать, что въ нашей школѣ, вмѣсто похвалы, наказаніе за рисованье учреждено; однако не утратило меня Жеребцова наказаніе и я продолжать учиться рисовать, только не въ школѣ. Ученики были всѣ помѣщены въ четырехъ великихъ свѣтлицахъ, стоящихъ черезъ сѣни, по двѣ на сторонѣ: когда позволялось покинуть ученье и итти обѣдать, или по домамъ, тогда бывало учинять великій и безобразный во всѣ голоса крикъ, на подобіе ура, протяжно „шебашъ“.

Изъ записокъ Н. Б. Долгорукой (1714—1771)

Дочь петровскаго сподвижника кн. Шереметева, Наталья Борисовна, была обручена съ кн. Иваномъ Долгорукимъ, любимцемъ Петра II. Послѣ смерти Петра II и воцаренія Анны Ивановны Долгорукихъ постигла, опала. Наталью Борисовну уговаривали отказаться отъ жениха, но она осталась ему вѣрною. Вскорѣ послѣ свадьбы Долгорукие были сосланы въ Сибирь, а черезъ нѣсколько лѣтъ князь Иванъ былъ увезенъ въ Новгородъ и казненъ по обвиненію въ заговорѣ противъ Анны Ивановны. Въ 1758 г. Наталья Борисовна приняла въ Кіевѣ монашество. Записки писаны ею незадолго до смерти по просьбѣ ея сына. Это единственная автобіографія женщины першой половины 18 вѣка. Н. Б. Долгорукая была повидимому начитана въ церковной литературѣ. Ея записки напоминаютъ, по необыкновенной выразительности языка, автобіографію протопопа Аввакума (см. I-ую ч. Хрестоматіи), хотя, конечно, она и не думала объ художественности изложенія.

Я очень имѣла склонность къ веселію. Я осталась малолѣтна, послѣ отца моего, не больше какъ пяти лѣтъ; однако я росла при вдовствующей матери моей во всякомъ довольствѣ, которая старалась о воспитаніи моемъ, чтобъ ничего не упустить въ наукахъ, и всѣ возможности употребляла, чтобъ мнѣ умножить достоинство. Я ей была очень дорога; льстилась мною веселиться, представляла себѣ, когда приду въ созершенныя лѣты, буду добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали и въ радо ти; и такъ меня содержала, какъ должно благородной дѣвушкѣ быть; пребезмѣрно меня любила, хотя я тому и недостойна была. Однако все мое благополучіе кончилось: смерть меня съ нею разлучила. Я осталась послѣ милостивой своей матери четырнадцати лѣтъ; эта первая бѣда меня встрѣтила. Сколько я ни плакала, только еще все не доставало, кажется, противъ любви ея ко мнѣ. Однако ни слезами, ни рыданіемъ не воротила. Осталась я сиротою съ большимъ братомъ, который уже сталъ своему дому господинъ. Вотъ уже совсѣмъ моя жизнь перемѣнилась. Можно ли всѣ тѣ горести описать, которыя со мною случались? Надобно молчать. Хотя я льстилась впредь быть счастливой, однако очень часто источники изъ глазъ лились. Молодость лѣтъ нѣсколько помогала терпѣть во ожиданіи впредбудущаго счастья; думала еще: будетъ и мое время, повеселюсь на свѣтѣ; а того не знала, что Вышняя Власть грозитъ мнѣ бѣдами, и что въ будущемъ надежда обманчива бываетъ.

Слѣдуетъ разсказъ о ея жизни по кончинѣ матери, о сватовствѣ и объ обрученіи съ княземъ Иваномъ, которое сулило ей блестящее положеніе въ свѣтѣ—

Это мое благополучіе и веселіе долголь продолжалось? Не болѣе какъ отъ Декабря 24 по 18 Генваря день. Вотъ моя обманчивая надежда кончилась; со мною такъ случилось, какъ съ сыномъ царя Давида Нафаномъ: лизнулъ медку, и пришло было умереть. Такъ и со мною случилось: за двадцать шесть дней благополучныхъ, или сказать радостныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придетъ безъ малаго, еще шесть дней надобно вычестъ; да кто можетъ знать предбудущее! Можетъ быть, и дополнятся, когда продолжится сострадательная жизнь моя.

Вотъ начало моей бѣды, чего я никогда не ожидала! Государь нашъ окончилъ жизотъ свой; паче чаянія моего. чего я никогда не

ожидала, сдѣлалась коренная переменна. Знать такъ было Богу угодно, чтобъ народъ за грѣхи наказать: отняли милостиваго Государя, и великой былъ плачь въ народѣ. Всѣ сродники мои съѣзжаются, плачутъ обо мнѣ, какъ мнѣ эту напасть объявить; а я обыкновенно долго спала, часу до девятаго; однако, какъ скоро проснулась, вижу, у всѣхъ глаза заплаканы; какъ они не стереглись, только видно было. Хотя я и знала, что Государь боленъ, и очень боленъ, однако я великую въ томъ надежду имѣла на Бога, что онъ не оставитъ сирыхъ; однако знать мы тому достойны были. По необходимости принуждены были мнѣ объявить. Какъ скоро эта вѣдомость дошла до ушей моихъ, что уже тогда со мною было, не помню; а какъ опомнилась; только и твердила: ахъ! пропала! пропала! Не слышно было инаго ничего отъ меня, что пропала! Какъ кто ни старался меня утѣшить, только не можно было плачь мой пресѣчь, ни уговорить. Я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ; чего было и мнѣ ожидать? правда, что я не такъ много душно думала, какъ со мною сдѣлалось: потому, хотя мой женихъ и любимъ Государемъ, и знатные чины имѣлъ, и ввѣрены ему бѣ ли всякія дѣла государственныя; но подкрѣпляли меня нѣсколько честные его поступки. Знавъ его невинность, что онъ никакимъ непристойнымъ дѣламъ не косенъ ¹⁾ былъ, мнѣ казалось, что не можно безъ суда челоуѣка обвинить и подвергнуть гнѣву, или отнять честь или имѣніе; однако послѣ уже узнала, что при несчастливомъ случаѣ и правда не помогаетъ. И такъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средства, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня уговаривать, что я еще челоуѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть; а въ то время правда, что одинъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то несклонна была, а сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли эта совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце отдавъ жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другого; въ нынѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу ¹⁾. Онъ тому свидѣтель: все, любя его, сносила; сколько можно мнѣ было, еще и его подкрѣпляла. Мои сродники имѣли другое разсужденіе; такой мнѣ совѣтъ давали, или можетъ быть, меня жалѣли. Къ вечеру пріѣхалъ мой женихъ ко мнѣ, жалуясь на свое несчастіе; при томъ рассказывалъ о смерти жалости достойной, какъ Государь скончался, что все въ памяти былъ, и съ ними прощался. И

¹⁾ Прикосновенъ.

²⁾ Стихъ изъ книги Іова.

такъ говоря, плакали оба; и присягали другъ другу, что насъ, ничто не разлучить, кромѣ смерти; я готова была съ нимъ, хотя всѣ земныя пропасти прѣйтить. И такъ часъ отъ часу пошло хуже, Куда дѣвались искатели и друзья? Всѣ спрятались, и ближніе отдалече меня стаща ¹⁾, всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали уже меня бояться, чтобъ я въ встрѣчу съ кѣмъ не попалась, всѣмъ подозрительна. Лучше бъ тому человѣку не родиться на свѣтѣ, кому на время быть велику, а послѣ придти въ несчастіе: всѣ стануть презирать, никто говорить не хочетъ!

Слѣдуетъ повѣствованіе о бракосочетаніи и объ отправкѣ всей семьи Долго-рукихъ въ ссылку. Сперва имъ назначено было жить въ ихъ собственной вотчинѣ. Но не успѣли они туда прибыть, какъ ихъ настигъ новый приказъ — отправляться въ Сибирь, въ городъ Березовъ.

Только что мы отобѣдали — въ эвтомъ селѣ былъ домъ господскій и окна были на большую дорогу: — взглянула я въ окно, вижу я пыль великую на дорогѣ; видно изъ далека, что очень много ѣдутъ и очень скоро бѣгутъ. Какъ стали подъѣзжать, видно, что все телѣги парами, позади коляска . . . всѣ наши бросились смотрѣть; увидѣли, что прямо къ нашему дому ѣдутъ: въ коляскѣ офицеръ гвардіи, а по телѣгамъ солдаты, двадцать четыре человѣка. Тотчасъ узнали мы свою бѣду, что еще ихъ злоба на насъ не умалается, а большеумножается. Подумайте, что я тогда была! Упала на стулъ; а какъ опомнилась, увидѣла полны хоромъ солдаты. Я уже ничего не знаю, что они объявили свекру; а только помню, что я ухватилась за своего мужа, и не отпускала отъ себя; боялась чтобъ меня съ нимъ не разлучили. Великій плачъ сдѣлался въ домѣ нашемъ; можно ли ту бѣду описать? Я не могу ни у кого допроситься, что будетъ съ нами, не разлучать ли насъ. Великая сдѣлалась тревога; домъ былъ большой, людей множество, бѣгутъ всѣ съ квартиръ, плачутъ, припадаютъ къ господамъ своимъ, всѣ хотятъ быть съ ними неразлучно; женщины какъ есть слабыя сердца, тѣ кричатъ, плачутъ. Боже мой, какой это ужасъ! Кажется бы, и варваръ, глядя на это жалкое позорище, умиосердился. Насъ уже на квартиру не отпускаютъ; какъ я и прежде писала, что мы вездѣ на особливыхъ квартирахъ стояли, такъ не помѣстились въ одномъ домѣ; мы стояли у мужика во дворѣ, спальня наша была сарай, гдѣ сѣно кладутъ. Поставили у всѣхъ дверей часовыхъ примкнуты штыки. Боже мой, какой это страхъ! Я отъ рода ничего подобнаго этому не видала и не слыхала. Велѣли наши командиры кареты задавать; видно, что хотятъ насъ везти, да не знаемъ куда. ²⁾ Я такъ ослабѣла отъ страху, что на ногахъ не могла стоять.

Сначала ссыльныхъ привезли въ сосѣдній съ ихъ вотчиной городъ Касимовъ.

Тутъ мы жили съ недѣлю, покамѣстъ изготовили судно, на чемъ насъ везти водою. Для меня все это ужасно было; должно было молчаніемъ покрывать. Моя воспитательница, которой я отъ матери своей препоручена была, не хотѣла меня оставить, со мною и въ деревню поѣхала; думала она, что тамъ злое время проживемъ; однако не такъ.

¹⁾ Стихъ изъ псалма.

²⁾ До послѣдней минуты мужъ ея не рѣшался сказать ей, куда ихъ везутъ.

случилось, какъ мы думали, принуждена меня покинуть. Она чело-вѣкъ чужестранный, не могла эти суровости понести; однако, сколько можно ей было, эти дни страдалась, ходила на то безчастное судно, на которомъ насъ повезуть, все тамъ прибирала, стѣны обивала, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобы я не простудилась; павильонъ поставила, чуланчикъ загородила, гдѣ намъ имѣть свое пребываніе, и все то оплакивала.

Пришелъ тотъ горестный день, когда намъ надобно ѣхать. Людей намъ дали для услуги десять чело-вѣкъ, а женщинъ на каждую персону по чело-вѣку, всего пять чело-вѣкъ, Я хотѣла свою дѣвку взять съ собою, однако золовки мнѣ отговорили; для себя включили въ то число свою, а мнѣ дали дѣвку, которая была помощницей у прачекъ: ничего сдѣлать не умѣла, какъ только платье мыть; принуждена я имъ въ томъ была согласиться. Дѣвка моя плачетъ, не хочетъ отъ меня отстать; я ужъ ее просила, чтобы она мнѣ больше не сучала: пускай такъ будетъ, какъ судьба опредѣлила. И такъ я хорошо собралось: ниже рабы своей не имѣла, денегъ ни полушки; сколько имѣла она моя воспитательница при себѣ денегъ, мнѣ отдала: сумма не очень была велика, шестьдесятъ рублей, съ тѣмъ и поѣхала. Я уже не помню, пѣшкомъ ли мы шли до судна, или ѣхали; недалеко рѣка была отъ нашего дома; пришло мнѣ тутъ разставаться съ своими, потому что дозволено было имъ насъ проводить. Вошла я въ свой каютъ; увидѣла какъ онъ прибранъ: сколько можно было помогала моему бѣдному состоянію. Пришло мнѣ вдругъ ее благодарить за ея ко мнѣ любовь и воспитаніе; тутъ же и простаться, что я ее ужъ въ послѣдній разъ вижу: ухватились мы другъ другу за шею, и такъ руки мои замерли, и я не помню, какъ меня съ нею растащили. Опомнилась я въ каютѣ, или въ чуланѣ; лежу на постелѣ, и мужъ мой надо мной стоитъ, за руку держитъ, нюхать спиртъ даетъ. Я вскочила съ постели, бѣгу въ верхъ, думаю — еще разъ увижу: ниже мѣста того знать, далеко улыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на рукѣ: знать я его въ воду опустила, когда я съ своими просталась; да мнѣ уже и не жаль было — не до него; жизнь тратится — такъ я и осталась одна, всѣхъ лишилась для одного чело-вѣка. И такъ мыплыли всю ту ночь.

На другой день сдѣлался великій вѣтеръ: буря на рѣкѣ, громъ, молнія — гораздо звончѣе на водѣ нежели на землѣ; а я съ природы грому боюсь. Судно вертитъ съ боку на бокъ; какъ громъ грянетъ, такъ и падаютъ люди. Золвка меньшая очень боялась: та плачетъ и кричитъ. Я думала свѣту представленіе; принуждены были къ берегу пристать. И такъ всю ночь въ страхѣ безъ сна проводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла; мы поплыли въ путь свой и такъ мы три недѣли ѣхали водою. Когда погода тихая, я тогда сижу подъ охощкомъ въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда платки мою — вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его: онъ со мною рядомъ плыветъ, чтобы не я одна невольница была, и осетеръ со мною. А когда погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ голова болѣть и тошниться: тогда выведутъ меня на верхъ на палубу, и положить на вѣтру, и я до тѣхъ поръ безъ чувствъ лежу, пока мѣстъ погода утихнетъ, и покроютъ меня шубою: на водѣ вѣтры очень пронизательны. Иногда и онъ для компаніи подлѣ меня сидитъ. Какъ пройдетъ погода, отдохну; только ѣсть ничего не могла: все тошнилось.

Однжды что съ нами случилось. Погода жестокая поднялась, а знающаго никого нѣтъ, кто бъ зналъ, гдѣ глубь, гдѣ мель; и гдѣ можно пристать, ничего никто не знаетъ. А такъ всѣ мужики набраны изъ сохи, плывутъ куда вѣтеръ несетъ; а темно уже становится, ночь близко, не могутъ нигдѣ пристать къ берегу, погода не допускаетъ. Якорь бросили среди рѣки въ самую глубь — якорь оторвало. Мой сострадалецъ меня тогда не пустилъ на верхъ: боялся, чтобъ въ этомъ шумѣ не задавили. Люди и работники всѣ по судну бѣгутъ: кто воду выливаетъ, кто якорь привязываетъ, и такъ, всѣ въ работѣ. Вдругъ нечаянно притянуло наше судно въ заливъ; ничто не успѣло. Я слышу, что сдѣлался великій шумъ, а не знаю что. Я встала посмотрѣть: наше судно стоитъ какъ въ ящикѣ, между двухъ береговъ. Я спрашиваю, гдѣ мы: никто сказать не умѣетъ, сами не знаютъ. На одномъ берегу все березникъ, такъ какъ надобно рошѣ не очень густой. Стала эта земля осѣдять и съ лѣсомъ нѣсколько сажень опускаться въ рѣку, или въ заливъ, гдѣ мы стоимъ; и такъ ужасно лѣсъ зашумитъ подъ самое наше судно; и такъ насъ къ верху подыметъ, и въ тотъ ущербъ втянетъ. И такъ было очень долго. Думали все, что мы пропали; и командиры наши совсѣмъ были готовы спасти свой животъ на лодкахъ, а насъ оставить погибать. Наконецъ уже столько много этой земли оторвало, что видна стала за оставшей малой самою частію земли вода: надобно думать, что озеро. Когда бъ еще этотъ остатокъ оторвало, то надобно бъ намъ въ томъ озерѣ быть; вѣтеръ преужасный тогда былъ; думаю, что бъ намъ тогда конецъ былъ, когда-бъ не самая милость Божія поспѣшила. Вѣтеръ сталъ утихать и землю перестало рвать, и мы избавились той бѣды выѣхали на свѣту на свой путь, изъ залива въ большую рѣку пустились. Этотъ водяной путь много живота моего унесъ; однако все переносила, всякіе страхи, потому что еще не конецъ моимъ бѣдамъ былъ; на бѣльшія готовилась, для того меня и подкрѣплялъ.

Доѣхали мы до города ¹⁾, гдѣ надобно намъ выгружаться на берегъ и ѣхать сухимъ путемъ; я была и рада, думала такихъ страховъ не буду видѣть; послѣ узнала, что мнѣ нигдѣ лучшаго нѣтъ: не на то меня судьба опредѣлила, чтобъ покоиться! Какая-же это дорога? Триста верстъ должно было переѣхать горами, верстъ по пяти на горы и съ горы также; онѣ же какъ усыпаны дикимъ камнемъ, и дорожка такая узкая, въ одну лошадь только впряжено, что называется гусемъ, потому что по обѣ стороны рвы; ежели въ двѣ лошади впрячь, то одна другую въ ровъ спихнетъ; оные же рвы лѣсомъ обросли. Не можно описать, какой они вышины; какъ взѣдешь на самый верхъ горы и посмотришь по сторонамъ, неизмѣримая глубина: только видны однѣ вершины лѣсу, все сосна да дубъ; отъ роду такого высокаго и толстаго лѣсу я не видала. Эта каменная дорога я думала, что у меня сердце оторветъ. Сто разъ я просилась: дайте отдохнуть! Никто не имѣетъ жалости, а спѣшатъ какъ можно наши командиры, чтобъ домой возвратиться...

Разсказъ доведенъ до момента приѣзда въ Березовъ. На этомъ записки обрываются.

---

¹⁾ Соликамска

II. ВОПРОСЪ О СТИХОСЛОЖЕНІИ И СПОРЫ О ЛИТЕРАТУРНОМЪ ЯЗЫКЪ ВЪ I-ую ПОЛ. 18 В.

Новая литература сперва была рассчитана на небольшой кругъ читателей. Писатели были придворными людьми, писавшими многое по высочайшимъ заказамъ. Отъ нихъ требовались трагедіи въ стихахъ, на манеръ классическихъ французскихъ, для придворныхъ спектаклей, стихотворенія по случаю различныхъ торжествъ и знаменательныхъ событій, — оды, на манеръ бывшихъ въ особомъ ходу у нѣмцевъ. Во вкусъ того времени были также стихотворныя посланія и сатиры. Наиболѣе выдающіеся изъ писателей 18 вѣка были людьми, такъ или иначе принимавшими участіе въ необычайно быстромъ государственномъ и культурномъ ростѣ Россіи того времени. Ода, героическая поэма, трагедія были тѣми литературными видами, въ какихъ удобнѣе всего выражалось приподнятое, восторженное настроеніе, въ которомъ они находились. Писатель слѣдовательно, былъ преимущественно стихотворцемъ¹⁾. Когда писатели трудились надъ выработкою литературнаго языка, они имѣли въ виду главнымъ образомъ стихотворный языкъ. Важнымъ вопросомъ былъ вначалѣ вопросъ объ основахъ стихосложенія. Сперва, подъ вліяніемъ польскимъ и западно-русскимъ, придерживались стихосложенія силлабическаго. Такъ писалъ свои замѣчательныя по содержательности, по выразительности и вмѣстѣ простотѣ языка сатиры Антіохъ Димитріевичъ Кантемиръ.

Изъ сатиры На хулящихъ ученіе (Къ уму своему) Кантемира (1729)

(Переработка сатиры Буало *A mon esprit*)

Уме нездорѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводи
Можно и славу достать, хотъ творцомъ не слыти,
Ведуть къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутя ноги:
Всѣхъ непрятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестеръ¹⁾ Многи на немъ силу потеряли,
Не дошедъ; нужно на немъ потѣтъ и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни расцвѣченна мраморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда, въ нашемъ молодомъ монархѣ надежда
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда

¹⁾ Сумароковъ писалъ комедіи въ прозѣ, но онѣ и въ свое время привлекли мало вниманія и вскорѣ были забыты.

²⁾ Музы

Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ защиту
 Своей не слабу почуялъ, чтяща свою свиту
 Видѣлъ его самого, ¹⁾ и во всемъ обильно
 Тщится множитъ жителей парнасскихъ онъ сильно:
 Но та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
 За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
 Расколы и ереси науки суть дѣти;
 Больше вретъ, кому далось больше разумѣти;
 Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ —
 Критонъ ²⁾ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
 И проситъ свята душа съ горькими слезами.
 Смотрѣтъ, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
 Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны.
 Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
 Службѣ, съ страхомъ слушаая, что сами не знали,
 Теперь, къ церкви соблазну, Библию честь стали,
 Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
 Мало вѣры подая священному чину;
 Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
 Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
 Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
 Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишню чаютъ,
 Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
 Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
 Силванъ другую вину наукамъ находить:
 Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
 Живали мы прежь сего, не зная латынѣ,
 Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ;
 Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали:
 Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
 Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину.
 Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину?
 Доводъ, порядокъ въ словахъ подлыхъ ³⁾ то есть дѣло;
 Знатнымъ полно ⁴⁾ подтверждать иль отрицать смѣло.
 Съ ума сошелъ, кто души силы и предѣлы
 Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
 Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
 Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
 Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни иль въ ящикъ
 Хоть грошъ? могу ль я чрезъ то узнать, что прикащикъ,
 Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
 Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?

.....

Румяный, трожды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
 Наука содружество людей разрушаетъ:

¹⁾ Т. е. Аполлинъ (Аполлонъ) видѣлъ, что самъ царь (Петръ II) чтитъ его свиту (т. е. музъ).

²⁾ Принято было называть людей, олицетворявшихъ тѣ или иныя свойства, условными, часто греческими или латинскими, именами.

³⁾ Людей не дворянскаго рода.

⁴⁾ Достаточно.

Люди мы къ сообществу Божія тварь стали ¹⁾,
 Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
 Что же пользы иному, когда я запруся
 Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
 Когда все содружество, вся моя ватага
 Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
 Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
 И такъ она не долга: на что коротати,
 Крушиться надъ книгою и повреждати очи?
 Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?

• • • • •
 Медоръ тужить, что чрезчуръ бумаги исходитъ
 На письмо, на печать книгъ; а ему приходитъ
 Что не во что завертѣтъ завитыя кудри;
 Не смѣнить на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры;
 Предъ Егоромъ ²⁾ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ;
 Рексу ³⁾, не Цицерону похвала достоинъ.

• • • • •
 Епископомъ хочешь быть? уберися въ рясу,
 Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
 Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
 Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
 Ключу пышно повели везти предъ тобою;
 Въ каретѣ раздущися, когда сердце съ гнѣву
 Трещить, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
 Долженъ архипастыремъ всякъ ты въ сихъ познати
 Знакахъ, благоговѣнно отцомъ называти.
 Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ?
 Иной, пища проповѣдь, выпись позабудетъ,
 Отъ чего доходамъ вредъ: а въ нихъ церкви права
 Лучшія основаны и вся ея слава.

Хочешь ли судьейю стать? вздѣнь перукъ ⁴⁾ съ узлами,
 Брани того, кто просить съ пустыми руками,
 Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
 Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
 Естли жъ кто вспомнить тебѣ граждански уставы,
 Иль естественный законъ, иль народны нравы:
 Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
 Налагая на судей ту тягость несносну,
 Что подъячимъ должно лѣзть на бумажны горы ⁵⁾;
 А судѣ довольно знати крѣпить приговоры.

Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
 Надъ всѣмъ мудрость и вѣнцы одна раздѣляла,
 Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
 Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду.

• • • • •

---

1) Человѣкъ созданъ для общежитія.

2) Сапожникъ въ Москвѣ,

3) Портной въ Москвѣ.

4) Парикъ.

5) Рыться въ дѣловыхъ бумагахъ.

Тредьяковскому силлабическій стихъ казался несоотвѣтствующимъ строго русскаго языка. Онъ старался приблизить русское стихосложеніе къ древнему, латинскому и греческому, ввелъ хорейскую стопу¹⁾, для небольшихъ стихотвореній и перевелъ гексаметромъ прозаическій нравоучительный романъ Фенелона *Les Aventures de Télémaque*, подъ заглавіемъ „Тилемахида“.

Изъ Тилемахиды

Книга первая

Древня размѣра стихомъ пою отцелюбнаго сына,
 Кой, отъ природныхъ бреговъ поплывъ, и странствуя долго,
 Былъ провождаемъ вездѣ Палладою Ментора въ видѣ:
 Многужь коль ни-страдалъ отъ гнѣвныя онъ Афродиты,
 За любострастныхъ сея у тѣхъ презоръ съ омерзѣнныи;
 Но прикровенна Премудрость съ нимъ отъ всѣхъ-бѣдъ из-
 бавляла,
 И возвратившуся въ домъ даровала Рождшаго видѣть.
 Странно ль, быть Добродѣтели такъ увѣнчанной успѣхомъ?
 Муса! повѣждь и вину и-конецъ путешествій сыновскихъ,
 Купно, въ промѣнѣ Царствъ и Людей, приключенія разны;
 Рцы, коль-безъ-кротости юноша пышъ, безъ скромности
 дерзокъ;
 Безъ направленій стремглавъ, чуждъ искусства безъ навы-
 ковъ дѣльныхъ;
 Внѣ постоянства превратенъ, и твердости внѣ лѣгкомысленъ;
 Коль есть медленъ ко Благу, творить Зло, Игру тщу, при-
 страстенъ;
 Чають всего отъ себя, но безъ помощи рѣяются въ бездны;
 Всежъ и сіе, и то украси Примышленіи убранствомъ.
 А воскриляса сама, утверди царить за Омиромъ;
 Слогъ Одиссіи веди стопой въ Фенелоновѣхъ слогахъ:
 Я не сравнятся хошу прославленнымъ толь стихоивцамъ
 Слуху Россійскому тѣнь подобія токмо представлю,
 Да громогласныхъ въ насъ изощрю достигать совершенства.
 Въ крайней тоскѣ завсегда уже пребывала Калипса;
 И не могла ничѣмъ своего внутрь сердца угѣшить,
 Послѣ какъ прочь отъ-нея отторгся Одиссъ невозвратно
 Въ горести той себя пренесчастливу симъ почитала,
 Что Естества была нетлѣніемъ въ вѣки безсмертна.
 Нѣдра пещеры ея ни пѣснями къ тому не гласили:
 Нимфы, служебницы, ей, ни слова жъ не смѣли промолвить.
 Часто сама одна по лугамъ ходила цвѣтушчима,
 Коими островъ тотъ опушала Весна вѣковѣчна.
 Но такія прекрасы мѣста не токмо болѣзни
 Въ ней утолять не могли, еще на печальную память
 Болѣ Одисса, тольми созерцаннаго, ей приводили.
 Многожды та на брегѣ морскомъ, стояла недвижно,
 Кой оршала, какъ дождь проливая, своими слезами.

¹⁾ Стопа соотвѣтствуетъ такту въ музыкѣ. Стихъ дѣлится на группы **слоговъ**. Въ хорей стопе въ два слога. Удареніе падаетъ на первый.

И непрестанно смотря туда, гдѣ корабль Одисеевъ,
 Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ, и сокрылся ¹⁾
 Се вдругъ узрѣла она корабля разбитаго доски,
 Лавки гребецки почти на дщицы преломаны, весла
 Также туда и сюда по песку разметаны, купно
 Шеглу ²⁾, кормило одно, и верви при брегѣ пловущи.
 Тутъ издалека потомъ увидѣла двухъ человѣковъ,
 Въ коихъ одинъ собой казался вѣка довольна;
 Лѣты другій хотъ младъ, но былъ Одиссею подобенъ:
 Онъ миловидность имѣлъ сего, имѣлъ и осанку;
 Въ немъ и таковъ же станъ, и величественъ ходъ, и обратность.
 Уразумѣтъ возмогла Богиня, что то Тилемахъ есть,
 Сынъ Ирою тому, по коемъ она сокрушалась.
 Но человѣковъ хотя превышаютъ знаніемъ боги:
 Токможъ та познать не могла, кто оный почетный
 Юноша, кой сему Тилемаху былъ провожатый:
 Ибо вышшіи Боги все отъ нижайшихъ скрываютъ,
 Что восхотятъ отъ нихъ укрыть, когда имъ угодно.
 Такъ и Аоина тогда, возслѣдствуя за Тилемахомъ,
 Благоизволила быть не познана отнюдь отъ Калипсы.
 Впрочемъ, сія корабля веселилась разбитіемъ цѣльнымъ,
 Кое на островъ въ Ней привело Одиссеева сына,
 Сына отцу своему совершенно подобнаго взоромъ.
 Идетъ къ нему она какъ не зная того всеконечно:
 Ты съ чего, рекла, воспріялъ толикую дерзость,
 Что, къ моему приваливъ такъ острову, вышель на сей же?
 Знай, пришлецъ, что въ мою нѣтъ входа безъ казни державу.

Силлабическое стихосложенеіе было, послѣ Кантемира, оконча-
 тельно оставлено. Къ нему стали возвращаться только въ самое
 послѣднее время. Гексаметръ не привился въ теченеіе всего почти 18
 вѣка. Силлабическое стихосложенеіе, основанное на счетѣ
 слоговъ и на правильномъ чередованіи удареній, привилось въ томъ
 видѣ, въ какомъ оно было закрѣплено Ломоносовымъ и Сумароко-
 вымъ. Преобладающей стопою сталъ ямбъ ³⁾, а не хорей. Преоблада-
 ющими родами поэзіи были: ода, поэма, сатира, эпистола (по-
 сланіе), трагедія. Оды писались обычно четырехстопнымъ ямбомъ,
 остальные произведенія стихогворнаго искусства — шестистопнымъ
 (т. наз. александрийскій стихъ, преобладавшій во французской поэзіи).

Наибольшія затрудненія вызывалъ вопросъ о языкѣ литера-
 турныхъ произведеній. Считалось, что языкъ торжественной („высо-
 кой“) поэзіи долженъ какъ можно менѣе походить на обыкновенный,
 быть и „высокопарнѣе“ и благозвучнѣе; въ немъ полагалось упо-
 треблять рѣдкія, поражающія слухъ и воображеніе слова. При этомъ
 возникали затрудненія: въ какой мѣрѣ можно здѣсь пользоваться
 словами того языка, которы доселѣ былъ единственнымъ литератур-
 нымъ языкомъ, церковно-славянскаго? Есть ли этотъ языкъ тотъ же
 самый, что и русскій, или-же это два разныхъ языка, какъ напр.
 латинскій и разившійся изъ него французскій? И каковъ долженъ

¹⁾ Этотъ стихъ очень нравился Пушкину.

²⁾ Мачту.

³⁾ Стопа въ два слога; ударенеіе падаетъ на второй.

быть „пристойный“ русскій поэтическій языкъ? Для пониманія сущности этихъ затрудненій и вызывавшихся ими споровъ характерны мнѣнія Тредьяковскаго, Сумарокова и Ломоносова.

Изъ Епистолы О Русскомъ языкѣ Сумарокова

Для общихъ благъ мы то передъ скотомъ имѣемъ,
 Что лутче, какъ они другъ друга разумѣемъ,
 И помощію словъ пространна языка,
 Все можемъ изъяснить, какъ мысль ни глубока,
 Описываемъ все, и чувствія и страсти,
 И мысли голосомъ дѣлимъ на мелки части.
 Принявъ драгой сей даръ отъ щедрого Творца,
 Изображеніемъ вселяемъ въ сердца.
 То, что постигнемъ мы, другъ другу сообщаемъ,
 И въ письмахъ то своимъ потомкамъ оставляемъ.
 Но не такіе намъ полезны языки,
 Какими говорятъ Мордва и Вотяки:
 Возмемъ себѣ въ примѣръ словесныхъ челоуѣковъ.
 Такой намъ надобенъ языкъ, какъ былъ у Грековъ,
 Какой у Римлянъ былъ, и слѣдуя въ томъ имъ,
 Какъ нынѣ говоритъ Италія и Римъ,
 Каковъ въ прошедшій вѣкъ прекрасенъ сталъ Французской
 Иль наконецъ сказать, каковъ способенъ Русской.
 Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ;
 Но нѣтъ довольнаго числа на немъ писцовъ.

. . . . .
 Кто пишетъ, долженъ мысль прочистить напередъ),
 И прежде самому себѣ подать въ томъ свѣтъ;
 Но многіе писцы о томъ не разсуждаютъ,
 Довольны только тѣмъ, что рѣчи составляютъ.
 Несмысленны чтецы, хотя ихъ не поймутъ,
 Дивятся имъ, и мнятъ, что будто тайна тутъ,
 И разумъ свой покрывъ, читая, темнотою,
 Невнятный складъ писца пріемлютъ красотою
 Нѣтъ тайны никакой безумственно писать.
 Искусство, чтобъ свой слогъ исправно предлагать,
 Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно,
 И рѣчи бы текли свободно и согласно.
 Письмо, что грамоткой простоѣ народъ зоветъ,
 Съ отсутствующими обычну рѣчь ведетъ:
 Быть должно безъ затѣй и кратко сочиненно,
 Какъ просто говоримъ, такъ просто изъясненно.
 Но кто ненаученъ исправно говорить,
 Тому не безъ труда и грамотку сложить.
 Слова, которыя предъ обществомъ бывають,
 Хотъ ихъ перомъ, хотя языкомъ предлагають.
 Гораздо должны быть пышнѣе сложены.

¹⁾ Въ литературномъ языкѣ наше ё произносилось какъ е. Произношеніе ё считалось „подлымъ“, нелитературнымъ. Когда передавали разговорное произношеніе, звукъ ё изображали такъ: ю.

И риторски бѣ красы въ нихъ были включены,
 Которыя въ простыхъ словахъ хотъ необычны;
 Но къ важности рѣчей потребны и приличны,
 Для изъясненія разсудка и страстей,
 Чтобъ тѣмъ входить въ сердца и привлекать людей.
 Намъ въ ономъ счастлива природа путь являетъ;
 И двери чтеніе къ искусству отверзаетъ.
 Посемъ скажу, какой похваленъ переводъ:
 Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе народъ.
 Что очень хорошо на языкѣ Французскомъ,
 То можетъ въ точности быть скаредно на Русскомъ.

. . . . .

Языкъ нашъ сладокъ, чистъ и пышенъ и богатъ;
 Но скупю вносимъ мы въ него ¹⁾ хорошій складъ;
 Такъ чтобъ незнаніемъ ево намъ не безславить;
 Намъ должно весь свой складъ хотъ нѣсколько поправить.
 Не нужно, что бы всѣмъ надъ рѣчами потѣтъ,
 А правильно писать потребно всѣмъ умѣтъ.

. . . . .

Перенимай у тѣхъ, хотъ много ихъ, хотъ мало,
 Которыхъ тщаніе искусству ревновало,
 И показало имъ, коль мысль сія дика,
 Что не имѣемъ мы богатства языка.

. . . . .

Трудолюбивая пчела себѣ беретъ,
 Отсюду, то, что ей потребно въ сладкій медъ,
 И посѣщающа благоуханну розу,
 Беретъ въ свои соты, частицы и съ навозу.
 Имѣемъ сверхъ того духовныхъ много книгъ:
 Кто виненъ въ томъ, что ты Псалтыри не постигъ,
 И бѣгучи по ней, какъ въ быстромъ морѣ судно,
 Съ конца въ конецъ разъ сто промчался безразсудно.
 Коль, аще, то чію, обычай истребилъ;
 Кто нудитъ, чтобъ ты ихъ опять въ языкъ вводилъ?
 А что изъ старины понынѣ неотмѣнно,
 То можетъ быть тобою повсюду положенно.
 Не мни, что нашъ языкъ не тотъ, что въ книгахъ чтемъ,
 Которы мы съ тобою не Русскими зовемъ.
 Онъ тотъ же, а когда бѣ онъ былъ иной, какъ мыслишь;
 Лишь только отъ того, что ты его не смыслишь;
 Такъ чтожъ осталось бы при Русскомъ языкѣ?
 Отъ правды мысль твоя гораздо въ далекѣ.
 Не знай наукъ, когда не любишь ихъ, хотъ вѣчно.
 А мысли выражать знать надобно конечно.

¹⁾ Здѣсь правописаніе слѣдуетъ русскому произношенію, въ отличіе отъ славянскаго, гдѣ буквъ Г соотвѣтствуетъ обычно выражаемый ею звукъ.

Изъ „Наставленія хотящимъ быти писателями“ Сумарокова

. . . . .

Во стихотворствѣ знай различіе родовъ,
И что начнешь, ищи къ тому приличныхъ словъ,
Не раздражая музъ худымъ своимъ успѣхомъ,
Слезами Талію, а Мельпомену смѣхомъ.
Пастушка моется на чистомъ берегу,
Не перлы, но цвѣты собираетъ на лугу.
Ни злато, ни серебро ея не утѣшаетъ:
Она главу и грудь цвѣтами украшаетъ.
Подобно, каковой всегда на ней нарядъ,
Таковъ быть долженъ весь стиховъ пастушскихъ складъ.
Въ нихъ громкія слова чтеца ушамъ жестоки,
Въ лугахъ подымутъ вихрь и возмутятъ потоки.
Оставь свой пышный гласъ въ идилліяхъ своихъ,
И въ паствахъ не глуши трубой свирѣлокъ ихъ.
Панъ скроется въ лѣса отъ звучной сей погоды,
И нимфы у потокъ уйдутъ отъ страха въ воды.
Любовну ль пишешь рѣчь или пастушій споръ:
Чтобъ не былъ ни учтивъ ни грубымъ разговоръ,
Чтобъ не былъ твой пастухъ крестьянину примѣромъ,
И не былъ бы опять придворнымъ кавалеромъ.
Вспѣвай въ идилліи мнѣ ясны небеса,
Зеленые луга, кустарники, лѣса.
Біюшіе ключи, источники и роши,
Весну, пріятный день, и тихость темной ноши.
Дай чувствовати мнѣ пастушью простоту,
И позабыти всю мірскую суету.

. . . . .

Противняе всево въ елегіи притворство,
И хладно въ ней всегда безъ страсти стихотворство,
Колико мыслію въ нево не углубись:
Коль хочешь ты писать, такъ прежде ты влюбись.

Когда Сумароковъ писалъ стихи въ „легкомъ родѣ“, онъ старился избѣгать славянскихъ словъ и употреблялъ немало простонародныхъ. Онъ смѣялся надъ Тредьяковскимъ, который, добиваясь литературнаго изящества, писалъ стихи языкомъ, уже для своего времени устарѣлымъ, невыносимо тяжелымъ, хотя и выдвинулъ требованіе писать такъ, какъ мы между собою говоримъ (см. выше предисловіе къ „Ѣздѣ въ островъ любви“). Тредьяковскій отвѣчалъ Сумарокову:

Не знаю, кто пѣвцовъ въ стихъ вкинулъ сумасбродный,
Но видно, что дуракъ и вертопрахъ негодный.
Онъ красотой зоветъ, что есть языку вредъ:
Или ямщицей вздоръ, или мужицкой бредъ.
Пусть вникнетъ онъ въ языкъ славенской нашъ степенный
Престанетъ злобно врать и глупствомъ быть надменный;

Увидитъ, что тамъ колъ не за коли, но только
 Кладется — какъ и долгъ — въ количествѣ за сколько ¹⁾.
 Не голосъ четется тамъ, но сладостнѣйшій гласъ;
 Читають око всѣ, хотъ говорятъ всѣ глазъ;
 Не лобъ тамъ, но чело; не щеки, но ланиты;
 Не губы и не ротъ, уста тамъ багряниты;
 Не нынъ тамъ и не валъ, но нынѣ и волна.
 Священна книга вся сихъ нѣжностей полна.
 Но гдѣ ему то знать? онъ только что зѣваетъ,
 Святыхъ онъ книгъ отнюдь, какъ видно, не читаетъ.
 За образецъ ему въ письмѣ пирожный рядъ,
 На площади беретъ прегнусной свой нарядъ,
 Не зная, что писать у насъ слыветъ — иное,
 А просто говорить по-дружески — другое;
 Славенскій нашъ языкъ есть правило неложно,
 Какъ книги чище намъ писать, коли возможно.

. . . . .

У нѣмцевъ то не такъ, ни у французовъ тожъ;
 Имъ нравенъ тотъ языкъ, кой съ общимъ самымъ схожъ.
 Но нашей чистотѣ вся мѣра есть славенскій,
 Не щегольковъ, ниже и грубый деревенскій.
 Ты-жъ, ядовитый змій, или какъ любишь, змѣй,
 Когда меня язвить престанешь ты, злодѣй?
 Престань, прошу, престань! къ тебѣ я не касаюсь;
 Злонравіемъ твоимъ, какъ демонскимъ, гнушаюсь.
 Тебѣ ль, Парнаска грязь, морали не-творецъ,
 Учитъ людей писать? ты, истинно глупецъ.
 Повѣрь мнѣ, крокодилъ, повѣрь, (клянусь я Богомъ)!
 Что знаніе твое все въ родѣ есть убогомъ.
 Не штука стихъ слагать, да и того ты пусть;
 Бесплоденъ ты во всемъ, хотъ и шумишь, какъ кустъ;
 Чтожъ ядомъ ты блюещь и всѣмъ меня стрѣляешь, —
 Ты только злымъ себя тѣмъ свѣту объявляешь.
 Уймись, пора уже, пора давно, зладары!
 Смерть помни, что есть Богъ и правда, мой судары!
 Хотъ тресни ты, въ трудахъ я только пребываю,
 Въ трудахъ — не въ пустотѣ; твое-жъ зло презираю.
 Но тщетно правотой къ добру тебя склонить;
 Мнѣ рыжу тварь никакъ въ добро не премѣнить.
 Въ небесной красотѣ (не твоего лишь зыка),
 Нелѣпостей гдѣ тьма россійскаго языка,
 Когда по твоему сова и скотъ ужъ я,
 То самъ ты нетопырь и подлинно свинья.

Ломоносовъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что славянскій языкъ
 близокъ къ русскому и понятенъ русскимъ, и что, вмѣстѣ съ тѣмъ,
 это языкъ, на которомъ привыкли писать о высокихъ предметахъ,

---

¹⁾ Т. е. колъ въ книжномъ языкѣ, значить не коли (когда), а, какъ и
 правильно, — сколько.

такъ какъ это языкъ религіи и Церкви. Основываясь на этомъ, онъ сдѣлалъ попытку, оказавшую большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе русскаго языка и литературы, приспособивъ къ русскимъ условіямъ ученіе старинныхъ теоретиковъ словесности о трехъ стиляхъ — въ своемъ Разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ въ руссійскомъ языкѣ (напечатано 1757).

Изъ Разсужденія

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности, такъ и руссійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣеть разныя степени: высокій, посредственный и низкій. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій руссійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у руссіанъ обще употребительны, на примѣръ: Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю. Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, на примѣръ: отвѣрзаю, Господень, насажденный, взываю. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: обаваяю, рясны, овогда, свѣнѣ и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славенскаго языка, то-есть въ церковныхъ книгахъ, на примѣръ: говорю, ручей, который, пока, лишъ. Выключаются отсюда презрѣныя слова, которыхъ ни въ какомъ стилѣ употреблять не пристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій рождаются три штиля: высокій, посредственный и низкій. Первый составляется изъ реченій славеноруссійскихъ, то-есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славенскихъ, руссіанамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны героическія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которыми они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ руссійскій языкъ передъ многими нынѣшними европейскими, пользуясь языкомъ славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средній штиль состоятъ долженъ изъ реченій, больше въ руссійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славенскія, въ высокомъ стилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностью, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ стилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе славенское положено будетъ подлѣ руссійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги и элегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то-есть, которыхъ нѣтъ въ славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славенскихъ общеупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матерій, каковы суть: комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ — дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ російскаго штиля.

ОТДѢЛЪ II.

ПОЭЗІЯ ПОСЛѢ КАНТЕМИРА И ТРЕДЬ- ЯКОВСКАГО И ДО ДЕРЖАВИНА

I. ОБРАЗЦЫ ПОЭЗИИ „ВЫСОКАГО СТИЛЯ“

Ломоносовъ.

Изъ Оды выбранной изъ Іова. (Гл. 38—41)

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человекъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь,
сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ:

„Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ:
Гдѣ былъ ты, какъ я въ строй-
номъ чинѣ ¹⁾
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ про-
славилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вд угъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ
мѣстъ,
Мое величество вѣщали;

Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ?
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую, пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвигнулъ океанъ?

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ напра-
вить,

Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли потряхнута,
Дабы безбожныхъ съ ней
сопхнута?

Стремнинами путей ты разныхъ,
Прошелъ ли моря глубину,
И счелъ ли чудъ многообразныхъ,
Стада, ходящія по дну?

¹⁾ Порядѣ

Отверзлись ли передъ тобою
 Всегдашнюю покрыты тьмою
 Со страхомъ смертныя врата?
 Ты стеръ ли ядовы уста?

Стѣсня вихремъ облакъ мрачный,
 Ты солнце можешь ли закрытьъ,
 И воздухъ отустить прозрачный,

И молнію въ дождѣ родить,
 И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
 И горъ сердца трясущимъ трескомъ
 Концы вселенной колебать
 И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?
 . . . . .

Утреннее размышленіе о Божіемъ Величествѣ (1743)

Уже прекрасное свѣтило
 Простерло блескъ свой по земли
 И Божія дѣла открыло:
 Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
 Чудяся яснымъ толь лучамъ,
 Представь, каковъ Зиждитель
 самы!

Когда бы смертнымъ толь высоко
 Возможно было возлетѣть,
 Чтобъ къ солнцу бренно наше
 око

Могло приближившись воззрѣть:
 Тогда бъ со всѣхъ открылся
 странъ
 Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
 И не находятъ береговъ;
 Тамъ вихри пламенны крутятся
 Борющись множество вѣковъ;
 Тамъ камни, какъ вода кипятъ,
 Горящи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
 Какъ искра предъ Тобой одна.

О коль пресвѣтлая лампада
 Тобою, Боже, возжена
 Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
 Что ты творить намъ повелѣлъ!

Отъ мрачной ночи свободились
 Поля, бугры, моря и лѣсъ,
 И взору нашему открылись
 Исполненны твоихъ чудесъ.
 Тамъ всякая вызываетъ плоть:
 Великъ Зиждитель нашъ Господь!

Свѣтило дневное блистаетъ
 Лишь только на поверхность тѣлъ;
 Но взоръ твой въ бездну прони-
 цаеть,

Не зная никакихъ предѣлъ.
 Отъ свѣтлости твоихъ очей
 Ліется радость твари всей.

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
 Простри премудрости лучи,
 И что угодно предъ Тобою
 Всегда твори научи,
 И, на Твою взирая тварь,
 Хвалить тебя, бессмертный Царь.

Вечернее размышленіе о Божіемъ Величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія (1743)

Лице свое скрываетъ день;
 Поля покрыла мрачна ночь;
 Взошла на горы черна тѣнь;

Лучи отъ насъ склонились прочь.
 Открылась бездна звѣздъ полна;
 Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ вол-
нахъ.

Какъ мала искра въ вѣчномъ
льдѣ,

Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій
прахъ,

Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,

Теряюсь, мыслями утомленъ

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣ-

товъ;

Несчетны солнца тамъ горятъ,

Народы тамъ и кругъ вѣковъ;

Для общей славы Божества

Тамъ равна сила естества.

Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?

Съ полныхъ странъ встаетъ

заря

Не солнце ль ставитъ тамъ свой

тронъ?

Не льдисты ль мещуть огнь

моря?

Се хладный пламень насъ по-

крылъ!

Се въ ночь на землю день всту-

пилъ!

О вы, которыхъ быстрый зракъ

Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ

правъ,

Которымъ малый вещи знакъ

Являетъ естества уставъ:

Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ пла-
нетъ;

Скажите, что насъ такъ мятеть?

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?

Что тонкій пламень въ твердь
разитъ?

Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ.

Стремится отъ земли въ зенитъ?

Какъ можетъ быть чтобъ мерз-
лый паръ.

Среди зимы рождаль пожаръ?

Тамъ спорить жирна мгла съ
водой;

Иль солнечны лучи блестятъ,

Склонясь сквозь воздухъ къ намъ
густой;

Иль тучныхъ горъ верхи горятъ,

Иль въ морѣ дуть престаль зе-
фиръ,

И гладки волны бьютъ въ эфиръ.

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ

О томъ, что окрестъ ближнихъ
мѣстъ.

Скажите жъ, коль пространенъ
свѣтъ?

И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?

Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:

Скажите жъ, коль великъ Тво-
рецъ?

Изъ Оды на день восшествія на престолъ. Императрицы Елисаветы. (1747)

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,

Блаженство сель, градовъ ограда,

Коль ты полезна и красна!

Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ

И класы на поляхъ желтѣютъ;

Сокровищъ полны корабли

Дерзаютъ въ море за тобою;

Ты сыплешь щедрою рукою

Свое богатство по земли.

Великое свѣтило міру,

Блестая съ вѣчной высоты

На бисеръ, злато и порфиру,

На всѣ земныя красоты,

Во всѣ страны свой взоръ воз-
водитъ;

Но краше въ свѣтѣ не находить.
Елисаветы и тебя.

Ты кромѣ Той всегъ превыше;

Душа ея Зефира тише

И зракъ прекраснѣе дня.

Когда на тронъ она вступила,

Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ

Тебя въ Россію возвратила,

Войнѣ поставила конецъ;
Тебя, пріявъ, облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, ска-
зала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россювъ счастьемъ улажда-
юсь,
И ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

. . . . .

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мѣрѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хочетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ
вѣка.

Сквозь всѣ препятства онъ воз-
несъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ погранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ
страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря
рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіяи окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:

Мы съ крайнимъ тщаніемъ го-
тovy
Подать въ російскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призыва-
етъ;
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Но ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ
душъ,
Завистливымъ отторжень ро-
комъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глу-
бокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи парнасски возстенали,
И Музы воплемъ проводжали
Въ небесну дверь пресвѣтлый
духъ.

. . . . .

Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ;
Пространная Твоя держава
О, какъ Тебѣ благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь
течеть:
Богатство оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.

. . . . .

И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ,
Сребро и золото истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мя-
тется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеска дневнаго свѣтила
Свирѣпый отвращаетъ взоръ.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,

А естли безъ того возможно пребывати,
Почто, скажи, почто безъ нужды умирати?

Кій. Когда Завлохъ дерзнулъ сей городъ осадить,
Иного средства нѣтъ спокойство получить.
Хоревъ. Онъ дщери своя одной отъ насъ желаетъ,
А прочее намъ все безбранно оставляетъ,
Ты самъ предъ симъ часомъ людей своихъ щадишь:
Что осталось, что вдругъ ты мысль перемѣнилъ?

Кій. Нѣтъ, князь, нейтить на брань не ту вину имѣешь,
Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешь;
Я вижу мысль твою и чту въ умѣ твоемъ,
О чемъ ты сѣтуешь, въ смятеніи своемъ:
Ты хочешь, чтобъ княжна свободу воспріяла.

Хоревъ. Хотя бы и того душа моя желала,
Чтобъ намъ въ спокойствіи, а ей въ свободѣ жить, —
Желаньемъ симъ могу ль тебя я прогнѣвить?
Щедрота похвалы въ побѣдахъ умножаетъ
И челоуѣчество въ герояхъ оставляетъ.
Или подобиться, во бранныхъ дѣйствахъ намъ,
Въ пустыняхъ ужасно воюющимъ звѣрямъ,
Которы никакой пощады не имѣютъ?
Не ихъ примѣры намъ во браняхъ быть довлѣютъ.
Довольно въ варварствѣ мы кровь свою піемъ,
Когда по должности другъ друга мы биемъ
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ.
Подъ видомъ мужества мы звѣрство почитаемъ.
Какое имя ты, лестъ груба! "злу дала!
Убийство и грабежъ геройствомъ назвала!
Мы брани окончавъ, отмстительны въ удачѣ,
Не попечительны, зря бѣдныхъ въ горькомъ плачѣ,
Чувствительны всегда, ненасытимы въ вѣкъ.
Каковъ вамъ кажется, о боги, челоуѣкъ?
Почто вы такова его природѣ дали?
Въ такомъ ли образѣ его вы созидали?
Ахъ! нѣтъ, не можетъ быть: конечно, божество
Иное тщилось въ немъ устроить естество;
Но нѣкая ему противящаяся сила
Толико мерзко насъ предъ нимъ преобразила.
Внемли, вѣтръ бурный, стонъ несчастливой души,
Оснельдинъ жалкій гласъ, и небесамъ внуши,
Воскликни истину въ селеніяхъ воздушныхъ
И жалобой трони боговъ великодушныхъ.

. . . . .

Херасковъ. Изъ поэмы Россіяда (1779)

Изъ пѣсни первой

Пою отъ варваровъ Россію свободенну,
Попранну власть Татаръ и гордость низложенну;
Движенье древнихъ силъ, труды, кроваву брань,

Россіи торжество, разрушенну Казань.
 Изъ круга сихъ времянь спокойныхъ лѣтъ начало,
 Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло.
 О ты, витающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
 Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,
 На слабое мое и темное творенье
 Пролей твои лучи, искусство, озаренье!
 Отверзи, вѣчность! мнѣ, селеній тѣхъ врата,
 Гдѣ вся отверженна земная суета,
 Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
 Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы тщетою почитаютъ,
 Передъ усыпаннымъ звѣздами алтаремъ,
 Гдѣ рядной предстоитъ послѣдній рабъ съ Царемъ;
 Гдѣ бѣдный нищету, несчастный скорбь забудеть,
 Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
 Откройся вѣчность мнѣ, да лирою моею
 Вниманье привлеку народовъ и Царей! . . .

—

Россія, прежнюю утративъ красоту,
 И видя вокругъ себя раздоръ и пустоту,
 Вездѣ уныніе, болѣзнь въ груди столицы,
 Набѣгомъ дерзкихъ Ордъ отторженны границы,
 Подъ сѣнью роскошей колеблющейся тронъ,
 Въ чужомъ владѣніи Двину, Днѣпръ, Волгу, Донъ,
 И приближеніе встрѣчая вѣчной ночи,
 Возноситъ къ небесамъ заплаканныя очи;
 Возноситъ рамена къ небесному Отцу;
 Колѣна преклонивъ, прибѣгла ко Творцу;
 Открыла грудь свою, грудь томну, изъязвленну,
 Рукою показавъ Москву окровавленну,
 Другою вокругъ нея сліянно море зла;
 Взрыдала, и речи ни слова не могла.
 На радужныхъ заряхъ превыше звѣздъ сѣдящій,
 Во буряхъ слышимый, въ перунахъ Богъ гремящій,
 Предъ коимъ солнечный подобенъ тѣни свѣтъ,
 Въ комъ движутся міры, къмъ все въ мірахъ живетъ;
 Который съ небеси на всѣхъ равно взираетъ,
 Прощаетъ, милуетъ, покоитъ и караетъ;
 Царь пламени и водъ позналъ Россіи гласъ;
 И славы чадъ своихъ послѣдній видя часть,
 Дни горести ея въ единый мигъ изчислилъ;
 Онъ руку помощи простерти къ ней помыслилъ;
 Свѣтлѣе стали вдругъ надъ нею небеса,
 Живительная къ ней спустилася роса,
 Ея печальну грудь и взоры окропила,
 Мгновенно томную Россію подкрѣпила;
 Одѣла полночь вокругъ румяная заря;
 На землю Ангели въ кристальну дверь смотря,
 Составили изъ лиръ небесну гармонию,
 И пѣли благодать, вѣнчающу Россію.

—

Изъ пѣсни седьмой

Примѣтивъ Царскій взоръ, печалью омраченный,
 Адашевъ, другъ его, взаимно огорченный,
 Не покидающій сей мужъ нигдѣ Царя,
 Вѣщалъ ему, насквозь Монарше сердце зря:
 Почтенна скорбь твоя! о дѣтяхъ ты жалѣешь;
 Но счастливъ ты, что имъ отцомъ ты быть успѣешь;
 Смотри о Государь! на подданныхъ твоихъ:
 Ты, можетъ быть, считалъ въ довольствѣ полномъ ихъ;
 Лъстецы, которые престолъ твой окружали,
 Ихъ въ райскомъ житіи тебѣ изображали.
 Когда бы ты, чужимъ повѣривъ словесамъ,
 На скорби не взглянулъ, на ихъ печали самъ,
 То, ставъ бы уловленъ сѣтьми совѣтовъ вредныхъ,
 Лъстецовъ бы наградилъ, а сихъ бы презрѣлъ бѣдныхъ;
 А естли бъ вопли ихъ къ престолу и дошли,
 Самихъ бы ихъ виной толикихъ бѣдъ почли,
 Сокрыли бъ слезы ихъ, гоненія, обиды,
 Несправедливые и вымышленны виды.
 Бываетъ часто Царь лукавствомъ уловленъ;
 Съ народомъ онъ стѣной великой раздѣленъ,
 И естли взоръ когда на подданныхъ возводитъ,
 Онъ радость на челахъ написанну находить;
 Но тщательнаго имъ въ себѣ явивъ отца,
 Ты долженъ разбирать не лица, но сердца;
 Вниманья каждый вздохъ на тронѣ удостоить;
 Тогда познаешь, какъ народно благо строить;
 Несчастны жители примѣры подаютъ;
 Ты видишь, тщетно ль здѣсь на небо вопіютъ?
 Когда бы, Государь, вельможамъ ты повѣрилъ,
 И самъ бы скорби ихъ пучины не измѣрилъ:
 Чрезъ годъ бы здѣшній край на вѣки запустѣлъ;
 И поздно бъ ихъ спасать, хотя бы ты хотѣлъ;
 Стонали бъ камни здѣсь, земля бы трепетала,
 А лестъ бы и тогда хвалы тебѣ сплетала.
 Когда бы въ праздности ты былъ сихъ бѣдъ творцомъ,
 Тебя бы нарекли ласкатели отцомъ.
 Теперь предубѣжденъ печали ихъ виною.
 Блаженство хочешь имъ доставити войною;
 Гряди, и доставляй! То правда, что война
 Для мудраго Царя быть цѣлью не должна;
 Но естли общее спокойство кто отъемлетъ,
 Тогда отечество и мощь его не дремлетъ;
 Стремится молніи и громы отвращать:
 Спасенья общаго не можно запрещать.

II. ПОЭЗИЯ „СРЕДНЯГО СТИЛЯ“

Ломоносовъ

Изъ посланія къ И. И. Шувалову о пользѣ стекла

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
 Которыя стекло чтутъ ниже минераловъ,
 Приманчивымъ лучомъ блистающихъ въ глаза:
 Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
 Не рѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь,
 И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь,
 Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
 Не камнямъ дорогимъ, не злату, но стеклу.
 И какъ я оное хваля воспоминаю,
 Не ломкость лживаго я счастья представляю.
 Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
 Чего и сильный огонь не можетъ разрушить,
 Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель:
 Стекло имъ рождено, огонь его родитель.
 Съ натурой нѣкогда онъ произвѣсть хотя
 Достойное себя и оныя дитя,
 Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью землею,
 Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
 Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
 Въ которы океанъ на брань къ нему входилъ;
 Напрягся мышцами и рамена подвинулъ,
 И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
 Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь
 И въ ночь ужасную перемѣнился день.
 Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
 Двѣ noci сложены въ едину отъ Зевеса;
 Но Этна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
 Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ,
 Изъ ней разжжонная рѣка текла въ пучину,
 И свѣтъ, отчаясь, мнилъ, что зреть свою судьбину.
 Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
 Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
 Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
 И солнцу ясному рожденіе открыли.
 Но что жъ отъ нѣдръ земныхъ родяся произошло?
 Любезное дитя, прекрасное стекло...

По долговременномъ теченьи нашихъ дней,
 Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
 Померкшее того не представляетъ чувство,
 Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искусство.
 Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ:
 Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
 Тогда противенъ день, веселіе — досада,
 Одно лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада:
 Оно способствіемъ искусныя руки
 Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки.
 Не даръ ли мы въ стеклѣ божественный имѣемъ?

Что честь достойную воздать ему коснѣемъ?..
 Во зрительныхъ трубахъ стекло являетъ намъ,
 Колико даль Творецъ пространство небесамъ,
 Сколь много солнцевъ въ нихъ пылающихъ сіяетъ,
 Недвижныхъ сколько звѣздъ намъ ясна ночь являетъ.
 Кругъ солнца нашего, среди другихъ планетъ,
 Земля съ ходящею вокругъ ней луной течетъ,
 Которую хотя весьма пространну знаемъ,
 Но къ свѣту примѣнивъ, какъ точку представляемъ.
 Коль созданныхъ вещей пространно естество!
 О коль велика ихъ создавше Божество!
 О коль велика къ намъ щедротъ Его пучина,
 Что на землю послалъ возлюбленнаго Сына!
 Не погнушался Онъ на малый шаръ сойти,
 Чтобы погибшаго страданіемъ спасти.
 Чѣмъ меньше мы Его щедротъ достойны зримся,
 Тѣмъ больше благодати и милости чудимся.
 Стекло приводитъ насъ чрезъ оптику къ сему,
 Прогнавъ глубокую невѣдѣнія тьму.
 Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ не ложны,
 Поставленны Творцомъ: другіе — невозможны.
 Въ благословенный нашъ и просвѣщенный вѣкъ
 Чего не могъ дойти по онимъ человекъ?
 Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
 Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
 Кромѣ, что въ далекѣ не кажетъ намъ вещей,
 И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей.
 Коль многихъ тварей онъ еще не достигаетъ,
 Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
 Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,
 Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ:
 Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы
 И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы.
 Не меньше нежели въ лучинѣ тяжкій китъ,
 Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
 Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
 Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
 Стекломъ познали мы толики чудеса —
 Чѣмъ Онъ наполнилъ понтъ, и воздухъ и лѣса.
 Прибавивъ ростъ вещей, оно, коль намъ потребно,
 Являетъ травъ разборъ и знаніе врачебно.
 Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
 Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!
 Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры
 Хотя предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры,
 Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
 Иль, облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
 Надежда наша въ томъ обманами не льстится:
 Стекло поможетъ намъ — и дѣло совершится.
 Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
 Чрезъ то жъ откроется въ погодахъ разность силъ.
 Коль могутъ счастливы селяне быть оттолѣ,
 Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!

Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно!

Сумароковъ. Изъ Эклоги „Агнеса“

Не отпускала мать Агнесу прочь отъ стада;
Агнеса животу тогда была не рада.
Пусти меня, пусти, она просила мать,
На половину дня по рощамъ погулять.
Лишь выпросилася, подружкѣ то сказала,
И Титиру прійти во рощу приказала.
Играло все тогда у Титира въ глазахъ,
Прекраснай и цвѣты казались на лугахъ;
Играли пастухи согласнай на свирѣли
И птички на кустахъ согласнай пѣсни пѣли;
Казалася сочнай и зеленая трава,
Прямые деревья и мягче мурава.
Онъ помнитъ, веселясь, чьимъ сердцемъ онъ владѣеть,
О коей онъ и кто о немъ сама радѣетъ,
Воображаетъ онъ утѣхи прежнихъ дней,
Которы онъ имѣлъ во сластолюбьи съ ней;
Напоминаясь симъ желанье умножаетъ
И сласть любви еще живяй воображаетъ.
Пришелъ ко сторонѣ пріятной и пустой.
Прійди подъ тѣнь деревесъ, въ березникъ сей густой,
Вздыхая говоритъ и будто какъ не вѣритъ;
И правда, кажется, въ любви лицемѣритъ.
Однако чувствуетъ съ надеждою тоску,
Гуляя по лужкамъ въ любезномъ семъ лѣску.
О тропки, говоритъ, которы мнѣ толь милы,
Вы будете всегда отнынѣ мнѣ постылы,
Когда не буду зрѣть въ сей день любезной въ васъ!
Ему за цѣлый вѣкъ казался этотъ часъ
Сучекъ-ли оторветъ иль вѣтку вѣтеръ тронетъ,
Иль съ брега камышекъ въ рѣчныхъ струяхъ потонетъ,
Или послышится чево хотя и нѣтъ,
Ему казалось, что то она идетъ.
Къ пути ея сто разъ очами обращался;
Ея приходъ ему на всякой мигъ вѣщался.
Услышалъ онъ потомъ, что нѣчто тутъ шумитъ:
Конечно, мыслить онъ, то та, кто духъ томитъ!
Взглянулъ — она въ глазахъ; тоска его отстала,
И вся ево душа тогда вострепетала...

(Далѣе въ томъ же духѣ описывается свиданіе влюбленныхъ).

Рневскій (современникъ и послѣдователь Сумарокова)

Сонетъ

Гдѣ смертнымъ обрѣсти на свѣтѣ семъ блаженство?
И коимъ образомъ въ покоѣ станемъ жить?
Въ величествѣль чиновъ прямое благоденство?
Богатство-ль можетъ здѣсь утѣхами служить?

Въ познаніи-ль вещей подробномъ совершенство
Мы счастья даннаго довлѣемъ положить?
Иль между всѣхъ когда стояло бы равенство,
Тогда печали бы не стали духъ крушить?

Во славѣ ли живетъ блистающей лучами?
Въ зажженной ли любви прелестными очами?
Въ поляхъ ли Марсовыхъ и лавровыхъ вѣнцахъ?

Во обществѣль градскомъ и суетахъ пріятныхъ?
Въ уединеніи-ль въ безчувственныхъ сердцахъ?
Не тамъ. Въ душахъ оно спокойствомъ непревратнымъ.

Истинная любовь

Чрезъ лестны выдумки понравиться искать,
Въ собраньяхъ воздыхать, метаться и ласкать,
О страсти нѣжныя всечасно изъясненья
И въ вѣчной вѣрности со клятвой увѣренья,
Притворной страстной взгляды и принужденной видъ
Любови истинной ни мало не явить;
Но неутѣшное отчаянье и мука,
Смущенное лице, задумчивость и скука,
Почтенье робкое, стремленье услужить,
Не по желанію, но по случаю жить,
Сносить несчастія, коль рокъ ихъ посылаетъ,
Вотъ и любовь и та, что мною обладаетъ.

III. ОБРАЗЦЫ ПОЭЗИИ „НИЗКАГО“ СТИЛЯ

Пѣсни Сумарокова

Въ роцѣ дѣвки гуляли,
И весну прославляли.
Дѣвку горестъ морила.
Дѣвка тутъ говорила:
Я лишалася друга,
Вянь трава чиста луга;
Не всходи, мѣсяцъ ясный;
Не свѣти ты, день красный;

Не плещите вы, воды.
Не пойду въ короводы, ¹⁾
Не нарву я цвѣточковъ,
Не сплету я вѣночковъ,
Я веселья не знаю.

¹⁾ Простонародное произношеніе вм.
хороводы.

Другъ, тебя вспоминаю
 Я и денно и ночью.
 Въ день и въ ночь сердцу тошно,
 Я любила сердечно,
 И любить буду вѣчно,
 Сыщешь ты дарагую,
 Отлучився другую.
 Сыщешь милу прекрасну,
 И забудешь несчастну,
 Та прекрасная будетъ.

Да тебя позабудетъ,
 Ахъ! а я не забуду,
 Сколько жить я не буду.
 Не пойдутъ быстры рѣки,
 Ко источнику въ вѣки:
 Такъ и мнѣ не удобно,
 Быть невѣрной подобно.

Послѣ каждаго стиха припѣвъ:
 Калина ль моя, малина ль моя.

*

Сокрылись тѣ часы, какъ ты меня искала.
 И вся моя тобой утѣха отнята:
 Я вижу, что ты мнѣ не вѣрна нынѣ стала,
 Противъ меня совсѣмъ ты стала ужъ не та.
     Мой стонъ и грусти люты,
     Вообрази себѣ,
     И вспомни тѣ минуты,
     Какъ былъ я милъ тебѣ,

Взгляни на тѣ мѣста, гдѣ ты со мной видалась,
 Всѣ нѣжности они на память приведутъ.
 Гдѣ радости мои? гдѣ страсть твоя дѣвалась?
 Прошли и въ вѣкъ ко мнѣ обратно не придутъ.

    Настала жизнь другая:
     Но ждалъ ли я такой?
     Пропала жизнь драгая;
     Надежда и покой.

Несчастенъ сталъ я тѣмъ, что я съ тобой спознался;
 Началомъ было то, что муки я терплю,
 Несчастныя еще, что я тобой прельщался,
 Несчастныя всево, что я тебя люблю.

    Сама воспламенила
     Мою ты хладну кровь;
     За что жъ ты премѣнила
     Въ недружество любовь?

Но въ пѣсняхъ пользы нѣтъ, что я лишася свободы,
 И радостей лишенъ едину страсть храня.
 На что избличать; безсильны всѣ доводы,
 Коль болѣе уже не любишь ты меня.

    Ужъ ты и то забыла:
     Мои въ плѣнъ мысли взявъ,
     Какъ ты меня любила,
     И время тѣхъ забавъ.

Сумароковъ. Волкъ и Ягненокъ (Басня)

Въ рѣкѣ пилъ волкъ, ягненокъ пилъ;
 Однако въ низъ рѣки гораздо отступилъ;
 Такъ пилъ онъ ниже:
 И слѣдственно что волкъ къ тому былъ мѣсту ближе,
 Отколѣ токи водъ стремленіе влечетъ,
 Извѣстно, что вода всегда на низъ течетъ.
 Голодной волкъ ягненка озираетъ;
 Отъ ужаса ягненокъ обмираетъ,
 И мнитъ: не буду я съ ягнятами играть,
 Не станетъ на руки меня пастушка орать,
 Не буду голоса я слышати свирѣли,
 И птички для меня послѣднія пропѣли,
 Не на зеленомъ я скончаюся лугу,
 Умру на семъ песчаномъ берегу.
 Волкъ почаль говорить: бездѣльникъ, какъ ты смѣешь
 Питье мое мутить,
 И въ воду чистую мнѣ сору напустить?
 Да ты жъ такую мать имѣешь,
 Которая ко мнѣ учтивства не храня,
 Вчера бляла на меня.
 Ягненокъ отвѣчаетъ,
 Что мать ево дней съ тридцать умерла;
 Такъ волка не она ко гнѣву привела:
 А токъ воды бѣжитъ на низъ, онъ чаеть:
 Такъ волкъ ево опивокъ не встрѣчаетъ.
 Волкъ третьею виной ягненка уличаетъ:
 Не мни что ты себя, бездѣльникъ, извинилъ,
 Ошибся я, не мать, отецъ меня бранилъ.
 Ягненокъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣ недѣли,
 Что псы ево заѣли.
 Такъ дядя твой иль братъ,
 Иль можетъ быть и свать,
 Бранилъ меня вчера, я это знаю точно,
 И говорю тебѣ я это не нарочно.
 Ягненковъ былъ отвѣтъ:
 Всея моей родни на свѣтѣ больше нѣтъ;
 Лелѣить лишь меня прекрасная пастушка.
 А! а! вертушка,
 Не отвертишься ты; вчера твоя пастушка
 Бляла на меня: комолыя рога,
 И длинной хвостъ у этого врага,
 Густая шерсть, копыты не велики;
 Довольно ли тебѣ плутишка сей улики?
 Пастушкѣ я твоей покорнѣйшій слуга,
 За то что на меня бляеть она дерзаетъ,
 А ты за то умри. Ягненка волкъ терзаетъ.

И. И. Хемницеръ. (1745—1784). Басни. Метафизикъ.

Отецъ одинъ слыхаль,
 Что за море дѣтей учиться посылаютъ,

И что того, кто за моремъ бываль,
 Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ,
 Такъ, чтобъ отъ прочихъ не отстать,
 Отецъ немедленно рѣшилъ
 Дѣтину за море послать,
 Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился.
 Но сынъ глупѣе воротился:
 Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ врялямъ,
 Которые съ ума не разъ людей сводили,
 Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
 И малаго не научили,
 А на вѣкъ дуракомъ пустили.
 Бывало съ глупости онъ по просту болталъ,
 Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
 Бывало глупые его не понимали,
 А нынѣ разумѣть и умные не стали.
 Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучаль.
 Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
 О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
 „Сыскать начало всѣхъ началъ“,
 Когда за облака онъ думой возносился,
 Дорогой шедши, оступился
 И въ ровъ попалъ.
 Отецъ, который съ нимъ случился,
 Скорѣе бросился веревку принести —
 Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
 А думный между тѣмъ дѣтина,
 Въ той ямѣ сидя, рассуждалъ:
 „Какая быть могла причина,
 Что оступился я и въ эготъ ровъ попалъ?
 Причина, кажется, тому землетрясенье;
 А въ яму скорое стремленье —
 Центральное влеченье.
 Воздушное давленье... “
 Отецъ съ веревкой прибѣжалъ:
 „Вотъ — говоритъ — тебѣ веревка: ухватися!
 Я потащу тебя, держися!“
 — „Нѣтъ, погоди тащиты! скажи мнѣ напередъ“,
 Понесъ студентъ обычный бредъ:
 „Веревка вещь какая?“
 Отецъ его былъ не ученъ,
 Но разсудителенъ, уменъ.
 Вопросъ ученый оставляя:
 „Веревка вещь — ему отвѣтствовалъ — такая,
 Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ“.
 — „На это бѣ выдумать орудіе другое“,
 Ученый все свое несеть:
 „А это что такое —
 Веревка? ... вервие простое!“
 „Да время надобно!“ отецъ ему на то:
 „А это хоть не ново,
 Да, благо, ужъ готово“.
 А время что? ... “

„А время вещь такая,
 Которую съ глупцомъ не стану я терять.
 Сиди — сказалъ отецъ — пока приду опять.“
 Что, если бы вралей и остальныхъ собрать,
 И въ яму къ этому въ товарищи послать?...
 Да яма надобна большая!

Чужая бѣда.

Ужли чужой бѣдѣ не должно помогать?
 Мужикъ возъ сѣна везъ на рынокъ продавать.
 Случился косогоръ: возъ на бокъ повалился.
 Мужикъ ну возъ приподымать,
 И очень долго съ возомъ бился,
 Да видитъ, одному ему на совладать.
 Прохожихъ въ помощь призываетъ,
 Того, другого умоляетъ,
 Тотъ мимо и другой,
 Всякъ про себя ворчитъ: „Да что-ста, возъ не мой,
 Чужой“.
 Услуга никогда въ потерю не бываетъ.

Соловей и чижъ.

Былъ домъ,
 Гдѣ подь окномъ
 И чижъ и соловей висѣли
 И пѣли.
 Лишь только соловей бывало запоетъ,
 Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ
 Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
 Которая такъ хорошо поетъ.
 Отецъ, обѣихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.
 Ну, говоритъ, узнай, мой свѣтъ,
 Которая тебя такъ много забавляетъ?
 Тотчасъ на чижику мальчишка указалъ:
 Вотъ, батюшка, она! сказалъ.
 И всячески чижа мальчишка восхваляетъ:
 „Какія перышки! Куда какъ онъ пригожь!
 Затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ.“
 Вотъ какъ мальчишка разсуждаетъ.
 Да, полно — и въ житействѣ тожь.
 О людяхъ многіе по виду заключаютъ:
 Кто наряженъ богато и пригожь,
 Того и умнымъ почитаютъ.

На то, чтоб умереть, родимся;
 Безъ жалости все Смерть разить;
 И звѣзды ею сокрушатся,
 И солнцы ею потушатся,
 И всѣмъ мірамъ она грозить.

Не мнить лишь смертный уми-
 рать
 И быть себя онъ вѣчнымъ чаеги;
 Приходитъ Смерть къ нему какъ
 тать,
 И жизнь внезапно похищаетъ.
 Увы! гдѣ меньше страха намъ,
 Тамъ можетъ смерть постичь
 скорѣе;
 Я и громы не быстрѣе
 Слетаютъ къ горнымъ вышнямъ.

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
 Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
 Оставилъ ты сей жизни брегъ,
 Къ брегамъ ты мертвыхъ уда-
 лился:
 Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
 Гдѣ жъ онъ? — Онъ тамъ. —
 Гдѣ тамъ? — Не знаемъ.
 Мы только плачемъ и зываемъ:
 „О горе намъ, рожденнымъ въ
 свѣтъ!“

Утѣхи, радость и любовь
 Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
 У всѣхъ тамъ цѣпенѣтъ кровь
 И духъ мятется отъ печали,
 Гдѣ столъ былъ явствъ, тамъ
 гробъ стоитъ;
 Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
 Надгробные тамъ вѣютъ клики,
 И блѣдна Смерть на всѣхъ гля-
 дить . . .

Глядитъ на всѣхъ — и на царей,
 Кому въ державу тѣсны міры;
 Глядитъ на пышныхъ богачей,
 Что въ златъ и сребрѣ кумиры;
 Глядитъ на прелесть и красоты,
 Глядитъ на разумъ возвышенный,

Глядитъ на силы дерзновенны —
 И точить лезвіе косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ,
 Мы — гордость, съ бѣдностью
 совмѣстна:
 Сегодня богъ, а завтра прахъ;
 Сегодня льститъ надежда лестна,
 А завтра — гдѣ ты, человекъ?
 Едва часы протечъ успѣли,
 Хаоса въ бездну улетѣли,
 И весь, какъ сонъ, прошелъ твой
 вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
 Исчезла и моя ужъ младость;
 Не сильно нѣжигъ красота,
 Не столько восхищаетъ радость,
 Не столько легкомыслень умъ,
 Не столько я благополучень:
 Желаніемъ честей размучень;
 Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ,
 И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ
 стремленье;
 Богатствъ стяжаніе минетъ,
 И въ сердцѣ всѣхъ страстей вол-
 ненье
 Прейдетъ, преидетъ въ чреду
 свою.

Подите, счастья, прочь, возможны,
 Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
 Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день иль завтра умереть,
 Перфильевъ! ¹⁾ должно намъ ко-
 нечно:
 Почто жъ терзаться и скорбѣтъ,
 Чго смертный другъ твой жилъ
 не вѣчно?
 Жизнь есть Небесъ мгновенный
 даръ;

Устрой ее себѣ къ покою,
 И съ чистою твоей душою
 Благословляя судьбу ударъ.

¹⁾ Пріятель Державина.

Властителямъ и судіямъ (1782).

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ

Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
„Доколѣ“, рекъ, „доколѣ вамъ
будеть
Щадить неправедныхъ и злыхъ?“

„Вашъ долгъ есть: сохранять законы,

На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, бсзъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

„Вашъ долгъ — спасать отъ бѣдъ
невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать без-
сильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ“.

Не внемлютъ! — видятъ и не
знаютъ!

Покрыты мглою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ.
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! — я мнилъ: вы боги властны..
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я подобно, страстны:
И такъ же смертны, какъ и я.

И вы подобно намъ падете,
Какъ съ дровъ увядшій листь
падетъ:

И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ ум-
ретъ:

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли.

Фелица (1782).

Богopodobная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокую гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растеть,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ.
Она мой духъ и умъ пленяетъ;
Подай найти ее совѣтъ.

Подай, Фелица, наставленья,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненья
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ,
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мяжся житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,

И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ пролива-
ешь:

Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въ-
ѣзжаешь.

Не ходишь съ трона на Востокъ ¹⁾:
Но, кротости ходя стезею,

¹⁾ Т. е. не посѣщаешь масонскихъ
ложъ. „Востокъ“ было условнымъ на-
званіемъ масонской организаціи.

Нашель; но лъзя ль не заблуж-
даться,
Намъ, слабымъ смертнымъ въ
семъ пути
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ
идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ
вѣжды?
Вездѣ соблазны и лести живеть;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ,
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растеть?

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы тво-
рить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ сча-
стье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ
плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ реву-
щій,
умѣетъ судномъ управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозъ пальбы ви-
дишь,
Лишь зла не стерпишь одного;
Проступки снисхожденіемъ пра-
вишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не
давишь, —
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъмы-
слишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риемы можетъ плестъ.
А что сія ума забава —
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,

Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о твоихъ поступ-
кахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шу-
ткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не должно,
Что будто завсегда возможно,
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслишь позволяешь
И о себѣ не затрещашь
И былъ и небыль гворить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ
рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы челоуѣки
Тамъ должны быть судьбой
своей,
Гдѣ ангель кроткій, ангель мир-
ный,
Сокрытый въ свѣтлости порфир-
ной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ
носитель
Тамъ можно пошептать въ бе-
сѣдахъ
И, казни не боясь, въ объѣдахъ
За здравіе царей не пить.

Тамъ съ именемъ Фелицы
можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить.
Тамъ свадебъ шутовскихъ не
парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жа-
рятъ,

Не щелкають въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчуть,
Любимцы въявь имъ не хохочуть
И сажей не марають рожъ¹⁾.

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худаго —
И самага сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь“.

Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ, кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?

Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;

¹⁾ Императрица Анна любила забавляться подлыми шутами . . . Сія шуты, когда императрица слушивала въ придворной церкви обѣдню, саживались въ лукошки, въ той комнатѣ, чрезъ которую ей изъ церкви въ внутренніе свои покои проходить должно было, и кудахтали какъ насѣдки, прочіе жъ всѣ тому, надрываяся, смѣялись (Прим. Державина).

Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ [свой свѣтъ дарить,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ];

Который дароваль свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать и прясть и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить;

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица,
Гдѣ отличень отъ честныхъ плуть?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находить?
Гдѣ мечь не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего.

Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ — Смирнѣ — Кашемирѣ?

Послушай: гдѣ ты ни живешь, —
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешмета
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ своихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья насладусь.
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранять

Отъ всѣхъ болѣзней, золь и
скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ
звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблес-
тятъ.

Екатерина была глубоко тронута „Фелицей“. Позже, какъ разсказываетъ Державинъ въ своихъ Запискахъ, она охладѣла къ поэту, „можетъ быть за то, что онъ (Державинъ говоритъ о себѣ въ 3-мъ лицѣ) по желанію ея, видя дворянскія хитрости и безпрестанные себѣ толчки, не собрался съ духомъ и не могъ такихъ ей тонкихъ писать похвалъ, каковы въ одѣ Фелицѣ и тому подобныхъ сочиненіяхъ, которыя имъ писаны не въ бытность еще при дворѣ: ибо издалека тѣ предметы, которые ему казались божественными и приводили духъ его въ воспламененіе, явились ему, при приближеніи ко двору, весьма человѣческими и даже низкими и недостойными великой Екатерины, то и охладѣлъ такъ его духъ, что онъ почти ничего не могъ написать горячимъ чистымъ сердцемъ въ похвалу ея“. И въ другомъ мѣстѣ Записокъ онъ говоритъ о томъ-же: „По желанію Императрицы . . ., чтобъ Державинъ продолжалъ писать въ честь ея болѣе въ родѣ Фелицы, хотя далъ онъ ей свое слово, но не могъ онаго сдержать по причинѣ разныхъ придворныхъ каверзъ, коими его безпрестанно раздражали, не могъ онъ воспламенить такъ своего духа, чтобъ поддерживать свой высокій прежній идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческой съ великими слабостями. Сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ для того запершись въ своемъ кабинетѣ, но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ бы онъ былъ доволенъ; все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства“. Державинъ не могъ писать, будучи холодень. Вотъ что онъ говоритъ о творчествѣ поэта: „не разгорячась и не чувствуя себя восхищеннымъ, и приниматься за музу онъ не долженъ. . . Въ превосходныхъ лирикахъ всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выраженіе, то высокое, то пламенное, то сильное, или особую краску и пріятность въ себѣ имѣющее. . .“

Видѣніе Мурзы (1783)

На темноглубомъ эфирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блισταючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпаль;

Кропя забвенія росю,
Моихъ домашнихъ усыплялъ
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ
сверкалъ.
Природа въ тишину глубоко
И въ мертвомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку

И въ высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствую принося.
Я не спалъ и со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
„Блаженъ“, воспѣлъ я, „кто до-
воленъ

Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обилень, здравъ, покоень, во-
ленъ

И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранить въ
свой вѣкъ

И всю свою въ томъ ставитъ
славу,

Что онъ лишь добрый человекъ,
Что карлой онъ и великаномъ
И дивомъ свѣта не рождень,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить не принуждены;

Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира ¹⁾)
И вѣрныхъ нѣсколько друзей

Съ нимъ могутъ въ часъ уеди-
ненный

Дѣлить и скуку и труды,
Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И сребророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ даль-
ныхъ,

Украдкой отъ придворныхъ лицъ
За розказни, за растабары,
За вирши иль за что нибудь
Исподтишка драгіе дары
Ивъ досканцахъ червонцы шлютъ.
„Блаженъ“ . . . Но съ рѣчью
сей незапно

Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярче молній пролилось
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена,
Сошла — и жрицей очутилась

¹⁾ Такъ онъ въ стихахъ называлъ
свою первую жену.

Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной,
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона,
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру.
Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орель полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской предвозвѣстникъ
славы.

Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ сво-
ихъ.

И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросными очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару,
блеснувъ.

Богиня на меня воззрѣла.
Пребудетъ образъ вѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла. —
„Мурза“! она вѣщала мнѣ:
„Ты быть себя счастливымъ чаешь.
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепещи, мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открытъ велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ
лести.

И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта — люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хотъ на нихъ
вѣнды:

Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты Сирень поющихъ грому

Бъ вредъ добродѣтели не строй
 Влаготворителю прямоу
 Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
 Хранящій мужъ честные нравы,
 Творя свой долгъ, свои дѣла,
 Царю приноситъ больше славы,
 Чѣмъ всѣхъ пѣтвовъ похвала.
 Оставь нектаромъ наполненну
 Опасну чару, гдѣ скрытъ ядъ*. —
 „Кого я зрю столь дерзновенну,
 И чьи уста меня разятъ?
 Кто ты? богиня или жрица?“
 Мечту стоящу я спросилъ.
 Она рекла мнѣ: „Я — Фелица!“
 Рекла — и свѣтлый облакъ
 скрылъ
 Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
 Божественны ея черты;
 Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
 Мой домъ, и мѣсто то цвѣты
 Покрыли, гдѣ она явилась,
 Мой богъ, мой ангелъ во плоти...
 Душа моя за ней стремилась,
 Но я за ней не могъ ийти.
 Подобно громомъ оглушенный,
 Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
 Но токомъ слезнымъ орошенный,
 Пришелъ въ себя и возгласилъ:
 „Возможно ль, кроткая царевна,
 И ты къ мурзѣ чтобъ своему
 Была сурова столь и гнѣвна,
 И стрѣлы къ сердцу моему
 И ты, и ты чтобы бросала,
 И пламени души моей
 Къ себѣ и ты не одобряла?
 Довольно безъ тебя людей,
 Довольно безъ тебя поэту
 За каждую мысль, за каждый стихъ
 Отвѣтствовать лихому свѣту
 И отъ сатиръ щититься злыхъ!
 Довольно золотыхъ кумировъ,
 Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
 Довольно кадіевъ, факировъ,

Которы въ зависти сочли
 Тебѣ ихъ неприличной лестью;
 Довольно нажилъ я враговъ!
 Иной отнесъ себѣ къ безчестию,
 Что не деруть его усовъ;
 Иному показалось больно,
 Что онъ насѣдкой не сидитъ,
 Иному — очень своевольно
 Съ тобой мурза твой говоритъ;
 Иной вмѣнилъ мнѣ въ преступ-
 ленье,
 Что я посланницей съ небесъ
 Тебя быть мыслилъ въ восхи-
 шеньѣ
 И лилъ въ восторгѣ токи слезъ,
 И словомъ тотъ хотѣлъ арбуза,
 А тотъ соленыхъ огурцовъ.¹⁾
 Но пусть имъ здѣсь докажетъ
 Муза,
 Что я не изъ числа льстецовъ;
 Что сердца моего товаровъ
 За деньги я не продаю
 И что не изъ чужихъ амбаровъ
 Тебѣ наряды я крою.
 Но, вѣнценосна добродѣтели!
 Не лестъ я пѣлъ и не мечты,
 А то, чему весь міръ свидѣтель:
 Твои дѣла суть красоты.
 Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
 И въ шуткахъ правду возвѣщу;
 Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
 Какъ лучъ, потомству сообщу;
 Какъ солнце, какъ луну поставлю
 Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
 Превознесу тебя, прославлю
 Тобой безсмертенъ буду самъ.“

¹⁾ Сіе относится на прихотливый
 нравъ кн. Потемкина . . . ; онъ нерѣд-
 ко посылавалъ нарочныхъ курьеровъ
 по Имперіи . . . за арбузами, за соле-
 ными огурцами и проч. (Прим. Держ.).

Богъ (1784).

О Ты, пространствомъ беско-
 нечный,
 Живый въ движеніи вещества,
 Теченьемъ времени превѣчный,
 Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Бо-
 жества!

Духъ, всюду сущій и единый,
 Кому нѣтъ мѣста и причины,
 Кого никто постичь не могъ,
 Кто все Собою наполняетъ,
 Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
 Кого мы называемъ — Богъ!

Измѣрить океанъ глубокой,
 Сочестъ пески, лучи планетъ,
 Хотя и могъ бы умъ высокій,
 Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
 Не могутъ духи просвѣщенны,
 Отъ свѣта Твоего рожденны,
 Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
 Лишь мысль къ Тебѣ взнестись
 дерзаетъ, —
 Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
 Какъ въ вѣчности прошедшей
 мигъ.

Хаоса бытность довременну
 Изъ безднъ Ты вѣчности воз-
 звалъ,
 А вѣчность, прежде вѣкъ рож-
 денну,
 Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
 Себя собою составляя,
 Собою изъ себя сіяя,
 Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ,
 Создавый все единымъ словомъ,
 Въ творенъи простираясь новомъ,
 Ты былъ, Ты еси, Ты будешь
 вѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ себѣ
 вмѣщаешь,
 Ее содержишь и живишь,
 Конецъ съ началомъ сопрягаешь
 И смертію животъ даришь.
 Какъ искры сыплются, стремятся,
 Такъ солнцы отъ Тебя рождаются;
 Какъ въ мразный ясный день
 зимой
 Пылинки инея сверкаютъ,
 Крутятся, зыблются, сіяютъ,
 Такъ звѣзды въ безднахъ подъ
 Тобой.

Свѣтилъ возженныхъ миллионы
 Въ неизмѣримости текутъ;
 Твои они творятъ законы,
 Лучи животворящи льютъ.
 Но огненны сіи лампы,
 Иль рдяныхъ кристалей громады,
 Иль волнъ золотыхъ кипящей
 сонмъ,

Иди горящіе эиры,
 Иль въ купѣ всѣ свѣтящи міры —
 Передъ Тобой, какъ ночь предъ
 днемъ.

Какъ капля въ море опущенна,
 Вся твердь передъ Тобой сія;
 Но что мной зримая вселенна
 И что передъ Тобою я?
 Въ воздушномъ океанѣ ономъ
 Міры умножа миллиономъ
 Стократъ другихъ міровъ, и то,
 Когда дерзну сравнить съ Тобою,
 Лишь будетъ точкою одною,
 А я передъ Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
 Величествомъ Твоихъ добротъ,
 Во мнѣ себя изображаешь,
 Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
 Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
 Несытымъ нѣкакимъ летаю
 Всегда паренъемъ въ высоты:
 Тебя душа моя быть чаеъ,
 Вникаеъ, мыслить, разсуждаеъ:
 Я есмь — конечно еси и Ты!

Ты еси! — Природы чинъ вѣ-
 щаеъ
 Гласить мое мнѣ сердце то,
 Меня мой разумъ увѣряеъ:
 Ты еси — и я ужъ не ничто!
 Частица цѣлой я вселенной,
 Поставленъ, мнится мнѣ, въ по-
 чтенной
 Срединѣ естества я той,
 Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлес-
 ныхъ,
 Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
 И цѣпь существъ связалъ всѣхъ
 мной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
 Я крайня степень вещества,
 Я средоточіе живущихъ,
 Черта начальна Божества.
 Я тѣломъ въ прахъ истлѣваю,
 Умомъ громамъ повелѣваю.
 Я царь — я рабъ, я червь — я
 богъ.
 Но будучи я столь чудесенъ,
 Отколѣ произошелъ? — безвѣ-
 стень,
 А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
 Твоей премудрости я тварь!
 Источникъ жизни, благъ податель

Душа души моей и царь!
 Твоей то правдѣ нужно было,
 Чтобъ смертну бездну преходило
 Мое безсмертно бытіе,
 Чтобъ духъ мой въ смертность
 облачился
 И чтобъ чрезъ смерть я возвра-
 тился,
 Отецъ! въ безсмертіе Твое.
 Неизъяснимый, Непостижный!

Я знаю, что души моей
 Воображенія безсильны
 И тѣни начертать Твоей;
 Но если славословить должно,
 То слабымъ смертнымъ невоз-
 можно
 Тебя ничѣмъ инымъ почитать,
 Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвы-
 шаться,
 Въ безмѣрной разности теряться
 И благодарны слезы лить.

О томъ, какъ была написана эта ода, Державинъ такъ расска-
 зываетъ: „Азгоръ первое вдохновеніе или мысль къ написанію сей
 оды получилъ въ 1730 г. бывъ во дворцѣ у всенощной въ Свѣтлое
 Воскресенье, и тогда уже, пріѣхавъ домой, первыя строки положилъ
 на бумагу; но будучи занятъ должностію и разными свѣтскими суе-
 тами, сколько ни принимался, не могъ окончить оную...; безпрестан-
 но, однако, былъ побуждаемъ внутреннимъ чувствомъ, и для того
 чтобъ удовлетворить оное, сказавъ первой своей женѣ, что онъ ѣдетъ
 въ Польскія свои деревни для осмотра оныхъ, поѣхалъ и, прибывъ
 въ Нарву, нанялъ маленькій покой въ городѣ...; гдѣ затершись со-
 чинялъ оную нѣсколько дней, но не докончивъ послѣдняго куллета
 сей оды, что было уже ночью, заснулъ передъ свѣтомъ: видитъ во
 снѣ, что блещетъ сѣтъ въ глазахъ его; проснулся и въ самомъ дѣ-
 лѣ воображеніе такъ было разгорячено, что казалось ему, вокругъ
 стѣнъ бѣгаетъ свѣтъ, и съ симъ вмѣстѣ полились потоки слезъ изъ
 глазъ у него; онъ всталъ и въ ту же минуту, при освѣщающей лам-
 падѣ, написалъ послѣднюю сію строфу, окончивъ тѣмъ, что въ самомъ
 дѣлѣ проливалъ онъ благодарныя слезы за тѣ понятія, которыя ему
 вперены были“ .

Изъ оды Водопадъ (1791).

Алмазна сыплется гора
 Съ высотъ четыремя скалами:
 Жемчугу бездна и сребра
 Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буг-
 рами;
 Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
 Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
 Шумитъ и средь густаго бора
 Теряется въ глуши потомъ;
 Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ
 скоро;
 Подъ зыбкимъ сводомъ древъ,
 какъ сномъ
 Покрываютъ, волны тихо льются,
 Рѣкою млечною влекутся.

Съдая пѣна по брегамъ
 Лежитъ клубами въ дебряхъ
 темныхъ:
 Стукъ слышенъ млатовъ по вѣ-
 трамъ,
 Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ
 подъемныхъ:
 О водопадъ! въ твоёмъ жерлѣ
 Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ.
 Вѣтрами ль сосны пораженны,
 Ломаются тобой въ куски;
 Громами ль камни отторженны,
 Стираются тобой въ пески;
 Скватъ ли воду льды держаютъ,
 Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.

Волкъ рыщетъ вокругъ тебя и,
страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падающихъ ревъ,
Рога на спину преклоняетъ

И быстро мчится межъ деревьевъ;
Ее страшитъ вокругъ шумъ, буръ
свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится;
Отважно въ хлябь твою стремится.
. . . . .

ЛАСТОЧКА (1794).

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь;
Надъ гнѣздышкомъ сидя, поешь;
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ
бьешь.

Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ, простряся, плывешь.

Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рляной играешь зарей,
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелькаешь твоей.

Ты часто, какъ молнія, рѣешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успѣешь
Невидимы видѣть слѣды;
Но видишь тамъ всю ты вселенну,
Какъ будто съ высотъ на коврѣ;
Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотѣ тамъ
сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зеленой,
Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ,
Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдаленной;

Тамъ мошки толкуются столпомъ,
Тамъ гнутся съ утеса въ понгъ
воды,
Тамъ ластятся струи къ брегамъ.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лѣта роскошнаго храмъ;
Но видишь и бури ты черны,
И осени скучной приходъ,
И прячешься въ бездны подземны,

Хладѣя зимою какъ ледъ.
Во мракѣ лежишь бездыханна;
Но только лишь придетъ весна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
Встаешь ты отъ смертнаго сна:
Встанешь, откроешь зѣницы —
И новый лучъ жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.
Душа моя! гостья ты міра.
Не ты ли перната сія?
Воспой же безсмертія лира!
Возстану, возстану и я;
Возстану — и въ безднѣ ээира
Увижу ль тебя я, Плѣнира?

Написано по поводу смерти его первой жены. Обр. вниманіе на намѣренныя неправильности размѣра, воспроизводящія порывистыя движенія ласточки при полетѣ.

Призываніе и явленіе Плѣниры (1794).

Приди ко мнѣ, Плѣнира,
 Въ блистаніи луны,
 Въ дыханіи зефира,
 Во мракѣ тишины.
 Приди въ подобьи тѣни,
 Въ мечтѣ иль легкомъ снѣ
 И, сѣдши на колѣни,
 Прижмися къ сердцу мнѣ;
 Движенія исчисли,
 Вздыханіе измѣрь
 И всѣ мои ты мысли
 Проникни и повѣрь:
 Хоть острый серпъ судьбины
 Моихъ не косить дней,
 Но нѣтъ ужъ половины
 Во мнѣ души моей.

Я вижу: ты въ туманѣ
 Течешь ко мнѣ рѣкой,
 Плѣнира на диванѣ
 Простерлась надо мной, —
 И легкимъ осязаньемъ

Устъ сладостныхъ твоихъ,
 Какъ вѣтерокъ дыханьемъ,
 Въ объятіяхъ своихъ
 Меня ты утѣшаешь
 И шепчешь нѣжно въ слухъ:
 „Почто такъ сокрушаешь
 Себя, мой милый другъ?
 Нельзя смягчить судьбину,
 Ты сколько слезъ не лей;
 Милою половиною
 Займи души твоей“.

Сочинено . . . по случаю, что на другой день смерти первой жены его, лежа на диванѣ, проснувшись по утру, видѣлъ, что изъ дверей буфета течетъ къ нему бѣлый туманъ и ложится на него, потомъ какъ будто чувствовалъ ласканіе около его сердца неизвѣстнаго какого-то духа (прим. Держ.). Милена — Дарья Алексѣевна Дьякова, вскорѣ ставшая его второй женою.

Вельмона (1794).

Не украшеніе одеждъ
 Моя днесъ Муза прославляетъ,
 Которое въ очахъ невѣждъ
 Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
 Не пышности я пѣснь пою;
 Не истуканы за кристаломъ,
 Въ кивотахъ блещущи металломъ,
 Услышатъ похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
 Которыя собою сами
 Умѣли титла заслужить
 Похвальными себѣ дѣлами;
 Кого ни знатный родъ, ни санъ,
 Ни счастье не украшали;
 Но кои доблестью снискали
 Себѣ почтенье отъ гражданъ.

Кумирь, поставленный въ по-
 зоръ,
 Несмысленную чернь прельщаетъ
 Но коль художниковъ въ немъ
 взоръ
 Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:

Се образъ ложныя молвы,
 Се глыба грязи позлащенной,
 И вы, безъ благости душевной,
 Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Не перлы персскія на васъ,
 И не бразильски звѣзды ясны;
 Для возлюбившихъ правду глазъ
 Лишь добродѣтели прекрасны:
 Онѣ суть смертныхъ похвала.
 Калигула! твой конь въ сенатѣ
 Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
 Сіяютъ добрыя дѣла.

Осель останется осломъ,
 Хотя осыпъ его звѣздами,
 Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
 Онъ только хлопаетъ ушами.
 О! тщетно Счастія рука,
 Противъ естественнаго чина,
 Безумца рядить въ господина
 Или въ шумиху дурака.

Какихъ не вымышляй пружинъ,

Чтобъ мужу бую ¹⁾ умудриться, —
 Не можно вѣкъ носить личинъ,
 И истина должна открыться.
 Когда не свергъ въ бояхъ, въ
 судахъ
 Въ совѣтахъ царскихъ, супоста-
 товъ:
 Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ
 Въ марокскихъ лентахъ и звѣз-
 дахъ ²⁾).

Оставя скипетръ, тронъ, чер-
 тогъ,
 Бывъ странникомъ, въ пыли и
 потъ,
 Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
 Блесталъ величествомъ въ ра-
 ботъ:
 Почтенъ и въ рублищѣ герой!
 Екатерина въ низкой долъ
 И не на царскомъ бы престолѣ
 Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбя
 леть
 Не обуяла бь умъ надменный:
 Что наше благородство, честь,
 Какъ не изящности душевны?
 Я князь — коль мой сіяетъ духъ;
 Владѣлецъ — коль страстьми
 владѣю;
 Боляринъ — коль за всѣхъ болѣю,
 Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять
 Умъ здравый, сердце просвѣ-
 щенно;
 Собой примѣръ онъ долженъ
 дать,
 Что званіе его священо,
 Что онъ орудье власти есть,
 Подпора царственнаго зданья.
 Вся мысль его, слова, дѣянья
 Должны быть — польза, слава,
 честь.

¹⁾ неистовому

²⁾ Купецъ, злостный банкротъ, при-
 творившійся сумасшедшимъ, увѣрявшій
 что женится на марокской принцессѣ
 и показывавшій ордена, которые ему
 будто бы прислала невѣста.

А ты, второй Сарданапалъ
 Къ чему стремишь всѣхъ мыслей
 бѣги?
 На толь чтобъ вѣкъ твой про-
 текаль
 Средь игръ, средь праздности и
 нѣги?
 Чтобъ пурпуръ, злато всюду
 взоръ
 Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
 Картины въ зеркалахъ дышали,
 Мусія, мраморъ и фарфоръ?

На толь тебѣ пространный
 свѣтъ,
 Простерши раболѣпны длани,
 На прихотливый твой обѣдъ
 Вкуснѣйшихъ яствъ приносить
 дани,
 Токай густое льетъ вино,
 Левантъ — съ звѣздами кофе
 жирный,
 Чтобъ не хотѣлъ за трудъ все-
 мѣрный
 Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ те-
 куть
 И, съ шумомъ вверхъ стремясь,
 сверкаютъ;
 Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
 И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
 На то ль, чтобы на все взиралъ
 Ты окомъ мрачнымъ, равнодуш-
 нымъ,
 Средь радостей казался скуч-
 нымъ
 И въ пресыщеніи зѣваль?

А тамъ израненный герой,
 Какъ лунь во браняхъ посѣдѣв-
 шій,
 Начальникъ прежде бывшій твой,
 Въ переднюю къ тебѣ пришед-
 шій
 Принять по службѣ твой при-
 казь,
 Межъ челядью твоей златою,
 Поникнувъ лавровой главою,
 Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ.

А тамъ — вдова стоитъ въ
 сѣняхъ

И горьки слезы проливаетъ,
 Съ груднымъ младенцемъ на
 рукахъ
 Покрова твоего желаетъ;
 За выгоды твои, за честь
 Она лишилася супруга:
 Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
 Пришла мольбу свою притѣсть.

А тамъ — на лѣстничный вос-
 ходъ
 Прибрелъ на костыляхъ согбен-
 ный,
 Безстрашный, старый воинъ тотъ,
 Тремя медальми украшенный,
 Котораго въ бою рука
 Избавила тебя отъ смерти;
 Онъ хочетъ руку ту простерти
 Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ — гдѣ жирный песь
 лежитъ,
 Гордится вратникъ галунами, —
 Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
 Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
 Проснися, Сибариты! — ты спишь,
 Иль только въ сладкой нѣгѣ
 дремлешь;
 Несчастныхъ голосу не внемлешь
 И въ развращенномъ сердцѣ
 мнишь:

„Мнѣ мигъ покоя моего
 Пріятнѣй, чѣмъ въ исторіи вѣки;
 Жить для себя лишь одного,
 Лишь радостей умѣть пить рѣки,
 Лишь вѣтромъ плыть, гнестъ
 чернь ярмомъ;
 Стыдъ, совѣсть — слабыхъ душъ
 тревога.
 Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!
 Злодѣй!.. увы!.. и грянулъ
 громъ.“

Блаженъ народъ, который
 полнъ
 Благочестивой вѣры къ Богу,
 Хранить царевъ всегда законъ,
 Читить нравы, добродѣтель строго
 Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣ-
 тей,

Въ единодушіи — блаженство,
 Во правосудіи — равенство,

Свободу — во уздѣ страстей.

Блаженъ народъ, гдѣ царь
 главой,
 Вельможи — здоровы члены тѣла,
 Прилежно долгъ всѣ правятъ
 свой,
 Чужаго не касаясь дѣла;
 Глава не ждетъ отъ ногъ ума
 И силъ у рукъ не отнимаетъ;
 Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
 Повелѣваетъ же сама.

Симъ твердымъ узломъ есте-
 ства
 Коль царство лишь живетъ сча-
 стливимъ, —
 Вельможи! славы, торжества
 Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть
 правдивимъ,
 Какъ блюсть народъ, царя лю-
 бить,
 О благѣ общемъ ихъ стараться,
 Змѣей предъ трономъ не сги-
 баться,
 Стоять — и правду говорить.

О росскій бодрственный на-
 родъ,
 Отѣчески хранящій нравы!
 Когда разслабъ весь смертныхъ
 родъ,
 Какой ты не причащенъ славы?
 Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ?
 Тотъ храбрымъ былъ средь бран-
 ныхъ звуковъ,
 Здѣсь далъ безстрашный Долго-
 руковъ
 Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена
 Того я славнаго Камилла ¹⁾,
 Котораго труды, война
 И старость духъ не утомила.
 Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
 Сошелъ въ шалашъ свой равно-
 душно
 И отъ сохи опять послушно

¹⁾ Подразумѣвается П. А. Румян-
 цевъ-Задунайскій, утратившій довѣріе
 Екатерины и оставшійся не у дѣла.

Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, герой, желаній мужъ,
 Не роскошью вельможа славный,
 Кумиръ сердець, плѣнитель
 душъ,
 Вождь, лавромъ, маслиной вѣн-
 чанный,
 Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ!
 Ты ею славься, утѣшайся,
 Борись вновь съ бурями, му-
 жайся,

Какъ юный возносись орель.

Пари — и съ высоты твоей
 По мракамъ смутнаго эфира
 Громовой пролети струей,
 И, опочивъ на лонѣ мира,
 Возвесели еще царя;
 Простри твой поздній блескъ въ
 народѣ,
 Какъ отдаетъ свой долгъ при-
 родѣ
 Румяна вечера заря.

Приглашеніе къ обѣду (1795).

Шекспинска стерлядь золотая,
 Каймакъ и борщъ уже стоятъ;
 Въ графинахъ вина, пуншъ, бли-
 стая
 То льдомъ, то искражи, манятъ;
 Съ курильницъ благовонья льют-
 ся,

Не смѣютъ слуги и дохнуть,
 Тебя стола вокругъ ожидая;
 Хозяйка статная, младая
 Готова руку претянуть.

Приди, мой благодѣтель дав-
 ный,
 Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ
 добра.

Приди. — и домъ хоть не наряд-
 ный,
 Безъ рѣзбы, злата и сребра,
 Мой посѣти: его богатство —
 Приятный только вкусъ, опрят-
 ство

И твердый мой, нельстивый нравъ.
 Приди отъ дѣлъ попрохладиться,
 Поѣсть, попить, повеселиться
 Безъ вредныхъ здравію приправъ.

Не чинъ, не случай и не знат-
 ность
 На русскій мой простой обѣдъ
 Я звалъ, — одну благопріятность;
 А тотъ, кто дѣлаетъ мнѣ вредъ,
 Пирушки сей не будетъ зритель.
 Ты, ангель мой, благотворитель.
 Приди — и насладися благъ;
 А вражій духъ да отженется,

Моихъ пороговъ не коснется
 Ничей недоброхотный шагъ.

Друзьямъ моимъ я посвящаю,
 Друзьямъ и красотѣ сей день;
 Достоинствамъ я цѣну знаю,
 И знаю то, что вѣкъ нашъ тѣнь;
 Что лишь младенчество прово-
 димъ,

Уже ко старости приходимъ,
 И Смерть къ намъ смотритъ
 чрезъ заборъ:
 Увы! то какъ не умудриться,
 Хоть разъ цвѣтами не увиться
 И не оставить мрачный взоръ?

Слыхаль, слыхаль я тайну эту,
 Что иногда груститъ и царь;
 Ни ночь, ни день покоя нѣту,
 Хотя имъ вся покойна тварь.
 Хотя онъ громкой славой зна-
 тенъ,

Но ахъ! и тронъ всегда-ль пріят-
 тенъ
 Тому, кто вѣкъ свой въ хлопот-
 тахъ?

Тутъ зреть обманъ, тамъ зреть
 упадокъ:
 Какъ бѣдный часовой тогъ жа-
 локъ,
 Который вѣчно на часахъ!

Итакъ, доколь еще ненастье,
 Не помрачаетъ красныхъ дней
 И приголубливаетъ счастье.

И гладить насъ рукой своей;
 Доколь не пришли морозы,
 Въ саду благоухаюгъ розы,
 Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
 Такъ! будемъ жизнью наслажда-
 ться,
 И тѣмъ, чѣмъ можемъ утѣша-
 ться,
 По платью ноги протягать.

А если ты иль кто другіе

Изъ званныхъ, милыхъ мнѣ го-
 стей,
 Чертоги предпочтя златые
 И явства сахарны царей,
 Ко мнѣ не срядитесь откушать:
 Извольте мой вы толкъ прослу-
 шать;
 Блаженство не въ лучахъ пор-
 фиръ,
 Не въ вкусъ явствъ, не въ нѣ-
 гѣ слуха,
 Но въ здравьи и спокойствѣ духа.
 Умѣренность есть лучшей пирь.

Памятникъ (1796).

Я памятникъ себя воздвигъ чудесный, вѣчный;
 Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
 Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
 И времени полетъ его не сокрушитъ.

Такъ! весь я не умру; но часть меня большая,
 Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
 И слава возрастетъ моя, не увядая,
 Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
 Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
 Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неизсчитныхъ,
 Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ.
 О дождѣтеляхъ Фелицы возгласить,
 Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
 И истину царямъ съ улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
 И презригъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
 Непринужденною рукой, неторопливой,
 Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Храповицкому (1797).

Храповицкій дружбы знаки
 Вижу я къ себѣ твои:
 Ты ошибки, лести и враки
 Кажешь праведно мои;
 Но съ тобой не соглашуся
 Я лишь въ томъ, что я орель.

А по твоему коль станеть,
 Ты мнѣ пути развяжи;
 Гдѣ свободно громъ мой гря-
 нетъ,
 Ты мнѣ небо покажи;
 Гдѣ я въ поприще пушуся

И препонъ бы не имѣлъ?

Гдѣ чертогъ найду я правды?
Гдѣ увижу солнце въ тѣмѣ?
Покажи мнѣ тѣ ограды
Хоть близъ трона въ вышинѣ,
Чтобъ гдѣ правду допущали
И любили бы ее.

Страха связаннымъ цѣпями
И рожденнымъ подъ жезломъ,
Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?
А хотя бъ и возлетѣмъ, —
Чувствуемъ ярмо свое.

Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильнымъ угождать,
Ихъ любимцамъ поклоняться,
Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать.
Рабъ и похвалить не можетъ,
Онъ лишь можетъ только ль-
стить.

Извини жъ, мой другъ коль
лестно

Я кого гдѣ воспѣвалъ:
Днесъ скрывать мнѣ тѣхъ без-
честно,
Разъ кого я похвалялъ.
За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтить.

Соловей во снѣ (1797).

Я на холмѣ спалъ высокомъ,
Слышалъ гласъ твой, Соловей;
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Внятенъ былъ душѣ моей!
То звучалъ, то отдавался,
То стоналъ, то усмѣхался
Въ слухъ издалече онъ, —
И въ объятіяхъ Калисты
Пѣсни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкій сонъ.

Если по моей кончинѣ,
Въ скучномъ безконечномъ снѣ,
Ахъ! Не будутъ такъ, какъ нынѣ,
Эти пѣсни слышны мнѣ;
И веселья, и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу боль ше я:
Стану жъ жизнью наслаждаться,
Чаще съ милой цѣловаться
Слушать пѣсни соловья.

Въ этомъ стихотвореніи ни разу не употребленъ звукъ *Р*. Державинъ сдѣлалъ опытъ, чтобы показать, что на русскомъ языкѣ можно достигнуть въ стихахъ величайшаго благозвучія. Звукъ *Р* считается почему то грубымъ, рѣзкимъ и нарушающимъ „сладость“ стиха.

Возвращеніе весны (1797).

Возвращается весна,
И Хариты вокругъ блистаютъ,
Взоры смертныхъ привлекаютъ.
Гдѣ стоитъ, грядетъ она, —
Воздухъ дышетъ ароматомъ,
Усмѣхается заря,
Чешутся рѣки златомъ;
Рощи, въ зеркала смотря,
На вѣтвяхъ своихъ качають
Теплы, легки вѣтерки;
Сильфы рѣзвятся, порхають,

Зелень всюду и цвѣтки
Стелютъ по землѣ коврами;
Рыбы мечутся изъ водъ;
Журавли, вѣясь кругами
Сквозь небесный синій сводъ,
Какъ валторны возглашаютъ;
Соловей гремитъ въ кустахъ;
Звѣри прыгаютъ, играютъ,
Гласъ ихъ вторится въ лѣсахъ,
Горстью пахарь пождь на нивы
Сѣетъ вокругъ себя златой;

Бѣлы парусы и гривы,
 Вздудись на морѣ горой;
 Вся природа торжествуетъ,
 Празднуетъ весны приходъ,
 Все играетъ, все ликуетъ.
 Нимфы! станьте въ хороводъ
 И въ бѣлѣйши снѣга ткани

Облеченны, изо льну,
 Простирайте нѣжны длани,
 Принимайте вы весну,
 А въ цвѣтахъ ея щедроты,
 А въ зефирахъ огнь сердцама.
 Съ нею къ вамъ летятъ Эроты,
 Безъ любви нельзя жить вамъ.

Лебедь (1804).

Необычайнымъ я паренемъ,
 Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
 Съ душой безсмертною и пѣнь-
 емъ,
 Какъ лебедь, въ воздухъ подни-
 мусь.

Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный?
 Не задержусь въ вратахъ мы-
 тарствъ
 Надъ завистью превознесенный,
 Оставляю подъ собой блескъ
 царствъ.

Да, такъ! хоть родомъ я не сла-
 венъ;
 Но, будучи любимецъ Музъ,
 Другимъ вельможамъ я не равень,
 И самой смертью предпочтусь.

Не заключить меня гробница,
 Средь звѣздъ не превращусь я
 въ прахъ,
 Но, будто нѣкая цѣвница,
 Съ небесъ раздамся въ голосахъ.

И се ужъ кожа, зрю, перната
 Вкругъ стань обтягиваетъ мой;
 Пухъ на груди, спина крылата;
 Лебяжьей лоснись бѣлизной.

Лечу, парю, — и предъ собою.
 Моря, лѣса, міръ вижу весь;
 Какъ холмъ онъ высится главою.
 Чтобы услышать Богу пѣснь.

Съ Курильскихъ острововъ до
 Буга,
 Отъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ
 водъ,
 Народы, свѣта съ полукруга,
 Составившіе Россовъ родъ,

Со временемъ о мнѣ узнаютъ:
 Славяне, Гунны, Скифы, Чудь,
 И всѣ, что бранью днесъ пыла-
 ютъ,
 Покажутъ перстомъ, — и рекутъ:

„Вотъ тотъ летитъ, что, строя,
 лиру,

Языкомъ сердца говорилъ
 И, проповѣдуя миръ міру,
 Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ“.

Прочь съ пышнымъ, славнымъ
 погребеньемъ,
 Друзья мои! хоръ Музъ, не пой!
 Супруга, облекись терпѣньемъ:
 Надъ мнимымъ мертвецомъ не
 вой!

Четыре возраста (1805).

Какъ свѣтятся блески
 На розѣ росы,
 Такъ милы уявѣшки
 Невинной красы.
 Младенческой образъ
 Видъ въ каплѣ зари.

А быстро журчащій
 Межъ розъ и лилей,
 Какъ перломъ блестящій,
 По лугу ручей:
 Такъ юности утро,
 Играя, течетъ.

Рѣка жь или взморье
 Полднейной порой
 Какъ въ доль иль на взгорье
 Несется волной:
 Такъ мужество бурно
 Страстями блеститъ.

Какъ озеро сткляно,
 Утихнувъ отъ бурь,
 Такъ тихо и важно

Чуть кажетъ лазурь:
 Такъ старость подъ вечеръ
 Стоитъ на клюкъ.

Сколь счастливъ, кто въ жизни
 Всѣ возраста вель,
 Страшась укоризны
 Внутрь совѣсти золь!
 На западъ свой ясный
 Онъ весело зритъ.

Признаніе (1807).

Не умѣлъ я притворяться,
 На святаго походить,
 Важнымъ саномъ надуваться
 И философа брать видъ;
 Я любилъ чистосердечье,
 Думалъ нравиться лишь имъ;
 Умъ и сердце чловѣчье
 Были гениемъ моимъ.
 Если я блисталъ восторгомъ,
 Съ струнъ моихъ огонь летѣлъ,
 Не собой блисталъ я — Богомъ:
 Внѣ себя я Бога пѣлъ.
 Если звуки посвящались
 Лиры моя царямъ, —
 Добродѣтелями казались
 Мнѣ они равны богамъ.
 Если за побѣды громки
 Я вѣнцы сплеталъ вождямъ, —
 Думалъ перелить въ потомки

Души ихъ и ихъ дѣтямъ.
 Если гдѣ вельможамъ властнымъ
 Смѣлъ я правду брякнуть въ
 слухъ,
 Мнилъ быть сердцемъ непри-
 страстнымъ
 Имъ, царю, отчизнѣ другъ.
 Если жь я и суетою
 Самъ былъ свѣта обольщенъ, —
 Признаюся, красотою
 Бывъ плѣненнымъ, пѣлъ и женъ.
 Словомъ: жегъ любви коль пла-
 мень,
 Падалъ я, вставалъ въ мой
 вѣкъ, —
 Брось, мудрецъ, на гробъ мой
 камень,
 Если ты не чловѣкъ.

Евгенію ¹⁾. Жизнь Званская (1807).

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
 Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
 Не ищетъ при дворѣ ни злата, ни честей,
 И чуждъ суетъ разнообразныхъ.

Зачѣмъ же въ Петропѣль на вольну ѣхать страсть,
 Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
 Подъ бремя роскоши, богатствъ, сиренъ подъ власть
 И предъ вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что съ вольностью златой,
 Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ? ²⁾
 Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
 Покой мнѣ нуженъ — дней въ останкѣ.

¹⁾ Митрополитъ Евгеній, другъ Державина, знатокъ литературы.

²⁾ Усадьба Державина, гдѣ онъ проживалъ въ отставкѣ.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ;
 Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
 Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ
 Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,
 Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
 О! коль доволенъ я, оставилъ что людей
 И честолюбія избѣгъ отъ жала.

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ,
 Зрю на багряныхъ зарь, на солнце восходяще;
 Ищу красивыхъ мѣстъ между пилей и розъ,
 Среди сада храмъ жезломъ чертяще.

Иль накормя моихъ пшеницей голубей,
 Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ небомъ круги;
 На разноперыхъ птицъ, доющихъ средь сѣтей,
 На кроющихъ, какъ снѣгомъ, туги.

Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
 Вдали тетеревей глухое токованье,
 Барашковъ¹⁾ въ воздухъ, въ кустахъ свистъ соловьевъ,
 Ревъ кравъ, громъ желнъ²⁾ и коней ржанье.

На кровлѣ жъ зазвенитъ какъ ласточка, — и паръ
 Повѣетъ съ дома мнѣ манчурской иль левантской³⁾,
 Иду за круглый столъ: и тутъ-то растобаръ
 О снахъ, молвъ градской, крестьянской,

О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
 Чьи въ рамахъ по стѣнамъ злагыхъ блистаютъ лица,
 Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
 И для прикрасъ моей свѣглицы,

Въ которой поутру, иль въ вечеру, порой
 Дивлюся въ Вѣстникъ, въ газетахъ иль журналахъ,
 Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
 Гдѣ есть Суворовъ въ генералахъ;

Въ которой къ госложѣ, для похвалы гостей,
 Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
 Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
 Ковровъ и кружевъ и вязани;

Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ
 То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю золото подъ вѣтвями,
 То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-пухъ грибовъ,
 Сребро, трепещуще лещами;

¹⁾ т. е. бекасы, кои кричатъ какъ барашки (Прим. Держ.)

²⁾ дятловъ.

³⁾ т. е. чая или кофе.

Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ врачъ
 Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
 Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачъ,
 А тѣмъ лѣкарствица въ подспорье;

Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
 Усатый староста, иль скопидомъ брюхатый
 Даютъ отчетъ казнѣ и хлѣбу и вещамъ,
 Съ улыбкой часто плутоватой;

И гдѣ, случается, художники млады
 Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
 И получаютъ въ даръ подачи за труды
 А въ часъ и денегъ по полтинѣ;

И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
 Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
 Играемъ въ карты мы, въ ерошки, въ фараонъ,
 По грошу въ долгъ и безъ отдачи.

Оттуда прихожу въ святилище я Музъ,
 И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣвши въ пирѣ,
 Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ иль къ небу возношусь,
 Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;

Иль въ зеркало временъ, качая голову,
 На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
 Не видя ничего, кромѣ любви одной
 Къ себѣ, — и драки челоуковъ.

„Все суета суеты!“ я, воздыхая, мню;
 Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна:
 „О, коль прекрасенъ міръ! Чтожъ духъ мой бремению?
 Творцомъ содержится вселенна.“

Да будетъ на земли и въ небесахъ Его
 Единого во всемъ вседѣйствующа воля!
 Онъ видитъ глубину всю сердца моего
 И строится моя Имъ доля“.

Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей
 Сбираются ко мнѣ, не для какой науки,
 А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
 Чгобы во мнѣ не зрѣли буки.

Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ
 Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ,
 Репейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ большихъ,
 Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.

Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ,
 Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
 Я озрѣваю столъ, — и вижу разныхъ блюдъ
 Цвѣтникъ, поставленный узоромъ;

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
 Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
 Что смоль, ядтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
 Тамъ щука пестрая — прекрасны.

Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ,
 Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ приправой,
 А что опратно все и представляетъ Русь:
 Припасъ домашній, свѣжій, здоровый,

Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубки винъ,
 И липца, воронка и чернопѣнна пива
 Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ, —
 Бесѣда за сладкими шутивая.

Но молча вдругъ встаемъ: — бьетъ, искрами горя,
 Древь русскихъ сладкій сокъ до подвѣчныхъ бревень:
 За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя,
 Царицъ, царевичей, царевень.

Тутъ кофе два глотка, схрапну минутъ пятокъ;
 Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами,
 Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
 И тѣшусь разными играми.

Иль изъ кристалльныхъ водъ, купаленъ, между древь,
 Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ оственьемъ,
 Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ,
 Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ.

Иль въ стекла оптики картинныя мѣста
 Смотрю моихъ усадьбъ; на свиткахъ грады, царства,
 Моря, лѣса, — лежитъ вся міра красота
 Въ глазахъ, искусствъ черезъ коварства.

Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь, звѣзды зря
 Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ стремленье:
 Такъ солнцы въ воздухъ, я мню, текутъ, горя,
 Премудрости ко прославленью.

Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ льетъ,
 И, движа машину, древа на доски дѣлитъ;
 Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ;
 Клокоча, огонь толчетъ и мелетъ.

Иль любопытны, какъ бумажны руны волнъ
 Въ лотки сквозь иглы, колесъ, подобно снѣгу льются
 Въ пушистыхъ локонахъ, и тьмы вдругъ веретень
 Маринной рукой прядутся.

Иль какъ на ленъ, на шелкъ цвѣтъ, пестрота и лоскъ,
 Всѣ прелести красы, берутся съ поль царницы;

Сталь жесткая; глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ,
Куется въ бердыши милицы,

И сельски ратники какъ, царства ставъ щитомъ,
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй но рыцарскомъ убранствѣ.
„За Вѣру, за Царя, мы“, говорятъ, „померемъ,
Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ“.

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по берегу пѣшъ, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей.

Иль стоя внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ,
Какъ дернъ бугритъ соха, злакъ травъ падетъ косами,
Серпами злато нивъ, — и ароматовъ полнъ
Порхаетъ вѣтръ межъ нимфъ рядами.

Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю стулень
Къ холмамъ и рощамъ синетемнымъ.

Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь;
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день
И пьемъ подъ небомъ чай душистый.

Забавно, въ тѣмѣ челновъ съ сѣтьми какъ рыбаки,
Лѣнивымъ строимъ плавъ, страшать тварь влаги стукомъ;
Какъ парусы суда, и лямкой бурлаки
Влекутъ однимъ подъ пѣсню духомъ.

Прекрасно тихе, отлогіе брега
И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны,
Какъ полосаты ихъ клоня поля, луга,
Стоять надъ токомъ струй безмолвны.

Пріятно, какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы,
И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамить народа,
Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ подосы,
Когда мы ѣдемъ изъ похода.

Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ встрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ,
Звучитъ музыка духовая.

Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво петь,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.

Но скучить какъ сія забава сельска намъ,
Внутрь дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ,
Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
Блестать музыкой, пляской, пѣньемъ.

Амурчиковъ, харить плетенъ, иль хороводъ,
Зная у Таліи игру и Терпсихоры,
Цвѣточные вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ;
А мы на нихъ и пялимъ взоры.

Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ:
Здѣсь тихогрома ¹⁾ съ струнъ смягченны, плавны тоны
Бѣгутъ, — и въ естество согласія во всемъ
Даютъ намъ чувствовать законы.

Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ, —
На возвышеніи сидя столповъ перильныхъ,
При гусяхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ
Склоняюсь, ношусь въ мечтахъ умильных:

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечганя:
Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.

Ахъ! гдѣ жъ, ищу я вкругъ, минувшій красный день?
Побѣды, слава гдѣ, лучи Екатерины?
Гдѣ Павловы дѣла? — Сокрылось солнце, — тѣнь!...
Кто вѣсть и впредь полетъ орлиный?

Видъ лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ:
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны;
Блаженствовалъ подъ нимъ въ спокойствѣ человекъ,
Но мечеть днесъ и онъ перуны.

Умолкнуть ли они? — Сіе лишь знаетъ Тотъ,
Который къ одному концу всѣ править сферы!
Онъ перстомъ ихъ Своимъ, какъ строй какой ведетъ,
Ко благу общему склоняя мѣры.

Онъ корни почысловъ, онъ зритъ полетъ всѣхъ мечтъ
И поглумляется безумству челоуковъ:
Тѣхъ освѣщаегъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ
И днешнихъ и грядущихъ вѣковъ.

Грудь Россювъ утвердилъ, какъ стѣну, онъ въ упоръ
Темиру ²⁾ новому подъ Пультускомъ. Прейшъ лау;
Младыхъ вождей разцвѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
А скрылъ Орла сѣдаго славу.

¹⁾ pianoforte (фортепіано).

²⁾ Тамерлану (т. е. Наполеону).

Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ ношей
 Что жизнь ничтожная? моя скудельна лира?
 Увы! и даже прахъ спашнетъ съ моихъ костей
 Сатурнъ крылами съ тлѣнна міра.

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
 Не вспомняется нигдѣ и имя Званки;
 Но совь, сычей изъ дупль огнезеленый взглядъ
 И развѣ дымъ сверкнетъ съ землянки.

Иль нѣтъ, Евгений; ты, бывъ нѣкогда моихъ
 Свидѣтель пѣсенъ здѣсь, взойдешь на холмъ тотъ страш-
 ный,
 Который, тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ
 Вождя, волхва ¹⁾ гробъ кроетъ мрачный,

Отъ коего, какъ громъ катается надъ нимъ,
 Съ булатныхъ ржавыхъ вратъ и збруи мѣдной гулы
 Тамъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
 Въ лѣсахъ, трясаясь, звучать стрѣлъ тулы.

Такъ, развѣ ты, отецъ, святымъ твоимъ жезломъ,
 Ударивъ объ доски, заросши мхомъ, желѣзны,
 У свитыхъ вокругъ моеѣ могилы змѣѣ гнѣздомъ
 Прогонишь олѣдну зависть въ бездны;

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
 На возвышеніе, на пониженіе счастья,
 Единой правдою меня въ умахъ людей
 Черезъ Кліи воскресишь согласья.

Такъ, въ мракъ вѣчности она своей трубой
 Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отзывы
 Отъ лиры моя шумящею рукой
 Неслись черезъ холмы, доли, нивы.

Ты слышалъ ихъ — и ты, будя твоимъ перомъ
 Потомковъ ото сна, близъ сѣзера столицы,
 Шепнешь въ слухъ страннику, вдали какъ тихій громъ:
 „Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы“.

Послѣдніе стихи Державина. ²⁾ (1816).

Рѣка временъ въ своемъ стремленіи
 Уноситъ всѣ дѣла людей
 И топить въ пропасти забвенья
 Народы, царства и царей.
 А если что и остается
 Черезъ звуки лиры и трубы,
 То вѣчности жерломъ пожрется
 И общей не уйдетъ судьбы!

¹⁾ Новгородскій вождь, по преданію погребенный въ Званкѣ.

²⁾ Писаны за три дня до смерти.

II. КОНЕЦЪ ПОЭЗИИ „ВЫСОКАГО СТИЛЯ“.

Уже въ пору расцвѣта этой поэзіи Василій Майковъ написалъ шуточную поэму „Елисей или раздраженный Вакхъ“ (1771), въ которой пародировалъ героическую поэму. „Герой“ этой поэмы любезный богу Вакху ящикъ Елисей, пьяница, забіяка и драчунъ. Тогда же (1775) Ипполитъ Ѳед. Богдановичъ написалъ „вольными стихами“ аллегорическую поэму „Душенька“, переработку поэмы Лафонтена объ Амурѣ и Психеѣ. Въ „Душенькѣ“ большая форма сочетается съ легкимъ, свободнымъ изложеніемъ, съ языкомъ, близкимъ къ бытозочу. Это было нозостъю въ Росіи, очень понравившейся. Пушкинъ въ отрочествѣ зачитывался „Елисеемъ“, а „Душенька“ послужила ему однимъ изъ образцовъ при созданіи „Руслана и Людмилы“.

Елисей.

Изъ пѣсни первой.

Пою стакановъ звукъ, пою того героя,
 Который, во хмѣлю бѣды ужасны строя,
 Въ угодность Вакхову, средь многихъ кабаковъ,
 Биваль и опиваль ярыгъ и чумаковъ,
 Ломалъ котлы, ковши, крючки, бутылки, плошки;
 Терпѣли ту же часть казацкія окошки;
 Отъ крѣпости его ужасныя руки
 Тряслись подносчики и всѣ откупщики,
 Которы и тогда сихъ бѣдъ не ощущали,
 Когда всѣхъ грабили, себя обогащали.
 О муза, ты сего отнюдь не умолчи,
 Повѣждь или хотя съ похмѣлья проворчи,
 Коль попросту тебѣ сказати невозможно.
 Повѣжди! ты вѣдаешь вину сего неложно,
 За что піянства богъ, на всѣхъ откупщиковъ
 Устроя таковой прехитростнѣйшій ковъ,
 Наслалъ богатыря сего не очень кстати
 Любимую свою столицу разоряти,
 А ты, о душечка, возлюбленный Скарронъ¹⁾).
 Оставь роскошнаго Пріапа пышный тронъ,
 Оставь писателей кощунствующихъ шайку,
 Приди, настрой ты мнѣ гудокъ иль балалайку,
 Чтобъ я возмогъ тебѣ подобно загудить,
 Бурлаками моихъ героевъ нарядить;
 Чтобъ Зевсъ мой былъ болтунъ, Ермій шальной дѣтина,
 Нептунъ какъ самая преглупая скотина,

---

¹⁾ Французскій писатель, одинъ изъ остроумнѣйшихъ представителей т. наз. „плутовскаго романа“, повѣствующаго о приключеніяхъ жуликовъ бродягъ и проч. Онъ написалъ между прочимъ пародію на „Энеиду“.

И словомъ, чтобы мои богини и божки
Изнадорвали всѣхъ читателей кишки.

Противъ Семеновскихъ слободъ послѣдней роты
Стоялъ воздвигнутъ домъ съ широкими вороты,
До коего съ Тыка¹) не близкая ѣзда;
То былъ Питейный домъ, названіемъ Звѣзда,
Въ которомъ Вакховъ ковшъ хранился съ колесницей;
Сей домъ былъ Вакховой назначенъ быть столицей;
Подъ особливимъ онъ его покровомъ цвѣлъ,
Въ немъ старый самъ Силенъ раскиснувъ сидѣлъ;
Но злыхъ откупщиковъ противно Вакху племя
Смутило къ пьянству имъ назначенное время,
Когда они на хмѣль лишь цѣну наднесли;
Ужасны отъ того бѣды произошли:
Вино со водкою содѣлались дороже,
И съ пивомъ пѣнистымъ случилось само то же;
Дороже продавать и сладкій стали медъ;
Тогда откупщики, взгордясь числомъ побѣдъ,
На Вакха въ гордости съ презрѣніемъ смотрѣли
И мнать, что долженъ онъ плясать по ихъ свирѣли.
Но Вакхъ противъ того иное размышлялъ:
„Иль мнѣ оставить то? съ похмѣлья закричалъ, —
Какія изъ сего впередъ я виду слѣдства?
Лишусь я моего дражайшаго наслѣдства;
На водку, на вино цѣна ужъ прибыла;
Для пьяницъ за алтынъ чарчоночка мала:
А если бы въ такомъ случаѣ несчастливомъ
Хотѣлъ бы пьяница какой напитокъ пивомъ.
Къ несчастію его, дороже и оно;
Не станеть дѣйствовать ни пиво, ни вино.
Не большая ль теперь случилась мнѣ обида,
Какъ не жели была Юнонѣ отъ Париды,
Или я не могу повергнуть сихъ затѣй? . . . “
Уже онъ закричалъ: „Ребята, дай плетей!“
Но вздумалъ, что сіе безсмертнымъ непристойно,
Хоть дѣло по его плетей сіе достойно,
Но санъ ему его дурить не позволялъ;
Онъ инако отмститъ обиду помышлялъ
И рекъ: „Когда я могъ ругавшуюся мною
Достойно наказать прегорду Алкиною;
Презрѣвши нѣкогда мой праздникъ, самъ Пентей
Отвѣдалъ и дубья, не только что плетей;
Не эдакія я бездѣлки прежде строилъ
Надъ тѣми, кто меня въ пьянствѣ беспокоилъ*.
При сихъ рѣчахъ его смутился пьяный зракъ,
Онъ сѣлъ на роспуски, поѣхалъ на кабакъ;
Неукротиму мечь имѣя въ мысляхъ рьяныхъ,
О стѣночкѣ лѣпясь, приходитъ въ шайку пьяныхъ.

¹) Кабакъ на Петербургской сторонѣ (прим. Майкова).

Тогда былъ праздничный день отъ всѣхъ мірскихъ суетъ,
 По улицамъ народъ бродилъ — лишь чуть былъ свѣтъ;
 Вертелися мозги во лбахъ у пьяныхъ съ хмѣля;
 А именно была то сырная недѣля.
 Какъ мыши на крупу ползутъ изъ темныхъ норъ,
 Такъ чернь валила вся въ кабакъ съ высокихъ горъ,
 Которы строило искусство, не природа,
 Для употребленія рабочаго народа.
 Тамъ шли сатожники, пѣртные и ткачи,
 И зараженные собою риѣмачи,
 Которые, стихи писавши, въ носъ свой дуютъ
 И сочиненьями, какъ лаптями, торгуютъ;
 Тамъ много зрѣлося расквашенныхъ носовъ,
 Одинъ былъ въ синякахъ, другой безъ волосовъ,
 А третій оттиралъ свои замерзлы губы,
 Четвертый исчислялъ, не всѣ ль пропали зубы
 Отъ пораженія стороннихъ кулаковъ;
 Тамъ множество сошлось различныхъ дураковъ.
 Межъ прочими вошелъ въ кабакъ дѣтина взрачный,
 Картежникъ, пьяница, буянъ, боецъ кулачный,
 И словомъ, былъ краса тогда Ямской онъ всей,
 Художествомъ ямщикъ, названьемъ Елисей;
 Былъ смуръ на немъ кафтанъ, и шапка на бекренѣ,
 Волжзанный кнутъ его болтался на колѣнѣ, —
 Который пьяный домъ лишь только посьтилъ,
 Какъ море, пьяныхъ шумъ мгновенно укротилъ,
 Подъ воздухомъ простеръ свой ходъ весе-
 лый чистымъ,
 Поѣхалъ, какъ Нептунъ, по водъ верхамъ.
 пѣнистымъ.

Прости, о муза, мнѣ, что такъ я захотѣлъ
 И два сіи стихе неистово воспѣлъ;
 Тебѣ я признаюсь, хотя въ нихъ смысла мало,
 Да естество себя въ нихъ хитро изломало;
 Черезъ нихъ-то, можетъ быть, хвалу я получу;
 Отнынѣ такъ я пѣть стихи мои хочу;
 Мнѣ кажется, что я тебя не обижаю,
 Когда я школьному напѣву подражаю.
 Но если ихъ перомъ ты дѣйствуешь сама,
 Не спятила ль и ты на старости съ ума?
 Ахъ, нѣтъ, я предъ тобой грѣшу, любезна муза,
 Съ невѣждами отнюдь не ищешь ты союза,
 Наперсники твои знакомы между насъ.
 Единаго изъ нихъ вмѣщаетъ днесъ Парнасъ;
 Другіе и теперь на свѣтѣ обитаютъ,
 Которыхъ жителями парнасскими считают¹⁾.
 И такъ полезнѣе, мнѣ мнится самому
 Послѣдовати ихъ разсудку и уму.
 Уже напрягнувъ я мои малѣйши силы,

¹⁾ Каковъ г. Сумароковъ и ему подобные (примѣчаніе Майкова).

И слѣдую пѣвцамъ, которые мнѣ милы;
 Достигну ли конца, иль пусть хотя споткнусь,
 Я онымъ буду правъ, что я люблю ихъ вкусъ.
 Кто жъ будетъ хулить то, и тѣмъ я отпускаю,
 И къ повѣсти своей я мысли обращаю.

Изъ пѣсни пятой

Уже насталь тотъ день; сталъ слышенъ ревъ медвѣжей,
 На ревъ сей собралось премножество невѣжей;
 Стекается къ Рукѣ со всѣхъ сторонъ народъ,
 Тамъ множество крестьянъ, приказныхъ и господъ;
 Одни между собой идутъ туда сражаться,
 Другіе травлю медвѣжьей забавляться —
 О утѣшеніе! — отъ скуки позѣвать,
 Какъ псы невиннаго тамъ звѣря будутъ рвать,
 Иль надъ подобными глумиться дураками,
 Какъ рыцарствуютъ бьась взаимно кулаками.
 Тамъ несогласіе стоитъ уже давно,
 И злоба тамъ бойцамъ разноситъ всѣмъ вино;
 Невѣжество надъ всѣмъ тамъ власть свою имѣетъ,
 А мудрость въ сихъ мѣстахъ явиться не посмѣетъ.

Уже къ сраженію стояли двѣ стѣны,
 И славные бойцы виномъ напоены,
 Которые сію забаву составляли,
 Вытягивались и руки поправляли;
 Одинъ снималъ съ себя и шапку, и кушакъ,
 Другой настраивалъ на ближняго кулакъ,
 Иной, до пояса спустя свою рубашку,
 Примѣривался, какъ идти ему въ размашку,
 И какъ сопернику за братскую любовь
 Спустити изъ носу его излишню кровь
 Или на личикѣ фонарь кому поставить,
 Чѣмъ могъ бы всѣхъ на то смотрящихъ позабавить.

Межъ тѣмъ Зевесъ окно въ зенитѣ отворилъ
 И тако всѣмъ тогда безсмертнымъ говорилъ:
 „Да будетъ, боги, вамъ сіе извѣстно нынѣ,
 Выглядывать отсель лъзя богу и богинѣ,
 Какъ нѣкогда со мной вы зрѣли съ сихъ же странъ
 На битвы страшныя межъ Грековъ и Троянъ;
 Но вы меня тогда нерѣдко облыгали,
 Украдкой обоимъ народомъ помогали,
 „А нынѣ ежели кто помочь дать дерзнетъ,
 Тотъ гнѣва моего никакъ не ускользнетъ,
 Помощникъ цѣлый годъ, какъ гладный пестъ порыщеть,
 Ни въ баняхъ, ни въ люрьмахъ убѣжища не сыщеть;
 Хотя бы посреди онъ скрылся кабака,
 И тамъ велю ему натыкать я бока,
 Доколѣ не пройдетъ сіе урочно время.
 Какъ знаете, а вы не суйтесь въ это стремя.“
 Тогда они свои потупили глаза

И ждали, какъ сія минуетъ ихъ гроза,
Смирнехонько вокругъ Зевеса всѣ сидѣли
И только, какъ сычи, въ окошечко глядѣли.

И се насталь уже жестокой битвы часть;
Сначала сталъ межъ ихъ ребячій слышенъ гласъ,
И въ воздухъ раздались нестройные ихъ крики,
А это было тутъ въ подобіе музыки.
Какъ туча, помрачивъ чистѣйшій горизонтъ,
Облегшись тяжестью своей на тихій понтъ,
Ужасной бурей на влагу лишь подуетъ,
Престанетъ тишина, и море возбунтуетъ,
Потомъ ударить громъ изъ темныхъ облаковъ, —
Подобный оному сталъ стукъ отъ кулаковъ, *
И съ пыли облака густыя вверхъ вѣются,
Удары громкіе по рожамъ раздаются,
Ліется изъ носовъ кровавая рѣка,
Побои чувствуютъ и спины, и бока,
И отъ ударовъ сихъ исходятъ разны звоны,
Разносятся вездѣ пощечинъ миллионы.
Одинъ соперника тамъ рѣзнулъ подъ животъ
И подлѣ самъ лежитъ, поверженъ яко скотъ;
Другой сперва пошелъ на чистую размашку,
Нацѣлилъ прямо въ носъ, но сдѣлавши промашку,
Отверзъ свободный путь другого кулакамъ,
А тотъ какъ по торгу гуляетъ по щекамъ.
Иной тутъ подъ глаза очки другому ставитъ;
Иной соперника, схватя за горло, давитъ;
Иному сдѣлали лепешку изъ лица,
А онъ пошелъ въ кабакъ и, выпивъ тамъ винца,
Со прежней бодростью на битву устремился
И лучше прежняго сквозь стѣну проломился.

Се тако билися безмоглы мужики,
Съ одной страны купцы, съ другія ямщики.
Какъ вдругъ съ купеческой страны герой выходитъ
И спорника себѣ межъ всѣми не находитъ.
Подобно яко левъ, расторгнувъ свой запоръ,
Рыкаетъ и бѣжитъ, бросая жадный взоръ,
Ко стаду робкому пасущейся скотины
Въ срединѣ мягкихъ травъ прохладныя долины,
Гдѣ бѣдненькій, его увидя, пастушокъ,
Изъ рукъ трепещущихъ повергнувъ посошокъ,
Единымъ бѣгствіемъ животъ свой избавляетъ,
А стадо хищнику на добычъ оставляетъ, —
Такъ новый сей Аяксъ иль паче Діомидъ,
Имѣя на челѣ своемъ геройскій видъ,
Вломился и дѣлитъ кулачные удары;
Побѣгли ямщики, какъ робкіе Татары,
Когда на ихъ поляхъ блеснулъ російскій мечъ:
Такъ должны ямщики тогда всѣ были бѣчь . . .
Но слогъ сей кудреватъ и здѣсь не очень кстати,
Но по просту ль сказать: они должны бѣжати,

А грозный тотъ герой, какъ коршунъ, въ нихъ летить
 И кулаками ихъ бѣгущихъ тяготить.
 Смугились всѣ, какъ прахъ предъ тучи грозной зракомъ;
 Одинъ падеть стремглавъ, другой ползетъ тамъ ракомъ,
 А третій, какъ медвѣдь пораненный, рычитъ,
 Четвертый, яко быкъ ударенный, мычитъ.
 О бой, ужасный бой! Безъ всякія корысти,
 Ни силы конскія, ни мужескія лысти ¹⁾
 Не могутъ быстроты геройскія сдержать . . .
 Все хочется словамъ высокімъ подражать.
 Уймися, мой гудокъ, вѣдь ты гудишь лишь вздоры,
 Такъ надобно ль тебѣ высокіхъ словъ наборы?
 Посредственная рѣчь тебѣ теперь нужна,
 И чтобы не была надута, ни нѣжна;
 Ступай своимъ путемъ, послѣдуя Скаррону,
 Скорѣе можетъ быть достанешь ту корону,
 Которую пѣвцамъ парнасскій богъ даетъ . . .

Душенька.

Изъ книги первой.

Не Ахиллеовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
 Гдѣ въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ кончали дни герои,
 Но Душеньку пою.
 Тебя, о Душенька, на помощь призываю
 Украсить пѣснь мою,
 Котору въ простотѣ и вольности слагаю.
 Не лиры громкій звукъ, услышишь ты свирѣль.
 Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ тебѣ пріятныхъ,
 Вдохни въ меня твой жаръ и разумъ мой осмѣль
 Коснуться счастья селеній благодатныхъ,
 Гдѣ вѣчно ты безъ бѣдъ проводишь сладки дни,
 Гдѣ царствуютъ безъ скукъ веселости одни.
 У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены,
 Гдѣ Фебъ туманится и кроется отъ глазъ,
 Яви потоки мнѣ чудесной Ипокрены.
 Покрытый снѣжными буграми здѣсь Парнасъ
 Отъ взора твоего растаявалъ не разъ.
 Съ тобою нѣжные присутствуютъ Зефиры,
 Бѣгутъ отъ мѣстъ, гдѣ ты, докучные Сатиры,
 Хулы и критики, и грусти, и бѣды;
 Забавы безъ тебя приносятъ лишь труды,
 Веселья морщатся, Амуры плачутъ сиры.
 О, ты, пѣвецъ боговъ!
 Омиръ, отецъ стиховъ,
 Двойчатыхъ ²⁾, мѣрныхъ, стройныхъ

1) Лысто—голень.

2) Дѣлящихся паузой (цезура) на два полустіиія каждыя.

И къ пѣнію пристойныхъ,
 Прости вину мою
 Коль выкройкою словъ себя не беспокою
 И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не строю.
 Доволенъ мыслию простою,
 Черты, безъ равныхъ стопъ, по вольному покрою,
 На разный образецъ крою,
 И малой мѣры, и большія,
 И часто риѣмы холостыя,
 Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
 Свободно ставлю на концахъ.
 А если отъ того устану,
 Безтрудно и отважно стану,
 Забывъ чернилъ и перьевъ страхъ,
 Забывъ сатиръ и критикъ грѣзу,
 Писать безъ риѣмъ, иль просто въ прозу.
 Любя свободу я мою,
 Не для похвалъ себѣ пою,
 Но чтобъ въ часы прохладъ, веселья и покоя
 Пріятно разсмѣялась Хлоя.

Издревле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
 На вѣчну память ихъ именъ,
 Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ, и стихами ¹⁾,
 Другимъ языкомъ съ нами.
 Въ сей повѣсти они
 Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили,
 Перомъ ихъ, кажется, что Граціи водили,
 Иль сами Граціи писали то одни;
 Но если подражать ихъ слогу невозможно,
 Потщусь за ними вслѣдъ, хотя въ чертахъ простыхъ,
 И въ повѣсть иногда вмѣстивъ забавный стихъ.
 Въ старинной Греціи, въ Юпитерова время,
 Когда размножилось властительное племя,
 Какъ въ каждомъ городкѣ бывалъ особый царь.
 И если пожелалъ, былъ богъ, имѣлъ алтарь,
 Межъ многими царями
 Одинъ отличенъ былъ
 Числомъ военныхъ силъ,
 Умомъ, лицомъ, кудрями,
 Избыткомъ животовъ

¹⁾ Древній мифъ о душѣ былъ извѣстенъ въ томъ видѣ, какой ему приданъ въ аллегорическомъ романѣ латинскаго автора Апудея „Золотой осель“. Мысль, лежащая въ основѣ сказанія, заключается въ томъ, что земная жизнь есть для человѣческой души изгнаніе. Душа тоскуетъ по своей родинѣ, Небу, обиталищу божества, и влекомая любовью къ ней, послѣ испытаній, ниспосылаемыхъ на землѣ, вновь обрѣтаетъ ее. Душа олицетворяется въ образѣ прекрасной женщины, а ея переживанія изображаются въ видѣ скитаній. На этой основѣ легко было измышлять самые разнообразныя эпизоды, то трогательныя, то комическія, давая полную волю поэтической изобрѣтательности.

И хлѣба, и скотовъ.
 Бывали тамъ сосѣди
 И злы, и алчны такъ, какъ волки иль медвѣди;
 Извѣстенъ Ликаонъ,
 Котораго писалъ исторію Назонъ;
 Извѣстно, гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ,
 За хищныя дѣла и за кривыя толки,
 Изъ греческихъ царей разжалованъ былъ въ волки.
 Но тотъ, о комъ хочу рассказывать теперь,
 Ни образомъ своимъ, ни нравомъ не былъ звѣрь;
 Онъ свѣту былъ полезенъ
 И былъ богамъ любезенъ;
 Достоинъ награждалъ,
 Достоинъ осуждалъ,
 И если находилъ въ подсудныхъ звѣрски души,
 Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши,
 Инымъ сурову щеть, съ когтями въ прибыль ногъ,
 Инымъ ревучій звѣвъ, другимъ по парѣ рогъ.
 Отъ ѣдкой древности, котора была глотаеть,
 Архива многихъ дѣлъ давно истреблена,
 Но образъ правъ его сохранно почитаетъ
 И самый поздній свѣтъ по наши времена.
 Завистнымъ онъ велѣлъ, какъ вѣстно, въ томъ труждаться,
 Чтобъ счастье другихъ
 Скучало взорамъ ихъ,
 И не могли-бъ они покоемъ наслаждаться,
 Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть
 На золото глядѣть
 И золотомъ прельщаться,
 Но имъ не насыщаться.
 Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,
 И ихъ потомкамъ въ казнь давалась та же спѣсь,
 Какая видима осталась и поднесъ.
 Велѣлъ, чтобъ мѣръ ни въ чемъ не вѣрилъ
 Тому, кто льстилъ и лицемѣрилъ,
 Клеветникамъ въ удѣлъ
 И доносителямъ неправды государю
 Вездѣ носить велѣлъ
 Противнѣйшую харю,
 Какая изъявлять клеветущихъ могла.
 Такая видима была
 Не въ давнемъ времени въ Москвѣ, на маскарадѣ,
 Когда на масляной, въ торжественномъ парадѣ,
 Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла,
 И словомъ,
 Въ своемъ уставѣ новомъ,
 Велѣлъ, чтобъ обще всѣ злонравны чудаки
 Съ приличной надписью носили колпаки,
 По коимъ ихъ тогда скорѣе узнавали
 И прочь отъ нихъ бѣжали.
 Что доброму суду устазъ сей былъне строгъ
 И нравился народу,

Который въ дѣло чтить не могъ,
 Старинную дурную моду,
 Когда людей бросали въ воду,
 Какъ-будто рыбій родъ.
 По нѣскольку на всякій годъ.

Овидій, лживыхъ лѣтъ потомственный писатель,
 Который истину нерѣдко обнажалъ,
 Овидій, въ самой лжи правдивыхъ Музъ пріятель,
 Подробно описалъ,

У грековъ какъ дотоль бывали казни часты,
 Преобращенные тогда въ быковъ Церасты,
 Цекроповъ цѣлый родъ, за злобу и обманъ,
 Во стадо обезьянъ;
 Лстецы, за низость душъ, въ лягушки,
 Непостоянные въ вертушки,
 Болтливые въ сорокъ,

Жестокосердые во мраморный кусокъ,
 Танталъ, Сизифъ и Иксиона,
 За алчну злобу ихъ,
 На вѣчной ссылкѣ у Плутона,
 И множество другихъ

Почли бы всѣ себѣ за милость и за ласки,
 Когда бы только царь
 Дурную въ свѣтѣ тварь,
 Рядя въ дурныя маски,
 Наказывалъ стыдомъ.

Такая нова власть, безъ дальней людямъ казни,
 Держала всѣхъ въ боязни;
 И добрый царь, притомъ,
 Друзей изъ доброй воли
 Откушать хлѣба соли
 Зывалъ въ свой царскій домъ.

О, если-бъ ты, Омиръ, проснулся!
 Храня твоихъ героевъ честь,
 Которы, забывая месть,
 Любили часто пить и ѣсть,
 Ты-бъ, слыша стихъ мой, ужаснулся,
 Что, слабый будучи пѣвецъ,
 Тебѣ дерзнулъ я наконецъ
 Подобиться, стиховъ отецъ.
 Возможно-ль изъявить достойно
 Великолѣпіе пировъ
 У царскихъ греческихъ дворовъ,
 О коихъ ты писалъ такъ стройно?
 Я только лишь могу сказать,
 Что царь любилъ себя казать,
 Иныхъ хвалить, иныхъ тазать,
 Поѣсть, попить и послѣ спать.
 А за такое хлѣбосольство
 И болѣе за добрый нравъ,
 Отъ всѣхъ сосѣдственныхъ державъ
 Явилось къ нему посольство.

Особо же онъ былъ отличенъ изъ царей
 За то, что трехъ имѣлъ прекрасныхъ дочерей,
     Но солнце въ красотѣ своей,
     Когда вселенну освѣщаетъ,
     Луну и звѣзды помрачаетъ:
 Подобно такъ была меньшая всѣхъ виднѣй,
 И старшихъ сестръ своихъ достоинства мрачила,
 И розы красоту, и бѣлизну лилей;
 И, словомъ, ничего, въ подобномъ видѣ ей
 Природа никогда на свѣтѣ не явила.
     Искать приличныхъ словъ
     Къ тому, что въ множествѣ вѣковъ
     Блистало толь отмѣнно —
 Напрасно было бы и было-бъ дерзновенно.
 Короче я скажу: меньшая царска дочь,
 Отъ коей многіе вздыхали день и ночь,
 У грековъ потому Психея называлась,
 Въ языкахъ же другихъ, при переводѣ словъ,
 Звалась она душа, по толку мудрецовъ.
 А послѣ, въ повѣстяхъ старинныхъ знатоковъ,
 У русскихъ Душенька она именовалась;
     И пишутъ, что тогда
     Изыскано не безъ труда
 Къ ея названію приличнѣйшее слово,
     Какое было ново.
 Во славу Душенькѣ, у насъ отъ тѣхъ временъ
 Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ
     Между пріятнѣйшихъ именъ,
 И утвердила то любовь въ своемъ законѣ.
     Но часто похвалы
 Бываютъ межъ людей опаснѣе хулы.
     Презорна спѣсь не любитьъ,
     Когда повсюду трубитъ
     Прямую правду вслухъ
     Болтивная богиня Слава.
     Чужая честь, чужія права
     Завистливыхъ терзаютъ духъ.
 Такая, Душенька, была твоя прослуга,
 Какъ весь цитерскій міръ и вся его округа,
 Оставляя древнее прекрасно божество,
     Тебя особо обожали
     И всѣ къ тебѣ бѣжали
     Твое умножить торжество.
 Соперницы твоей не знала ты печали!
 . . . . .

Изъ книги второй.

(Душенька во владѣніяхъ бога Амура)

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша;
 По образу-ль какой царицы ты одѣта,
 Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша —

Во всѣхъ ты чудо свѣта;
 Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
 И только ты одна прекраснѣе портрета.
 Потомство вѣдаетъ, что сей чудесный домъ,
 Гдѣ жители тебя усердно обожали,
 Сей храмъ твоихъ красотъ Амуры соружали,
     Амуры, наконецъ,
 Примыслили къ лицу, на всякій образецъ,
     Различные уборы,
 Могущіе привлечь твои прелестны взоры.
     Угоденъ ли какой нарядъ
     И надобны-ль тебѣ обновы?
     Увидишь, что они готовы,
     Что твой уже примѣченъ взглядъ,
     И изъ твоей воздушной свиты,
     Зефиръ пришелъ тебѣ донести,
     Что всѣ обновы были сшиты;
     Когда прикажешь ихъ принести?
     Желалъ бы описать подробно
 Другія рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ,
     Гдѣ все плѣняло взглядъ
     И было неподобно;
     Но всюду тамъ умомъ
     Я Душеньку встрѣчаю,
     Прельщаюсь, и потомъ
     Палаты забываю.

Не всякъ ли домъ, не всякъ ли край
 Ея присутвіемъ преобращался въ рай?
 Не ею-ль рай имѣлъ и бытность и начало?
 И если я сказалъ о сихъ палатахъ мало,
 Конечно, въ томъ меня читатели простятъ:
 Я долженъ слѣдовать за Душенькою въ садъ,
 Куда она влечетъ и мысли всѣхъ, и взглядъ.
 Въ счастливыхъ сихъ мѣстахъ земля была нагрѣта
     Всегдашнимъ жаромъ лѣта
     И щедро въ круглый годъ
     Произращала плодъ
     Безъ всякихъ непогодъ.

Толпа къ царевнѣ слугъ на встрѣчу прилетѣла,
 И каждый тщился тамъ не быть при ней безъ дѣла;
 Водить, рассказывать, иль просто забавлять,
 Весь дворъ внималъ тому, что Душенька хотѣла
     Побѣгать, погулять;
 И въ рощахъ иль въ садахъ, гдѣ только лишь являлась,
 Ея пришествіемъ натура обновлялась;
     Древа склоняли къ ней листы,
 Какъ будто бы тогда влеченіе познали
 И тихимъ шумомъ лишь другъ другу возвѣщали,
 Подъ тѣнію своей, царевны красоты;
     И травы, и цвѣты,
 Раскидываясь вновь въ сей день для нихъ пріятный,
 Удвоили въ садахъ свой запахъ ароматный.
 Но болѣ тамъ яминъ предъ прочими блисталъ,

И гдѣ царевна шла, на встрѣчу выросталъ.
 Она ясный духъ съ отѣною любила
 И тѣ цвѣты себѣ въ букетъ употребила.
 Счастливый сей букетъ, приколанный на грудь.
 Какъ будто оживленъ, клонился къ ней прильнуть.
 Пришли хоры птицъ; подслушавъ шумъ древесный,
 И за Амурами стремились въ путь извѣстный,
     Чтобъ Душеньку увидѣть вблизи:
     Однѣ надъ нею вокругъ вились,
     Другія передъ ней летали
 И много межъ собой въ семь дивѣ щебетали.
 Не видно было тамъ ночныхъ зловѣщихъ птицъ,
     Ниже угрюмыхъ лицъ;
 Не смѣли приставать сварливые Сатиры
 И вѣяли одни тишайшіе Зефиры.
 Фонтаны силясь подняться въ высоту,
 Чтобъ лучше видѣть имъ царевны красоту,
 Которую толпа окружна заслоняла;
 И если Душенька вблизи отъ нихъ гуляла,
 Они стремились пасть съ высотъ къ ея ногамъ.
     Въ волнахъ плескаючись, Наяды
     Нетерпѣливо ждали тамъ
 Ея пришествія къ счастливымъ ихъ брегамъ.
     Иныя взлѣзли на каскады,
 Смотрѣть на путь ея главы свои поднявъ,
 И Душеньку узрѣвъ, бросались къ ней стремглавъ.
     Въ семь общемъ торжествѣ природы
 И сами каменны надъ токами фигуры,
 Отъ удивленія вездѣ разинувъ ротъ,
 Изъ внутренностей вдругъ пускали много водъ.
 Сей видъ представилъ ей различныхъ тварей родъ
 Въ изображеніяхъ несчислимо многихъ:
 Ползущихъ, скачущихъ, пернатыхъ, четверногихъ;
 И всѣ творенія и чуды естества
 Явились тогда въ счастливой сей державѣ
 Къ услугамъ Душеньки или къ ея забавѣ,
     Иль къ славѣ торжества.
 Оттуда шла она въ покрытыя аллеи,
 Которыя вели въ густой и темный лѣсъ.
 При входѣ тамъ, въ тѣни развѣситыхъ древесъ,
 Открылись новыя художныя затѣи.
     Богини, боги, феи,
     Могучіе богатыри
     И славные цари,
     Въ быляхъ и въ небылицахъ,
     Являлись тамо въ лицахъ,
 Со описаніемъ откуда кто, каковъ,
 И словомъ, то была исторія вѣковъ.
     Притомъ служные Амуры
 Различны повѣсти старались рассказывать;
 И тамо Душенька, среди чудесъ природы
 Нашла въ явленіяхъ свой родъ, отца и мать;
 И съ самой точностью, въ безлюдной сей пустынѣ,

Весь міръ является ей, какъ будто на картинѣ.
 Хотя жъ гулянье по лѣсамъ
 Особо Душенька любила
 И послѣ каждый день ходила
 Со свитой и одна, къ тѣнистымъ симъ мѣстамъ;
 Но въ сей начальный день не шла въ густыя рощи:
 Иль ради наступившей нощи,
 Или, не зря дороги въ лѣсъ,
 Боялась всякихъ тамъ чудесъ,
 Иль нѣжныя въ ходьбѣ ея устали ноги;
 И Душенька оттоль пошла назадъ въ чертоги.

Прогуливаясь въ садахъ бога Амура, Душенька поддается подъ власть его чаръ и становится его женой; но она не знаетъ, кто такой ея таинственный супругъ: она бесѣдуетъ съ нимъ, но не видитъ его.

Въ одинъ изъ оныхъ дней,
 Прошедши въ лѣсъ далече,
 Царевна тамъ на встрѣчѣ
 Увидѣла ручей,
 Который по дубравѣ,
 Какъ будто бы на зовъ,
 Предъ нею вытекъ вновь.
 Но красота бреговъ,
 При токѣ водъ хрустальныхъ,
 Скрывалась въ роцахъ дальныхъ,
 И обольщенный взоръ
 Вела потомъ до горъ,
 Откуда чисты токи,
 Прервавъ земли упоръ,
 Давали ей изъ норъ
 Растительные соки.
 Тогда открылся гротъ,
 Устроенный у водъ
 По новому манеру.
 Онъ велъ потомъ въ пещеру,
 Гдѣ солнечны лучи
 Свѣтили лишь при входѣ
 И гдѣ, журча, ключи,
 Подобно какъ въ ночи,
 Во мрачнѣйшей свободѣ
 Являли скрытый видъ
 Иль таинство въ природѣ.
 Исторія гласитъ
 И знаютъ то въ народѣ,
 Что Душенька, вошедъ

Въ невѣдомый ей слѣдъ,
 При темномъ дѣлѣ началѣ
 Идти не смѣла далѣ;
 Но чудомъ тамо вдругъ,
 Безъ всякой дальней рѣчи,
 Невидимо супругъ
 Схватилъ ее за плечи,
 И въ самой темнотѣ,
 На нѣкой высотѣ
 Изъ дерновъ зеленистыхъ,
 При токахъ водъ ручьистыхъ,
 Съ собою посадилъ
 И много говорилъ
 И прозой и стихами,
 Какъ водится межъ нами.
 Не вѣдаетъ никто,
 Въ какихъ словахъ на то
 Царевна отвѣчала:
 Извѣстно только намъ,
 Что послѣ къ симъ мѣстамъ
 Дорожку протоптала.
 Съ тѣхъ поръ царевна дочь,
 Часы и въ день и въ ночь
 Съ супругомъ провождала
 И болѣ всѣхъ охотъ
 Любила темный гротъ.
 Когда же застилалась
 Ночною темнотою,
 То вмѣстѣ возвращалась
 Съ супругой въ свой покой.

ОТДѢЛЪ IV.

ПРОЗА ДО КАРАМЗИНА

I. НОВЫЙ СЛОЙ ЧИТАТЕЛЕЙ И НОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ:

I. Начатки прозаической литературы и работа надъ языкомъ.

Ко 2 ой половинѣ 18 в. появляется новый слой образованныхъ людей. Ранѣе только высшая знать имѣла досугъ, чтобы интересоваться изящной словесностью. Литература была частью придворнаго быта. Грамотность была распространена преимущественно среди дворянства. Но рядовые дворяне, занятые обязательной службой, начиная съ ранней юности, не имѣли возможности ни заниматься литературой, ни самимъ писать художественныя произведенія. При Петрѣ III дворянство было освобождено отъ обязательной службы. Многие дворяне воспользовались этимъ и вышли въ отставку. Съ этого времени повелся обычай поступать на службу въ молодости, но служить недолго. У дворянъ явился досугъ, который многие изъ нихъ старались заполнить умственными развлеченіями. Помѣщики выписывали въ свои усадьбы книги, учились иностраннымъ языкамъ (со времени Елисаветы Петровны при дворѣ пошелъ въ моду французскій; отсюда сталъ онъ проникать и въ провинцію), кто побогаче, ѣздили за границу. Въ помѣщичьихъ усадьбахъ были не рѣдкостью хорошія библіотеки; иные помѣщики заводили даже въ своихъ имѣніяхъ типографіи и на свой счетъ печатали книги. Литературные вкусы этого новаго слоя образованныхъ людей не ограничивались одной поэзіей. Имъ нужна была литература, которая бы помогла бы имъ сознательно отнестись къ обыденной жизни; литература, которая повѣствовала бы не о древнихъ царяхъ и герояхъ, а объ обыкновенныхъ людяхъ. Таковы были романы, — новый родъ прозы, вошедшій въ моду въ Англии и во Франціи. Эти романы стали во множествѣ переводиться на русскій языкъ; появились также и передѣлки такихъ романовъ на русскіа нравы.

Екатерина II хотѣла править самодержавно, но опираясь на сочувствіе и содѣйствіе просвѣщеннаго дворянства. Въ цѣляхъ воз-

дѣйствія на общественное мнѣніе она создала публицистику какъ особую отрасль изящной литературы. Она сама писала бытовыя комедіи, а также въ сотрудничествѣ со своими приближенными сатирическія статьи, выпускавшіяся періодически въ видѣ „журналовъ“. По ея примѣру стали писать комедіи и „журналы“ и другіе. Предметами осмѣянія были невѣжество провинціальныхъ дворянъ, взяточничество чиновниковъ, суевѣрія и ханжество, щегольство и увлеченіе иноземными модами, „вертопрашество“, также — злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ; однако этого вопроса полагалось касаться съ осторожностью.

Комедіи и журналы имѣли успѣхъ не меньшей, чѣмъ романы. Многіе читатели увлекались литературой настолько, что хотѣли и сами быть писателями. Они писали для себя и для своихъ близкихъ мемуары, дневники, письма, которымъ старались придать художественную форму, и усердно работали надъ усовершенствованіемъ своего языка. Они сознавали его неразработанность и бѣдность словами, что было причиной проникновенія въ него многихъ иностранныхъ словъ, — не говоря уже о модѣ тогдашнихъ баръ, хотѣвшихъ быть свѣтскими людьми, употреблять въ разговорѣ безъ нужды французскія слова. Къ тому же, при Екатеринѣ II нерѣдки были случаи, что дворяне поручали воспитаніе своихъ дѣтей всецѣло французскимъ гувернерамъ и гувернанткамъ (ихъ появилось много въ столицахъ и даже въ провинціи, въ особенности, когда, во время Французской Революціи, въ Россію нахлынули эмигранты) и воспитанники отвыкали отъ родного языка. Но тогда же въ высшихъ кругахъ, началось и сопротивленіе „французоманіи“.

Примѣръ и здѣсь былъ данъ Екатериной и ея приближенными.

Воспитатель Павла Петровича, Порошинъ, ведшій дневникъ дневникъ своимъ занятіямъ съ в. кн., отмѣчаетъ въ немъ (1764):

Изволилъ проснуться Его Высочество въ половинѣ седьмого часу, За чаемъ зашелъ у насъ разговоръ о мѣшаніи чужестранныхъ словъ въ языкъ свѣй. Тутъ весьма остроумно сказалъ Государь, что иные русскіе въ разговорахъ своихъ мѣшаютъ столько словъ Французскихъ, что кажется будто говорятъ французы и между французскихъ словъ употребляютъ русскія. Также говорили, что иные столь малосильны въ своемъ языкѣ, что все съ чужестраннаго отъ слова до слова переводятъ и въ рѣчахъ и въ письмѣ, на примѣръ: *vous avez trop de pénétration pour ne pas entrevoir* — „вы очень много имѣете проицанія, чтобы этова не видѣть“; *on prétend qu'il n'est parti que ces jours-ci* — „требуютъ, чтобъ онъ не поѣхалъ какъ только на сихъ дняхъ“ — и тому подобное. Такіе люди не знаютъ, или не хотятъ знать, что то, что на одномъ языкѣ очень хорошо, на другомъ переведенное отъ слова до слова очень худо быть можетъ.

* * *

„Усовершенствованіе себя въ слогѣ“, какъ тогда выражались, было одною изъ цѣлей, ради которой переписывались между собою. Писаніе писемъ считалось искусствомъ, которымъ надлежало овладѣть путемъ упражненія.

Сохранилась переписка 16-лѣтняго гр. Александра Владимировича Орлова съ родными. Въ одномъ изъ писемъ къ своему дядѣ снѣ писалъ (1785):

Дядюшка сударикъ графъ Ѳедоръ Григорьевичъ! Осмѣливаюсь къ вамъ писать, надѣясь что оное вамъ не непріятно будетъ. Для меня же переписка сія тѣмъ цѣннѣе, что не только способствовать будетъ къ изученію Русскаго языка, но и откроетъ еще мнѣ случай разговаривать съ вами письменно...

Его отецъ, Александръ Владимировичъ, въ своихъ письмахъ къ нему, нѣсколько разъ касается того-же самага предмета:

... Скажу тебѣ искренне, что собравшись къ тебѣ писать, голова у меня полна мыслей, но отъ малаго моего упражненія въ подобныхъ трудахъ ощущаю большой недостатокъ въ предложеніи, связи и объясненіи оныхъ... Показывай письма мои и свои Харитону Андреевичу¹⁾; пусть онъ ихъ поправляетъ...

Три письма твои, служащія отвѣтомъ на мое, на сихъ дняхъ получилъ... Но какъ и самъ я въ семъ дѣлѣ ученикъ, то желалъ бы имѣть почаще случай къ просвѣщенію моему, а ежели мнѣ въ мѣсяцъ писать къ тебѣ по одному письму, то успѣхи мои конечно будутъ скудны...

... Чувствую всякой разъ, когда пишу, затрудненія и въ объясненіи и въ расположеніи мыслей моихъ, хотя многія изъ нихъ и довольно чисты; и такъ теряю много времени и со всѣмъ онымъ недоволенъ собою.

Никита Петр. Панинъ, посватавшись къ 15-лѣтней дочери гр. Вл. Гр. Орлова, завязалъ съ ней переписку. Въ первомъ письмѣ къ ней онъ писалъ:

Я, почитая сіе первое письмо за длѣженствующее служить предварительнымъ для облегченія вамъ будущихъ, осмѣливаюсь предложить здѣсь краткое означеніе главнѣйшихъ правилъ употребляемаго въ перепискѣ слога:

- 1) Ясность и краткость.
- 2) Отдѣленіе тѣхъ матерій, которыя не имѣютъ между собою прямого сношенія.
- 3) Простота рѣчи, оставляя всѣ сравненія, аллегоріи и отступленія отъ рѣчи, которыя употребляются въ возвышенномъ слогѣ.
- 4) Въ отвѣтахъ наблюдать всю возможную точность... (1789 г.)

---

¹⁾ Учителю А. В. Орлова.

Изъ письма сына Андрея Тимофеевича Болотова (см. о немъ ниже) къ отцу:

Мнѣ совѣстно . . . , что я между дѣла, пишу иногда къ вамъ много и пустяковъ. Я довольно также вижу, сколь много слогъ вашихъ, батюшка, писемъ превосходитъ мой вольностию и красиво-стию. Я бы охотно оному подражалъ, и ежели бы не такое хлопотное и смутное мое положеніе было, то, можетъ, бы и я писалъ не столь принужденно и не столь во многихъ мѣстахъ нескладно . . .

Изъ письма Д. И. Фонвизина къ сестрѣ (1763).

Всѣ тѣ письма кои я отъ тебя получилъ, писаны такъ хорошо, что я всегда ихъ беру примѣромъ краснорѣчія. Проза твоя такова, что я ни съ какой не сравниваю. Нѣкоторыя письма казалъ я князю Ѳ. А. Козловскому. Онъ изумляется.

Изъ письма Кн. Цицанова В. И. Зиновьеву, изъ Петербурга за границу (1786).

По стеченію множества разныхъ и досадныхъ обстоятельствъ, желчь разлившись по мнѣ заставляеть начать письмо свое къ тебѣ, братъ. И для того скажу, любезный другъ, что я въ великомъ неудовольствіи на тебя. — За что же? — А за то, сударь, что Ваше превосходительство ¹⁾ съ тѣмъ намѣреніемъ хотѣли вести со мной на русскомъ языкѣ переписку, чтобы привыкнуть къ языку, или учтивѣе сказать, не забыть . . . И вмѣсто того ты часъ отъ часу хуже пишешь, прости моей откровенности, и въ дружескихъ письмахъ ставишь столько мѣстоименій, указательныхъ „сей“ и возносительныхъ ²⁾ „оный“, „онихъ“, что портишь совѣмъ письмо. Я-же, хотя и самъ не слишкомъ великій мастеръ въ нихъ, однако знаю, что правиломъ пріемлется въ дружескихъ письмахъ то, чтобы писать точно такъ, какъ говоришь, чему я въ прежнихъ твоихъ письмахъ завидовалъ. А все это отъ чего происходитъ? Оттого, что ты спѣшишь и не даешь себѣ труда учреждать свои періоды, связывая ихъ пріятно, а потому и правильно. Не нужна къ тому тонкость грамматики, которую такъ скоро нельзя выучить; да по крайней мѣрѣ, чтобъ было написано такъ, какъ можно сказать изустно. Иногда же вся нескладница выходитъ отъ переноса личныхъ мѣстоименій и прилагательныхъ именъ и прочаго, какъ напр. „вчера видѣлъ я дѣвицу прекрасную“, — не пріятнѣе ли для уха, когда скажешь: „вчера я видѣлъ прекрасную дѣвицу“; что-же пріятно для слуха, то должно быть и правильно, и вотъ простое доказательство: „я вчера“, — что съ тобой случилось вчера? — „видѣлъ“ — что видѣлъ? — „прекрасную“ — что прекрасную? — „дѣвицу“. И такъ одно изъ другого выходитъ, плавно, гладко и пріятно. Тому же, что ты спѣшишь и безъ большого вниманія пишешь доказательствомъ твои описки и недописки. Вмѣсто „Творца“ написаль „цворца“, много выпустилъ складовъ изъ словъ.

¹⁾ Зиновьевъ былъ въ званіи камергера.

²⁾ Т. е. относительныхъ.

II. А. Т. БОЛОТОВЪ (1738~1833) КАКЪ ПРЕДСТА- ВИТЕЛЬ НОВАГО СЛОЯ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Подобно большинству помѣстныхъ дворянъ его поколѣнія Болотовъ не получилъ въ юности правильнаго образованія. Уже 15-ти лѣтъ отъ роду онъ поступилъ на военную службу; продѣлалъ во время Семилѣтней войны походъ въ Пруссію; въ 1762 г. вышелъ въ отставку и удалился въ свое помѣстье. Онъ самостоятельно выучился агрономіи; его сочиненія по сельскому хозяйству высоко цѣнились и онъ былъ приглашаемъ крупными землевладѣльцами въ управляющіе ихъ имѣній. Онъ былъ близокъ къ извѣстному общественному дѣятелю Ник. Ив. Новикову. Болотовъ былъ большой любитель чтенія и составилъ себѣ обширную бібліотеку, состоявшую отчасти изъ книгъ имъ собственноручно переписанныхъ. Еще въ Пруссіи онъ началъ вести дневникъ, который продолжалъ всю жизнь. Этотъ дневникъ онъ обрабатывалъ литературно въ формѣ „Писемъ“ къ вымышленному „любезному пріятелю“. Получилось громадное произведеніе, охватывающее жизнь автора вплоть до 1816 года (Сюда же включена и его переписка съ сыномъ). Оно носитъ заглавіе: „Жизнь и приключенія Андрея Болотова описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ“.

Болотовъ не ограничивался записываніемъ внѣшнихъ фактовъ своей жизни. Онъ рассказываетъ, что находясь въ 1760 г. со своей частью въ Кенигсбергѣ, онъ тамъ на досугѣ сталъ посѣщать бібліотеку и пристрастился къ чтенію книгъ — романовъ, философическихъ и нравоучительныхъ. „Не могу изобразить сколь великую пользу онѣ мнѣ принесли и какъ много распространили всѣ мои свѣдѣнія и знанія. Словомъ чрезъ нихъ узналъ я не только самъ себя, но и все нужнѣйшее, что знать человѣку въ жизни надобно... Я со всякимъ днемъ дѣлался лутчимъ; но можно сказать, что много помогли тому и важныя размышленія, въ какихъ я нерѣдко упражнялся и которыя побудили меня предпріять тогда одно особое и такое дѣло, какое рѣдко дѣлаютъ люди такихъ лѣтъ, въ какихъ я тогда находился, а именно: я положилъ всякую хорошую попадающуюся мнѣ мысль и всякое хорошее чувство своей души записывать на особыхъ лоскуткахъ бумаги и всякой день предписывать самому себѣ что-нибудь нужное либо къ исполненію, либо къ незабвенію чего-нибудь“. Потомъ онъ записи такого рода сталъ включать въ свои мемуары.

Почему онъ избралъ для своихъ мемуаровъ форму писемъ, Болотовъ объясняетъ такъ: „... что принадлежитъ до расположенія описанія сего образомъ писемъ, то сіе учинено для того, чтобъ мнѣ тѣмъ удобнѣе и вольнѣе было рассказывать иногда что-нибудь и смѣшное“.

Собственно, Болотовъ слѣдовалъ въ этомъ уже установившейся модѣ. Въ формѣ писемъ писались тогда романы, описанія путешествій, а также нерѣдко и сочиненія теоретическаго характера. Писаніе писемъ было въ обычаѣ среди образованныхъ людей 18-го вѣка. Потребность въ этомъ была тѣмъ сильнѣе, что тогда высказаться человѣку какъ-нибудь иначе было затруднительно: газеты и журналы были распространены гораздо менѣе, чѣмъ теперь; къ тому же, при тогдашнемъ политическомъ строѣ, какъ въ Россіи такъ и въ Западной Европѣ, о многомъ говорить и писать открыто было рискованно. Это привело къ тому, что форма письма стала модною. Писавшій

для печати придавалъ своей статьѣ видъ частнаго письма или серіи писемъ. Что же касается романовъ, въ которыхъ повѣствованіе велось отъ лица переписывающихся между собою героевъ, то это соотвѣтствовало тому, что бывало въ дѣйствительной жизни.

Уже изъ того, что Болотовъ писалъ свои воспоминанія въ видѣ писемъ, видно, что онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на произведеніе изящной литературы. И дѣйствительно, онъ пользовался рядомъ приемовъ тогдашнихъ романистовъ. При всемъ томъ его воспоминанія вполне правдивы.

Изъ Записокъ Болотова

Сватовство и женитьба

Любезный пріятель! Тысяча семьсотъ шестьдесятъ четвертый годъ, котораго исторію я теперь писать начинаю, былъ наидостопамятнѣйшимъ изъ всѣхъ въ моей жизни.

Я жилъ одинъ и въ совершенномъ почти уединеніи въ своей деревнѣ, и хотя за непрерывными и наиболѣе любопытными упражненіями своими и не чувствовалъ дальней скуки, однако, несмотря на то, великое мое одиночество было мнѣ не весьма пріятно и дѣлаясь мнѣ уже и отяготительнымъ, побуждало меня къ прискиванію себѣ подруги и товарища. А какъ пошелъ мнѣ уже тогда двадцать шестой годъ отъ роду, то и женитьбы было уже высочайшее и лучшее время, то лишался я надежды найти по желанію моему въ скорости и радъ былъ уже и такой, которая бы хотя не во всѣхъ частяхъ, а сколько-нибудь уже съ мыслями и желаніями моими сообразовалась.

Но какъ и такое еще не отыскивалось и нигдѣ не было на примѣтъ, то и находилъ я относительно до сего пункта въ величайшемъ недоумѣніи, что самое и побудило меня наиболѣе къ начатію нѣкоторымъ образомъ отдаленнаго и не совсѣмъ формальнаго сватовства за малолѣтнюю госпожу Каверину. Но какъ и изъ сего сватовства не вышло еще ничего положительнаго и важнаго, и я пересталъ почти о сей невѣстѣ думать. Но не успѣло еще и двухъ дней проработать сего вновь начавшагося года, какъ въ одну ночь ни думано, ни гадаемо, приснилась она мнѣ во снѣ, и что удивительнѣе всего, то совсѣмъ въ иномъ и не въ такомъ видѣ, въ какомъ я изображалъ ее себѣ при всѣхъ прежнихъ моихъ объ ней помышленіяхъ.

Но что жъ воспослѣдовало за симъ далѣе?

Поутру вдругъ является предо мною и какъ бы нарочно къ мнѣ, ко мнѣ присланная Ивановна, нѣмка. Я всего меньше тогда ее къ себѣ ожидалъ, то, обрадовавшись, возопилъ я, какъ скоро ее увидѣлъ:

— Ба-ба-ба! Ивановна! Что такъ запала и такъ давно у меня не была? мне кажется, уже нѣсколько лѣтъ, какъ мы съ тобою не видались.

— Виновата, батюшка, — отвѣчала она мнѣ. — Все какъ-то было недосужно, да и дома-то было рѣдко: все кой куда ѣздила; а и теперь только-что пріѣхала . . . Да знаете ли что, баринъ? Привезла къ вамъ еще поклонъ.

— Отъ кого это? — подхватилъ я.

— Угадайте! — сказала она и, принявъ на себя отмѣнно веселый видъ, засмѣялась.

— Уже не отъ невѣсты ли?

— Хотя не отъ нея прямо, а отъ матушки ея, Марьи Абрамовны.

— Что ты говоришь? подхватилъ я. — Ну, расскажи жъ ты мнѣ, пожалуйста, что такое говорили вы обо мнѣ.

— Мало ли чего, — сказала она, и какъ можно все упомянуть и пересказать? А скажу вамъ только то, что въ сей разъ говорено было тамъ объ васъ уже охотнѣе, нежели какъ прежде. Марья Абрамовна мнѣ призналась, что она спрашивала объ васъ кой-кого. Наслышались они объ васъ такъ много, и все хорошаго, что Марья Абрамовна и гораздо уже помышляетъ объ васъ и сожалеетъ уже о томъ, что дочка ея не достигла еще до совершеннаго возраста и молодовата. И сколько мнѣ показалось, то желалось бы ей васъ видѣть и съ вами познакомиться . . .

Далѣе повѣствуется о переговорахъ, черезъ посредство свахи, съ семьей невѣсты, о поѣздкѣ Болотова къ невѣстѣ, о препятствіяхъ къ браку: невѣста еще не достигла 13 лѣтъ; сосѣди отговаривали ее, стращали ее тѣмъ, что женихъ „колдунъ и чернокнижникъ“ — такую молву онъ нажилъ себѣ „отъ знанія наукъ“. Разсказъ ведется со множествомъ подробностей, какъ это принято было въ тогдашнихъ романахъ — приемъ рассчитанный на то, чтобы разжечь любопытство читателя, желающаго знать, чѣмъ кончится дѣло. Наконецъ, наступаетъ время свадьбы.

Послѣдующій затѣмъ и достопамятный день встрѣтилъ я съ особыми чувствіями. Увидѣвъ чистое и прекрасное восходящее солнце, вздохнувъ сказалъ я самъ себѣ къ нему:

„Въ послѣдній разъ, будучи холостымъ, вижу я тебя, о солнце! восходящимъ. Еще прежде, нежели ты опустишься за горизонтъ, присоединяюсь уже къ мужамъ женатымъ и въ завтрашній день буду видѣть восходъ твой уже перешедъ въ состояніе оное . . . О, буду ли я въ ономъ счастливъ? И будетъ ли будущая подруга моя помогать мнѣ веселиться такъ много тобою и твоимъ утреннимъ свѣтомъ, какъ много веселился я тобою, будучи холостымъ и въ свободномъ состояніи?“

Первая мысль сія повлекла тотчасъ за собою многія и другія, и я, вскочивъ и накинувъ на себя легкое утреннее платье, побѣжалъ въ садъ и, уклонившись отъ людей, палъ ницъ на землю предъ невидимымъ Господомъ и Отцомъ своимъ небеснымъ и, принося Ему за все обыкновенныя свои благодаренія, просилъ Его на колѣняхъ о сниспосланіи на меня благословенія своего въ сей толико важный для меня день и о томъ, чтобъ Онъ былъ ко мнѣ милостивъ.

. . . . .

Меня нарядили и убрали какъ водится, однако не съ пышной руки и не такъ, какъ бы какого петиметра¹⁾. Наконецъ какъ все уже было готово, то поставленъ былъ по обыкновенію посреди комнаты столъ съ образомъ и хлѣбомъ и солью. По возстаніи изъ за-стола благословляемъ былъ я образомъ вмѣсто отца дядей моимъ Матвѣемъ Петровичемъ, а вмѣсто матери теткою Матреной Ивановною.

¹⁾ Petit maitre, шеголь — модное словечко въ 18 в.

Слеза, капнувшая изъ глазъ моихъ, смочила тогда самую икону, съ которой по обыкновенію еще старинному поѣхалъ впередъ духовникъ мой. Я послѣдовалъ за нимъ и ѣхалъ всю дорогу, самъ себя почти не помня отъ волнующихся въ душѣ моей разныхъ мыслей и пристрастій.

Погода случилась тогда найпрекраснѣйшая и день самый ясный, тихій и жаркій.

Мы пріѣхали къ церкви еще довольно рано и тутъ не было еще никого. Обрядъ требовалъ, чтобъ невѣстѣ пріѣзжать послѣ и чтобъ жениху не иначе, какъ нѣсколько времени дожидаться оной въ церкви, и сіе обыкновеніе наблюдалось какъ-то отъ самой древности. Наконецъ введена была въ церковь и невѣста и вошли и всѣ пріѣхавшіе съ нею мужчины и женщины. Но тутъ не успѣли насъ обоихъ поставить рядомъ и начать обрядъ бракосочетанія, какъ мало по малу, смущаясь мыслями, пришелъ я въ такое замѣшательство мыслей и кровь во мнѣ взволновалась столь сильно и я въ такомъ находился безпорядкѣ, что я дрожалъ тогда такъ, какъ бы отъ лихорадки или отъ мороза, хотя было тогда въ церкви и очень жарко. И состоянія, въ какомъ находился я во все время, покуда отправлялся сей священный и таинственный обрядъ, не въ силахъ я никакъ изобразить словами моими. Я былъ внѣ себя и самъ себя почти не помнилъ.

Когда же все кончилось и я поцѣловалъ въ первый разъ невѣсту свою такъ, какъ уже жену свою, то возгремѣли со всѣхъ сторонъ поздравленія и начались взаимныя рекомендаціи между всѣми въ новое родство и знакомство другъ съ другомъ вступившими. И минуты сіи были для меня восхитительны. Съ меня свалилась тогда власно ¹⁾ какъ нѣкая гора съ плечъ и я сдѣлался уже веселѣе и отважнѣе.

Первое время брачной жизни.

Любезный пріятель. Начиная теперь описывать вамъ исторію моей жизни съ того времени, какъ я женился, скажу вамъ, что по окончаніи брачнаго пиршества и по разъѣздѣ гостей мое первѣйшее дѣло было то, чтобъ вмѣстѣ съ молодою своею женою объѣздить всѣхъ, бравшихъ въ брачномъ пиршествѣ нашемъ соучастіе и одолжившихъ насъ своимъ посѣщеніемъ, и принести нашу общую благодарность; также, чтобъ познакомить новыхъ семьянинокъ своихъ короче съ моими родственниками и сосѣдями, а между тѣмъ спознакомливался и свикался я часъ отъ часу болѣе и съ молодою своею женою и тещею. Но въ разсужденіи первой свычка наша шла какъ то очень-очень медленными стопами.

Я, полюбилъ ее съ перваго дня искреннею супружескою любовію, сколько ни старался къ ней съ своей стороны ласкаться и какъ ни прискивалъ и ни употреблялъ все, что только могъ, чѣмъ бы ее забавить, увеселить и къ себѣ тѣснѣе прилѣпить можно было, но успѣхъ имѣлъ въ томъ очень малый. Она казалась имѣть характеръ самый хладнокровнѣйшій и ко всему тому нѣмало нечувствительною и сіе ее природное свойство простиралось даже до того, что въ самый прощективическій ящикъ съ картинами, производящій всѣмъ

¹⁾ Подлинно.

не видавшимъ его е ще никогда толь великое удовольствіе, смотрѣла она съ совершеннымъ хладнокровіемъ, и онъ жену мою, несмотря на всю ея молодость, нимало не веселилъ, и не примѣтно было въ ней нимало къ такимъ вещамъ любопытства. Не находилъ и не примѣчалъ я также въ ней ни малѣйшей склонности и охоты къ чтенію книгъ и ко всему, до наукъ относящемуся. Не видно было и того, чтобъ она и къ садамъ мѣгла быть когда-нибудь охотница ¹⁾

Но что всего важнѣе, то и къ самому себѣ не имѣлъ я отъ ней ни малѣйшихъ взаимныхъ и такихъ ласкъ и привѣтливости, какія обыкновенно молодыя жены оказываютъ при людяхъ и безъ нихъ мужьямъ своимъ. Нѣтъ, сего удовольствія не имѣлъ я въ жизни. И хотя было все сіе мнѣ и очень, очень непріятно, но какъ все оное приписывалъ я тогда главнѣйше тогдашней ея молодости, а не природному ея свойству, то и переносилъ все то прямо съ философическимъ твердоушіемъ и не ропталъ на судьбу свою нимало. Напротивъ того, утѣшался тѣмъ, что многое изъ того, чего искалъ и желалъ я въ женѣ своей, находилъ я въ своей тещѣ, а ея матери, чрезъ самое то не совсѣмъ лишался тѣхъ душевныхъ удовольствій, какихъ полученія домогался я чрезъ женитьбу.

Она была такъ умна, что я могъ разговаривать съ нею обо всякихъ матеріяхъ, а при томъ такъ любопытна во всѣхъ частяхъ, что всегда слушивала меня съ удовольствіемъ, и я могъ относиться къ ней во всемъ и предавать на апробацію ея все и все. А что всего лучше и всего для меня пріятнѣе было, то любила и сама читать книги и слушать другихъ, когда ей читали, и слушивала не только съ любопытствомъ, но съ желаемымъ вниманіемъ.

Я могъ адресоваться къ ней всегда и со всѣмъ. Удавалось ли мнѣ когда самому сочинить или перевести что-нибудь, то было кому то прочесть и у кого спросить, хорошо ли то или нѣтъ, и было кому чрезъ одобреніе свое меня побуждать и поощрять къ дальнѣйшимъ такимъ предпріятіямъ.

Жизнь въ усадьбѣ.

Такимъ образомъ дожилъ я до 1773 года. Находился я въ сіе время въ своей деревнѣ, въ любезномъ своемъ Дворяниновѣ, гдѣ по милости Господней продолжалъ я препровождать благополучнѣйшую жизнь въ свѣтѣ. Правда, достатокъ мой былъ не такъ великъ, чтобъ могъ я почитать себя богатымъ, но, по счастію, я желаніемъ множайшаго достатка никогда не мучился, а былъ жребіемъ своимъ совершенно доволенъ.

По крайней мѣрѣ зналъ я и всегда помнилъ я, что есть многіе милліоны людей, во всемъ подобныхъ мнѣ созданій, несравненно меня убожѣе и недостаточнѣе и предъ которыми, если бы хотѣлъ, могъ бы я почитать себя великимъ богачомъ. Безъ мала шестьсотъ чело-вѣкъ обоого пола равныхъ мнѣ тварей состояло въ моихъ поселеніяхъ; всѣ они на меня работали и трудами своими и потомъ меня кормить, поить, одѣвать, обогрѣвать, успокаивать и тысячу увеселеній мнѣ приносить старались. Не великая ли то была для меня выгода и не должень ли я былъ благодарить за то Бога?

¹⁾ Самъ Болотовъ увлекался садоводствомъ, бывшимъ въ то время въ модѣ.

Жилъ я хотя и не въ великолѣпномъ замкѣ и не въ каменныхъ палатахъ, но по крайней мѣрѣ не мучился и не беспокоился мыслями о томъ, для чего у меня такого нѣтъ, и радовался и увеселялся еще тѣмъ, что по благи Господней имѣлъ хотя простой, но изрядно-деревенской и всѣми нужными спокойствами снабденной домикъ, въ которомъ стужа никогда еще насъ не беспокоила, а изъ комнатъ стояло всегда нѣсколько и излишнихъ и порожнихъ.

Кабинета моего, въ которомъ наиболѣе я жилъ, не можно было покойнѣе быть и въ наилучшемъ замкѣ. Печка у меня была такая тепленькая и хотя кирпичная, но собственными трудами прекрасно и со вкусомъ росписанная; свѣта довольно, сидѣть было на чемъ, и по крайней мѣрѣ не мучился я угаромъ и освобожденъ былъ отъ досады, для чего топилъ не по термометру. Сверхъ того, имѣлъ я въ ней множество вещей, приносящихъ мнѣ увеселеніе.

Слугъ, лакеевъ, камердинеровъ, офиціантовъ, управителей и дворецкихъ хотя у меня и не было многочисленныхъ, но по крайней мѣрѣ въ нужныхъ служникахъ не было недостатка: было кому подать, было кому принять, было кого послать, было кому сшить, сковать, ѣсть сварить и сдѣлать что надобно, и въ люди посылать не доходило почти никогда нужды. Чего хотѣтъ болѣе?

Цуговъ и экипажей драгоцѣнныхъ, также гайдуковъ, гусаровъ и скороходовъ хотя у меня не было, но по крайней мѣрѣ никогда не хаживалъ я отъ нужды пѣшкомъ, а было на чемъ и въ чемъ всюду выѣхать; и хотя выѣзды мои и экипажи и не такъ были великолѣпны, какъ у прочихъ, но я въ тѣ же ворота всюду ѣзживалъ и меня не хуже людей принимали.

Платье носилъ я хотя не драгоцѣнное, не блистало хотя золотомъ и серебромъ и не ослѣпляло людей алмазами, но они мнѣ были и не надобны. По крайней мѣрѣ не выѣзжалъ никуда въ заплаткахъ, а каково мое платье ни было, но вездѣ принимали меня ласково и пріятно, и никто еще меня за платье не презиралъ, а дома никогда я босымъ и нагимъ не ходилъ. Чего мнѣ было хотѣтъ болѣе?

Наконецъ, и что всего дороже, наслаждался я найдрагоцѣннѣйшею свободою: вставалъ когда хотѣлъ, дѣлалъ что угодно и ложился спать когда хотѣлось. Кромѣ того, не имѣлъ я нужды ни къ кому ѣздить или ходить на поклонъ, ни раболѣпствовать, ни лукавить и ни лицемерить. Однимъ словомъ, жилъ на волѣ, былъ господиномъ, собственныхъ своихъ поступковъ и боялся только Бога да моего государя.

Вотъ краткое изображеніе того благополучія, которымъ я при наступленіи сего достопамятнаго года наслаждался.

Что касается до моихъ упражненій, то привыкнувъ издавна къ трудолюбію, непрерывно занимался я литературою и науками, но не столько упражнялся въ чтеніи книгъ, какъ въ письмѣ и сочиненіяхъ. Новой годъ засталъ меня въ слѣдующихъ работахъ: первое, старался, я оканчивать переводъ „Китайской исторіи или Нейгофова путешествіе въ сіе государство“. Книгу сію началъ я давно переводить, и въ сіе время трудъ сей приходилъ къ окончанію, хотя, къ сожалѣнію, остался онъ совсѣмъ тщетнымъ.

Однако и кромѣ того сдѣлалъ нѣчто на память симъ святкамъ, а именно: въ праздное время выдумалъ вновь нѣсколько загадокъ, свойственныхъ обыкновеннымъ святочнымъ занятіямъ. Онѣ были слѣдующія:

1) Живу я на свѣтѣ очень давно, все хожу, все брожу, никогда не устаю и то-и дѣло, что старѣю да молодѣю.

2) Плоска я, пестра, собою пригожа, иныхъ увеселяю, другихъ обогащаю, я третьихъ разоряю.

3) Днемъ я дурна, ни къ чему не гожусь, ночью прекрасна, алмаза яснѣй.

4) Плоска я, вонюча, въ темнотѣ люблю жить.

5) Сидѣть не умѣю, ходить не могу, а бѣгать и соваться слишкомъ остерѣ.

6) Сплету себѣ кружокъ, сяду въ уголокъ, сижу посижу, гостей подожду, пожалуетъ кто, я цапъ его царапъ.

Вотъ загадки, выдуманная сѣи святки. Я ласкаюсь, что онѣ имѣютъ на себѣ печать натуральности, ибо первая значитъ луну, вторая — карту, третья — гнилушку, четвертая — клопа, пятая — рыбу, шестая — паука.

Поѣздка въ Москву въ 1781 г. Связи съ Новиковымъ.

Болотовъ былъ извѣстенъ Н. И. Новикову, какъ авторъ трудовъ по сельскому хозяйству, очень цѣнимыхъ Новиковымъ. Въ 1780 г. они познакомились лично въ Москвѣ. Въ эту вторую свою поѣздку Болотовъ успѣшилъ навѣстить Новикова. Тотъ принялъ его дружески и пригласилъ обѣдать.

... Я нашель у него столъ и вкусной, и изобильной, и довольное за нимъ общество. У него всякой день обѣдало по нѣскольку челоуѣкъ изъ его знакомыхъ, оказывающихъ ему отмѣнное уваженіе.

Сіе меня, какъ не знающаго еще тогда всѣхъ его связей, поудивило нѣсколько; но какъ не до меня было, то я продолжалъ обращаться съ нимъ просто и дружески, имѣлъ при семъ свиданіи случай переговорить съ нимъ кое-что о нашемъ дѣлѣ и о издаваемомъ „Экономическомъ Магазинѣ“. ¹⁾

Онъ изъявилъ мнѣ крайнее свое удовольствіе о моемъ трудолюбіи и о исправномъ присланіи къ нему нужной матеріи для печати; и какъ онъ отзывался, что журналъ мой принятъ публикою съ особеннымъ благоговѣніемъ и число пренумерантовъ ²⁾ часть отъ часу умножается, то сіе и подало мнѣ поводъ шуткою сказать, что посему можно бы ему къ условленной суммѣ мнѣ за труды сколько-нибудь прибавить.

— Трудовъ и мнѣ, сказалъ я, право, много. Судите сами: я долженъ работать одинъ-одинехонекъ и писать такое множество.

— Хорошо, — подхватилъ онъ, я и не прочь отъ того и прибавлю вамъ еще на первой случай пятьдесятъ рублей, а тамъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло наше впредь, и, буде хорошо, прибавлю вамъ и еще.

Симъ я былъ и доволенъ. Послѣ сего сталъ онъ мнѣ предлагать, не могу ли удосужиться перевести еще одну періодическую славнаго въ Германіи сочинителя книгу, которую хотѣлось бы ему также издавать образомъ ежемѣсячнаго журнала, и, тотчасъ отыскавъ, сталъ показывать мнѣ ее. Была она духовная, нѣмецкая, сочиненія славнаго г. Тидена и содержала въ себя вечернія размышленія на каждой день года, Я, поглядѣвъ нѣсколько на нее, сказалъ ему, что хотя бы я,

¹⁾ Авторомъ этого изданія былъ Болотовъ, а издателемъ Новиковъ.

²⁾ Подписчиковъ.

можетъ быть, и могъ къ тому найти довольно времени, но однако надобно посмотрѣть, довольно ли будетъ къ тому моей способности и въ состояніи ли я буду сіе сдѣлать.

Хорошо, подхватилъ онъ, — такъ возьмите жъ ее съ собою и, поразсмотрѣвъ, буде время вамъ дозволить, испытайте хотя нѣсколько піесъ изъ нея перевести и мнѣ показать; а кстати, не возьмете ли вы вотъ часть готоваго изъ ней перевода, но которой мнѣ не очень нравится?

— Хорошо, сказалъ я и взялъ книгу и переводъ съ собою.

По возвращеніи на квартиру принялся я тотчасъ разсматривать взятую у Новикова книгу и нашелъ ее хотя разпрекраснѣйшею, но для перевода по особому слогу своему не совсѣмъ легкою: однако положилъ испытать переводить оную.

Въ послѣдующій день, что было наканунѣ Крещенія, учинилъ первое испытаніе переводить данную мнѣ Новиковымъ книгу и успѣлъ, хотя не безъ затрудненія, перевести одну піесу изъ оной.

Въ день Богоявленія Господня ѣздили мы въ театръ. На театрѣ въ сей разъ представляли „Дезертира“, и я съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ сію піесу.

Наутріе ѣздилъ я опять въ ряды для закупапія кое-какихъ вещей и, ѣдучи туда, заѣзжалъ опять къ Новикову, а изъ рядовъ проѣхалъ въ петербургскую книжную лавку, гдѣ купилъ Роленеву „Древнюю исторію“ и нѣкоторыя другія книги, а оттуда къ прежнему знакомцу своему, г. Ридигеру, основавшему уже собственную свою и знаменитую книжную лавку на Ильинкѣ. Нашедъ у него превеликое множество всякаго рода иностранныхъ книгъ, препроводилъ у него въ лавкѣ съ удовольствіемъ нѣсколько часовъ, купилъ у него разныхъ и надобныхъ мнѣ книгъ и въ числѣ ихъ новенькой и только что вышедшій нѣмецкій романъ подъ заглавіемъ „Генріета или Гусарское похищеніе“, которой мнѣ какъ-то съ первого взгляда отмѣнно полюбился по своему особому слогу. А оттуда проѣхалъ на вечеръ къ князю ¹⁾ и, препроводивъ съ нимъ оной, у него ужиналъ. Въ слѣдующій день заѣхалъ къ Новикову обѣдать, и какъ было еще рано, то имѣлъ я время съ нимъ обо многомъ переговорить. И какъ мы съ нимъ гораздо уже познакомились, то и вздумалось ему испытать, не удастся ли ему и меня такимъ же образомъ втянуть въ свое сокровенное общество или шайку масоновъ, какъ учинилъ онъ то многими уже другими, и съ тѣмъ, безсомнѣнно, намѣреніемъ, чтобъ чрезъ то, какъ гранметру ²⁾ сей секты, сдѣлать и меня своимъ съ сей стороны подчиненнымъ и пріобрѣсть во мнѣ дарового работника и всѣмъ своимъ хотѣніямъ и повелѣніямъ безотговорочного исполнителя. И для того, заведя меня въ свой кабинетъ, началъ меня разспрашивать, не принадлежу ли я къ какому-нибудь ордену?

Поразился я удивленіемъ сіе услышавъ, и какъ, по счастью, былъ я о его масонствѣ и гранметрствѣ извѣщенъ, то тотчасъ проникнулъ все его сокровенное намѣреніе и, отнюдь не желая ему дать возложить на себя узду и осель ³⁾, тотчасъ принялъ всѣ нужныя съ

¹⁾ Гагарину, имѣніями котораго онъ управляетъ.

²⁾ Grand-Maitre, „великій мастеръ“ — предсѣдатель масонскаго общества. Новиковъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей русскаго масонства, организациіи объединившей въ то время просвѣщенныхъ людей всей Европы.

³⁾ Силокъ, арканъ.

своей стороны предосторожности; и потому на вопросъ его тотчасъ ему отвѣтствовалъ, что нѣтъ и что я никогда не былъ ни масономъ, ни другимъ какимъ сектистомъ.

Не успѣлъ онъ сего услышать, какъ и началъ было подѣзжать ко мнѣ, по пословицѣ, говоря, на полозкахъ и убаивать меня обыкновенными баснями и прельщать меня пышными выгодами ихъ братства, дружества, добродѣтелей и всего прочаго и заговаривать, чтобъ я также вступилъ въ ихъ общество, съ увѣреніемъ, что я по качествамъ, знаніямъ и достоинствамъ своимъ могъ бы скоро получить между ими знаменитое достоинство.

Нѣсколько минутъ далъ я ему волю говорить и разглагольствовать, какъ онъ хотѣлъ, слушая со вниманіемъ все, что онъ ни говорилъ, но наконецъ ему сказалъ:

— Нѣтъ, батюшка, Николай Ивановичъ. Дружбу и пріязнь имѣть я съ вами готовъ, а что касается до предлагаемого вами, такъ покорно прошу меня отъ того уволить. Все, что вы ни говорите въ похвалу вашему обществу, мнѣ давнымъ-давно уже извѣстно, и вы не первые, а меня уже многіе и многіе старались преклонить ко вступленію въ масонской орденъ и въ другія секты и общества, но я далъ съ молодыхъ лѣтъ на себя зарокъ и самъ себя заклалъ, чтобъ отнюдь не вступать ни въ какой тайной орденъ и сокровенное общество.

— Но для чего жъ? подхватилъ онъ.

— А для того, что, зная существенно, чѣмъ и чѣмъ обязуешь насъ и одинъ нашъ христіанскій законъ, думаю, что намъ и тѣхъ должностей и обязанностей довольно, какими онъ насъ къ исполненію обязуешь, и что нѣтъ никакой нужды обязывать себя какими-либо другими должностями, а намъ дай Богъ, чтобъ и тѣ только исполнить, которыми обязуешь насъ христіанская вѣра.

Нечего ему было на сіе говорить. Онъ упулся и замолчалъ, увидя, что во мнѣ наскочила коса его на камень; но собравшись опять съ духомъ, началъ было опять свои разглагольствованія и увѣренія, что орденъ ихъ нимало не противенъ христіанской вѣрѣ и что я найду истинныхъ ему между ими почитателей¹⁾, и прочее, и прочее. Но я, остановивъ его, опять сказалъ:

Знаю, батюшка, и слышалъ много разъ все сіе, но опять повторю, что какъ бы то ни было, но меня покорно прошу отъ того уволить и въ разсужденіи меня никакого счета не дѣлать. Скажу вамъ прямо, что я клятвы своей до сего времени держался и впредь всегда держаться буду, и потому всѣ ваши убѣжденія будутъ относительно до меня тщетны и труды, употребленные къ тому, напрасны. А что касается до моего къ вамъ искренняго почтенія и дружбы, то я вамъ ее обѣщаю и безъ того, и вы найдете во мнѣ человека, которымъ вы съ сей стороны будете довольны, и о томъ перестанемъ говорить.

Нечего ему было опять на сіе сказать, и онъ, боясь, чтобъ меня не отогнать совсѣмъ прочь отъ себя, и льстясь, можетъ быть, надеждою, что не удастся ли ему впредь какимъ нибудь образомъ въ сѣти свои запутать, принужденъ былъ сказать:

Ну, такъ и быть. Что мнѣ съ вами, такимъ упрямымъ, дѣлать? Но по крайней мѣрѣ испрашиваю я отъ васъ продолженія начатаго вашего дружества и любви.

¹⁾ Исповѣданіе христіанской вѣры было условіемъ принятія въ орденъ масоновъ.

О, что касается до этого, воскликнулъ я, то увѣрю васъ въ томъ чистосердечно, что вы будете мною довольны, и въ залогъ того вотъ вамъ моя рука. Сказавъ сіе и схватя его руку, ударилъ я по ней свою, а онъ въ соотвѣтствіе того обнялъ меня и поцѣловался со мной.

Симъ кончилась тогда у насъ сокровенная въ кабинетѣ его сцена и мы вышли потомъ въ залъ къ собравшимся къ столу и ожидавшимъ насъ его подчиненнымъ и сѣли обѣдать.

Послѣ обѣда, напившись кофею и поговоривъ еще кое о чемъ постороннемъ, поѣхалъ я на квартиру и, вѣдучи, вспоминая все бывшее до обѣда, самъ себѣ сказалъ: „Нѣтъ, нѣтъ государь. Не на такого ты глупца и простачка напалъ, который далъ бы себя ослѣпить твоими раздобарами и розказнями и протянулъ бы тебѣ свою шею для возложенія на нее петли и узды, дабы тебѣ послѣ на немъ верхомъ ѣздить и неволею заставлятъ все дѣлать, что тебѣ угодно. Не бывать тому никогда и не раживаться, чтобъ далъ я тебѣ связать руки и ноги, а ежели хочешь, то изволь быть моимъ простымъ и обыкновеннымъ другомъ и обходиться со мною какъ себѣ съ равнымъ. Отъ этого мы не прочь, да и только всего.“

• • • • •

Возвратясь на квартиру, расположилъ въ тотъ день никуда болѣе не ѣхать, а остаться на весь вечеръ дома.

Тутъ попалъ мнѣ опять на глаза помянутой новокупленной романъ „Генріета“. А не успѣлъ прочитать десятка два страницъ, какъ онъ особливостью своего заманчиваго и пріятнаго слога такъ мнѣ полюбилъ, что не хотѣлось книги сей изъ рукъ выпустить, и я такъ имъ наконецъ прельстился, что въ тотъ же еще день воспріялъ непремѣнное намѣреніе его перевести, и перевести точно въ такомъ духѣ, въ какомъ онъ написанъ, и поговорить съ Новиковымъ, не печатаетъ ли онъ его.

Итакъ, поѣхалъ я опять къ Новикову, съ которымъ хотѣлось мнѣ поговорить о помянутомъ романѣ. Сему не успѣлъ я сказать, что на тѣхъ дняхъ случилось мнѣ у Ридигера купить между прочими книгами одинъ новенькій романъ, который мнѣ особымъ и заманчивымъ своимъ слогомъ и пріятностью отмѣнно нравится и даже хочется его перевести, но что я не знаю, согласился-ль бы онъ его напечатать, какъ, противъ чаянія, г. Новиковъ воскликнулъ:

Ахъ, для чего жъ не напечатать, а особливо, если онъ хорошъ, какъ вы говорите. Сего рода сочиненія и книги еще несравненно скорѣе съ рукъ сходятъ, нежели степенныя. Итакъ, съ Богомъ, батюшка, съ Богомъ, переводите его, и чѣмъ болѣе симъ дѣломъ поспѣшите, тѣмъ лучше. Но великъ ли онъ?

— Не очень великъ, и состоитъ хотя въ трехъ частяхъ, но части не большія, и переводите его недолго.

— О, пожалуйста, переводите, чѣмъ вы меня одолжите, и какъ скоро первую часть переведете, то и присылайте ко мнѣ скорѣе. Мы тотчасъ и начнемъ ее печатать.

— Очень хорошо!—сказалъ я и былъ такъ симъ разохоченъ, что того жъ часу поѣхалъ отъ него на квартиру и приступилъ къ началу сего перевода.

Какъ мнѣ наутріе надлежало побывать опять въ межевой канцеляріи, гдѣ и въ сей разъ почти ничего не узналъ, то поѣхалъ я опять къ Новикову, чтобъ показать ему и романъ свой и начало пе-

ревода, дабы можно было съ нимъ о цѣнѣ за труды условиться. Онъ удивился, увидѣвъ мой переводъ, и воскликнулъ:

— Какъ, вы уже и начало перевода сдѣлали? И успѣли уже столько перевести? И потомъ прочитавъ со вниманіемъ и удовольствіемъ, сказалъ: Прекрасно, и нельзя быть лучше, и когда вы такъ скоро и хорошо переводите, то вамъ недолго и весь его перемахать?

— Конечно, сказалъ я, ежели бъ только не помѣшали особые недосуги, то думаю, что немногихъ недѣль къ тому довольно будетъ.

— Очень же хорошо, батюшка, постарайтесь же какъ можно.

Послѣ сего въ тотъ же часъ и условились мы съ нимъ и о суммѣ, которую мнѣ за мой трудъ получить. И какъ она была съ великою книги соразмѣрена, то и былъ я ею доволенъ.

Послѣ чего сказалъ мнѣ г. Новиковъ, что онъ наканунѣ того дня, видѣлся съ ихъ университетскимъ кураторомъ и начальникомъ Михайломъ Матвѣевичемъ Херасковымъ ¹⁾, славнымъ нашимъ стихотворцемъ, и что сей, узнавъ обо мнѣ, что я въ Москвѣ, чрезвычайно восхотѣлъ меня узнать лично и, желая со мною познакомиться, просилъ его попросить меня, чтобъ я къ нему пріѣхалъ. Таковое приглашеніе и исканіе моего знакомства отъ такого именитого человека было мнѣ не противно. И какъ г. Новиковъ, пересказавъ мнѣ о томъ, сталъ совѣтывать и даже просить и всячески убѣждать меня знакомства съ такимъ мужемъ не пренебрегать и къ нему, буде можно, въ тотъ же еще день передъ вечеромъ съѣздить, то я и не воспротивился тому и обѣщалъ сіе исполнить.

Поелику мнѣ въ этотъ день надобно было опять побывать въ нѣмецкой слободѣ у своего командира, то, переговоривъ съ Новиковымъ, и пустился туда. Я не засталъ князя дома и подосадовавъ, опять проѣхалъ обѣдать къ другу моему г. Владыкину. Отобѣдавши же у него, пустился къ г. Хераскову.

Сего генерала засталъ я одного, едва проснувшася отъ отдохновенія послѣ обѣда, и онъ принялъ меня не только безъ наймалѣйшей гордости и спѣси, но такъ снисходительно, съ такою ласкою и съ такимъ благопріятствомъ, что я даже удивился и былъ тѣмъ очень доволенъ. И какъ, по счастію, случились мы одни, то, посадивъ меня подлѣ себя, и началъ со мною найласковѣйшимъ образомъ говорить. Онъ сказалъ мнѣ, что я ему уже очень давно знакомъ по моимъ сочиненіямъ и что онъ желалъ узнать меня лично и познакомиться и теперь очень доволенъ. Потомъ хвалилъ всѣ мои сочиненія, такъ что мнѣ было даже стыдно. Предлагалъ мнѣ свое дружество и просилъ даже вступить съ нимъ въ ученую переписку. Словомъ, онъ такъ меня заговорилъ, что я весь вечеръ сей, занимаясь съ нимъ разговорами о разныхъ матеріяхъ, препроводилъ съ отми́ннымъ удовольствіемъ; и какъ онъ неотмѣнно хотѣлъ, чтобъ я у него и отужиналъ, то нимало и не воспротивился тому.

Симъ образомъ, ни думано, ни гадано, нискалъ я новое и лестное для меня знакомство. Со всѣмъ тѣмъ, какъ мнѣ слыхнулось, что принадлежалъ и сей вельможа къ масонскому одрену и по сей части былъ въ связи съ Новиковымъ, то хотя и обѣщалъ по требованію и желанію его продолжать съ нимъ знакомство, но положилъ и въ разсужденіи его принимать возможнѣйшую осторожность и пріѣзжать къ нему не слишкомъ часто.

¹⁾ Авторъ „Россіады“.

1792 годъ. Жизнь въ деревнѣ.

Наконецъ настала у насъ и масленица, и тогда превратилось¹⁾ у насъ все въ домѣ, и изъ прежней тишины и безмолвія сдѣлался радостный шумъ и волненія. Пошли разборы, разговоры, разсказыванія, показыванія и разспрашиванія. Пріѣхали къ намъ еще гости, нѣкоторые изъ городскихъ нашихъ. Но намъ не до гостей было. Мы совсѣмъ почти объ нихъ позабыли. Сынъ навезъ мнѣ изъ Москвы множество всякой всячины: ландкартъ, книгъ и другихъ разныхъ вещицъ, и все хорошихъ. Надобно было все пересматривать, надобно было ему все показывать. Изъ книгъ накупилъ онъ само собою множество французскихъ и русскихъ, и всѣ онѣ были такъ хороши, что я былъ ими весьма доволенъ и не могъ довольно ими навеселиться. Въ такихъ же разсматриваніяхъ провели мы и все утро послѣдующаго дня, и часы сіи было для меня очень веселы. Прочее же время дня сего было у насъ шумное и прямо масленичное. А на другой день ѣздили мы сами по гостямъ, по зву и безъ зва, а для сдѣланія контра-визитовъ. По возвращеніи же въ вечеру домой стали всѣ помъшлять о составленіи наутріе затѣваемаго уличнаго маскарада и ѣзды по городу во многихъ саняхъ. Сію затѣю мы въ послѣдующій день и дѣйствительно произвели въ дѣйство. И какъ она была особаго рода, то и опишу я сіе наше необыкновенное катаніе въ самой подробности.

Мы набрали сколько можно болѣе лошадей, саней и людей и составили сущую серенаду. Сперва ѣхалъ верхомъ капельмейстеръ мой въ черкесскомъ платьѣ и татарской шапкѣ. За нимъ двое верховыхъ лакеевъ въ красныхъ сюртукахъ съ медвѣжьею опушкою; а за ними ѣхали большія сани, запряженныя пятью тройками или пятнадцатю лошадьми. Каждою тройкою управлялъ форрейторъ, ѣхавшій на средней лошади и одѣтый также въ красный теплый сюртукъ. Кучеръ же сидѣлъ на саняхъ, одѣтый въ хорошее ямское платье. Кромѣ сего, сидѣло въ саняхъ восемь человѣкъ музыкантовъ съ волторнами и флейтраверсами. Къ симъ же санямъ сзади прицѣплено было другихъ восемь саней, изъ которыхъ были одни другихъ меньше. Сіи санки покрыты были разноцвѣтными коврами, и на нихъ сидѣли всѣ наши госпожи, дѣвицы и кавалеры, сколько набралось ихъ для сей серенады. Я сидѣлъ въ послѣднихъ и лучшихъ санкахъ и заключалъ всю процессію и все шествіе.

Предлинный рядъ лошадей, красные сюртуки на нихъ ѣдущихъ, бѣлыя попоны, покрывающія коренныхъ, и потомъ куча музыкантовъ и производимый ими гармоническій звукъ, а тамъ предлинный и смѣшной рядъ нашихъ санокъ производили прекрасное и вкупѣ смѣшное, пріятное и такое зрѣлище, какого никому изъ тамошнихъ жителей видать никогда еще не случалось. Почему и неудивительно, что едва только мы съ процессіею сею показались въ городъ, какъ со всѣхъ сторонъ побѣжали къ намъ люди и поскакали сами, и всѣ кучами и толпами послѣдовали за нами и умножали огромность зрѣлища.

. . . . .

¹⁾ Перемѣнилось.

15 числа іюня расположились мы отпревиться въ любезное свое Дворяниново. Въ Дворяниновѣ вычистили въ сей разъ и запрудили нагорную нашу сажелку; а во время перепадавшихъ дождливыхъ дней прибирали переправленныя свои хоромы, обивали ихъ обоями и украшали картинами, переносимыми изъ хоромъ старыхъ, и дѣлали ихъ къ житію отъ часу удобнѣйшими. Не преминули мы также и въ ближнемъ саду своемъ произвести кое-какія поправленія и дѣлишки, образовали большую круглую еловую поляну; сдѣлали на ней для сидѣнія большую полукаменную сидѣлку; прокладывали и прочищали кое-гдѣ новыя дорожки; положили основаніе небольшому уединенному храмику ¹⁾ подлѣ проулка и прочее, и прочее.

Между сими разными производствами садовыхъ дѣлъ случилось въ третій день нашего пріѣзда нѣчто особенное. Однажды, сидючи подъ группою прекрасныхъ нашихъ березъ, подлѣ основанного храма уединенія, разговорились мы съ сыномъ моимъ о красотѣ предметовъ, окружающихъ сіе мѣсто, и о тѣхъ украшеніяхъ, которыми вознамѣривались мы украсить сей ревиръ ²⁾. Говоря о разныхъ монументахъ, назначаемыхъ въ оное, вдругъ сказалъ мнѣ онъ:

А здѣсь, батюшка, подъ сими великолѣпнымъ и пышными березами и посреди самыхъ оныхъ надобно со-временемъ сдѣлать настоящій монументъ и хорошо бы его посвятить основателю сего сада.

Мысль сія была для меня столь поразительна, что слезы удовольствія наворачнулись на глаза у меня. Я легко могъ разумѣть, что слова сіи значили, и догадаться, что онъ намѣренъ былъ по смерти моей въ семъ мѣстѣ сдѣлать мнѣ памятникъ. Я одобрилъ душевно сію мысль и возжелалъ, чтобъ оный и не совсѣмъ былъ пустой, но чтобъ положено было въ него или подъ нимъ и дѣйствительно что-нибудь оставшееся послѣ существованія моего. И на случай, если сіе со-временемъ исполнится, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего зарытъ дѣйствительно подъ березами сими въ нѣсколькихъ мѣстахъ глубоко-кочки моихъ волосъ и нѣсколько выпавшихъ зубовъ. Такимъ же образомъ бывши въ самый сей день въ нашей церкви, выбралъ и назначилъ я самъ то мѣсто, гдѣ хотѣлось бы мнѣ быть по смерти погребенну.

Во все время тогдашняго нашего пребыванія въ деревнѣ ни въ который день мы такъ не веселились, какъ въ пятый, случившійся тогда 21 іюня. Оный былъ 7.777 день отъ рожденія моего сына. Въ оный послѣ обѣда пили мы чай въ саду на новой своей полукаменной сидѣлкѣ, которую мы самымъ тѣмъ и обновили. Между тѣмъ подъ группою березъ, гдѣ нѣкогда будетъ, можетъ быть, мой монументъ, играли музыканты наши на флейтраверсахъ дуэты, и птички пѣніемъ своимъ аккомпанировали онымъ. Потомъ ходили мы всѣ гулять въ нашъ нижній садъ, при играніи всей нашей духовой музыки, а вечеръ сего дня проведенъ нами очень весело. Смѣхи, игры, пріятные разговоры и истинное душевное удовольствіе господствовало въ сердцахъ всѣхъ, и мы были прямо счастливы.

---

¹⁾ Садовая бесѣдка въ видѣ античнаго храма, во вкусѣ тогдашняго времени. (Ср. «храмъ уединеннаго размышленія» въ усадьбѣ Манилова).

²⁾ Мѣстность.

Занятія поэзіей.

... Сей 1793 годъ начали мы препровождать въ прежнемъ моемъ мѣстѣ, городѣ Богородицкѣ.

Около самаго сего времени возгремѣлъ повсюду у насъ слухъ и поразительное для всей Европы извѣстіе о бѣшенствѣ французскихъ революціонистовъ и казненіи ими своего добраго и невиннаго короля Людвига XVI. Мы не могли безъ содроганія читать обстоятельнаго описанія о семъ страшномъ происшествіи, сообщеннаго свѣту въ гамбургскихъ газетахъ. И какъ многіе другіе хотѣли оное читать, то взялъ я на себя трудъ и перевелъ всѣ статьи, до того относящіяся и изъ коихъ набралась цѣлая книжка, которая и хранится и понынѣ еще въ моей бібліотекѣ. Впрочемъ, какъ симъ злодѣйскимъ поступкомъ французы навлекли на себя отъ всего свѣта омерзѣніе и пронесся вскорѣ послѣ сего слухъ, что будто бы состоялся у насъ указъ о изгнаніи всѣхъ французовъ изъ нашего отечества, то всѣ мы весьма сему порадовались, что избавились наконецъ отъ сихъ развратителей нашего юношества. Но къ чувствительнѣйшему нашему сожалѣнію, узнали потомъ, что изъ всего того ничего не вышло, и господа французы остались у насъ, къ несчастію нашему, попрежнему.

.....

Впрочемъ, во всю первую треть сего мѣсяца не произошло у насъ ничего особливаго. Мы провели оную и такъ и сякъ, разѣзжая по гостямъ и занимаясь своими дѣлами. Случившаяся въ сіе время холодная и ненастная погода воспрещала намъ имѣть удовольствіе и въ вешнихъ прогулкахъ; но наставшее потомъ дружное тепло и происшедшая отъ того во всей натурѣ великая переменна съ лихвою вознаградила намъ сей недостатокъ. Мы начали ежедневно посѣщать свои сады и утѣшаться въ нихъ всѣми вещными прелестями природы. А сіе и подало поводъ къ тому, что во мнѣ вдругъ возродилась или паче возобновилась превеликая охота къ стихотворству и что весь сей мѣсяцъ сдѣлался для меня, такъ сказать, поэтическимъ и посему очень достопамятнымъ. Первое мое стихотвореніе въ сей годъ относилось до росы, издавна утѣшавшей меня своими прелестными огнями, и было слѣдующаго содержанія:

О! Природа! Сколь изящно
Украшаешь траву ты,
И въ какомъ ее убранствѣ
Смертнымъ кажешь по утрамъ

.....

Маленькое сіе стихотвореніе сочинилъ я, гуляя по утру въ безбездномъ своемъ садикѣ и дѣйствительно утѣшаясь красотою огней разныхъ на травѣ лужечка, тутъ случившагося. Впрочемъ, сочинялъ я ее на голосъ старинной пѣсни „Вамъ, прекрасныя долины“, которую находилъ я найудобнѣйшею къ воспѣванію красоть природы.

.....

Разохотившись сочинять стихи и при гуляніи въ послѣдующій день въ саду и любуясь красотою природы и особливо цвѣтущею тогда во весь развалъ черемухою, восхотѣлось мнѣ испытать, не можно ли что нибудь сочинить и въ похвалу сему дереву. Я, смотря

на нее, началъ тананакать, и вотъ какая пѣсенка въ нѣсколько минутъ нечувствительно соплелась объ оной:

Что за снѣгъ я тамо вижу
Среди зелени густой,
Снѣгъ, висящій на деревьяхъ
Въ видѣ множества кистей.
Какъ пріятно украшаетъ
Онъ бѣлизною своей
Тамо многіе деревья,
Здѣсь кустарникъ и лѣсокъ.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, съ одной стороны занимался я чтеніемъ вновь купленной нами Гиртанеровой „Исторіи французской революціи“, которая мнѣ такъ полюбилась, что я вздумалъ ее перевести; съ другой, продолжая мои стихотворенія, началъ сочинять пѣснь къ утру ясного лѣтняго дня, а съ третьей — пользуясь возстановившеюся лѣтнею погодой, не выходилъ почти изъ садовъ своихъ, но всякій день не только ихъ посѣщалъ, но въ жаркое полуденное время и прохлаждалъ члены свои купаніемъ въ струяхъ моего водовода, въ прекрасной моей ваннѣ, сдѣланной въ эхоническомъ зданіи, гдѣ иногда проводилъ жаркое и душное время въ пріятномъ чтаніи книгъ и пользовался найпріятнѣйшими минутами жизни, въ особеннѣйшей же 14 числа іюля, который день былъ для меня въ особеннѣйшей степени въ семъ отношеніи пріятенъ . . .

III. Фонвизинъ (1744—1792). Изъ литературныхъ дѣятелей, выдвинувшихся въ началѣ царствованія Екатерины II, Фонвизинъ по образованію и по уму занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Его автобіографія¹⁾, письма и статьи о языкѣ даютъ понятіе о его умственныхъ интересахъ и о характерѣ его образованности. Автобіографія Фонвизина написана подъ вліяніемъ автобіографіи Жанъ-Жака Руссо („Les Confessions“), перваго въ Новое время опыта прослѣдить свое умственное и нравственное развитіе, изобразить всесторонне свой душевный складъ, — опыта, произведшаго сильнѣйшее впечатлѣніе на современниковъ и послужившаго образцомъ для послѣдующихъ автобіографовъ.

Изъ автобіографіи Фонвизина.

Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ.

Беззаконія моя азъ познахъ и грѣха моего не покрыхъ.

Изъ вступленія.

Славный французскій писатель Жанъ-Жакъ Руссо издалъ въ свѣтъ Признанія, въ коихъ открываетъ онъ всѣ дѣла и помышленія свои отъ самаго младенчества; словомъ, написалъ свою исповѣдь и думаетъ, что сей книги его какъ не было примѣра, такъ не будетъ и подражателей.

¹⁾ Она охватываетъ только годы молодости.

Я хочу, говоритъ Руссо, показать человѣка во всея истинѣ природы, изобразивъ одного себя. Вотъ какой подвигъ имѣлъ Руссо въ своихъ признаніяхъ.

Но я, приближаясь къ пятидесяти лѣтамъ жизни моеѣ, прешедъ слѣдственно половину жизненнаго поприща и одержимъ будучи трудною болѣзнію, нахожу, что едва ли остается мнѣ время на покаяніе, и для того да не будетъ въ признаніяхъ моихъ никакого другого подвига, кромѣ раскаянія христіанскаго: чистосердечно открою тайны сердца моего и беззаконія моя азъ возвѣщу. Нѣтъ намѣренія моего ни оправдывать себя, ниже лукавыми словами прикрывать развращеніе свое: Господи! да не уклони сердца моего въ словеса лукавствія и сохрани во мнѣ любовь къ истинѣ, юже вселилъ еси въ душу мою.

Изъ главы первой.

Родители мои были люди набожные; но какъ въ младенствѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждой церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ всенощное служеніе, равно какъ на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста дома же моленіе отправлялось. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе; ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что весьма примѣчалъ мое чтеніе, и бывало, когда я стану читать бѣгло: „перестань молоть“, кричалъ онъ мнѣ, „или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье“. Сего недовольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая, я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя: словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ, не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ.¹⁾

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учителя и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколь тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. „Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны“, говорилъ онъ, „но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значать пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; итакъ, — продолжалъ онъ, ударя по столу рукою, — извольте слушать всѣ, что говоритъ стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: второго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете“.

¹⁾ Собственно въ университетскую гимназію, въ 1755 г.

Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О, вы родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою призы, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? Въ Черное море, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другого моего товарища; въ Бѣлое, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ; не знаю, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностію вспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучаясь по-латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенствѣ, и я, упражняясь въ переводахъ на Россійскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста . . .

Изъ главы второй.

Теперь настало время сказать нѣчто о моемъ характерѣ и познакомить читателя съ умомъ моимъ и сердцемъ. Я наслѣдовалъ отъ отца моего какъ вспыльчивость, такъ и непамятозлобіе; отъ матери моей головную боль, которою она во всю жизнь страдала и которая, промучивъ меня все время моего младенчества, юношества и большую часть совершенныхъ лѣтъ, лишила меня многихъ способовъ къ счастію. Напримѣръ: въ юношествѣ головная боль мѣшала мнѣ часто показать мою исправность въ отправленіи службы, чрезъ что я заслужилъ отъ одного начальника имя лѣнивца. Но со всѣмъ тѣмъ признаюсь, что головная боль послужила мнѣ и къ доброму, а именно не допустила меня сдѣлаться пьяницей, къ чему имѣлъ я великій случай и склонность. Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатиры.] Острыя слова мой носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ себѣ, и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей. Молодые люди! не думайте, чтобы острыя слова ваши составили вашу истинную славу; остановите дерзость ума вашего и знайте, что похвала, вамъ приписываемая, есть для васъ сущая отравка; а особливо, если чувствуете склонность къ сатиры, укрощайте ее всѣми силами вашими: ибо и вы безъ сомнѣнія подвержены будете одинаковой судьбѣ со мною. Меня стали скоро бояться, потомъ ненавидѣть; и я вмѣсто того, чтобы привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами, и перомъ. Сочиненія мои были острыя ругательства: много было въ нихъ сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли.

Сердце мое, не похваляясь, скажу, предоброе. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать кому-нибудь несправедливость, и для того ни передъ кѣмъ такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отмстить мнѣ были не въ состоянїи. Я, можетъ быть, истребилъ бы и склонность мою къ сатирѣ, еслибъ одинъ изъ соучениковъ моихъ, упражнявшійся въ стихахъ, мнѣ не воспрепятствовалъ. Я прослылъ великимъ критикомъ и мой соученикъ весьма боялся, чтобы я не сталъ смѣяться стихамъ его; а дабы вѣрнѣе имѣть меня на своей сторонѣ, то сталъ онъ хвалить мои стихи; каждая строка его восхищала. Но какъ тогда разсудокъ во мнѣ не дѣйствовалъ, то я со всею моею острою не могъ проникнуть, для чего онъ такъ меня хвалилъ, и думалъ, что я похвалу его заслуживалъ. Такъ-то вертять головы молодымъ писателямъ!

. . . . .

Письма.

Къ гр. П. И. Панину.

Ахенъ, отъ 18/29 сентября 1778 г.

Изъ Парижа имѣлъ я честь писать къ вашему сіятельству три письма. Не знаю, дошли ль вѣрно два послѣднїя? А какъ вы обыкновенно удостоиваете увѣдомленїемъ о полученїи моихъ писемъ, то долговременное Ваше молчанїе весьма меня смущаетъ. Ласкаюсь однако, что не отмѣна ко мнѣ вашихъ милостей производитъ оное, и что въ особѣ вашей буду имѣть навсегда моего благодѣтеля, который имѣетъ всѣ на свѣтѣ права на вѣчную мою благодарность и усердіе.

Я оставилъ Францію. Пребыванїе мое въ семъ государствѣ убавило сильно цѣну его въ моемъ мнѣнїи. Я нашелъ доброе гораздо въ меньшей мѣрѣ, нежели воображалъ; а худое въ такой большой степени, которой и вообразить не могъ. Я разсматривалъ съ всевозможнымъ вниманїемъ все то, что могло способствовать мнѣ къ прїобрѣтенїю точнѣйшаго понятїя о характерѣ французовъ и о настоящемъ ихъ положенїи относительно разныхъ частей правительства. Позвольте, милостивый государь, примѣчанїя мои на оное представить вашему сіятельству и добавьте своимъ пронїцанїемъ то, въ чемъ мои разсужденїя недостаточны будутъ.

Достойные люди, какой бы націи ни были, составляютъ между собою одну націю. Выключа ихъ изъ французской, примѣчалъ я вообще ея свойство. Надлежитъ отдать справедливость, что при неизъяснимомъ развращенїи нравовъ есть во французахъ доброта сердечная. Весьма рѣдкій изъ нихъ злопамятенъ — добродѣтель конечно не прочная, и полагаться на нее нельзя; по крайней мѣрѣ и пороки въ нихъ не глубоко вкоренены. Непостоянство и вѣтренность не допускаютъ ни пороку, ни добродѣтели въ сердца ихъ поселиться.

. . . . .

Разсудка французъ не имѣетъ и имѣть его почелъ бы несчастїемъ своей жизни; ибо онъ заставилъ бы его размышлять, когда онъ можетъ веселиться. Забава есть одинъ предметъ его желанїй. А какъ на забавы потребны деньги, то для прїобрѣтенїя ихъ употре-

бляетъ всю остроту, которою его природа одарила. Острота, непроявляемая разсудкомъ, не можетъ быть способна ни на что, кромѣ мелочей, въ которыхъ и дѣйствительно французы берутъ верхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ. Обманъ почитается у нихъ правомъ разума. По всеобщему ихъ образу мыслей обмануть не стыдно; но не обмануть — глупо. Смѣло скажу, что французъ никогда самъ себѣ не проститъ случай обмануть, хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его — деньги. Изъ денегъ нѣтъ труда, котораго бы не поднялъ, и нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ. Къ большимъ злодѣяніямъ неспособенъ. Самые убійцы становятся таковыми тогда только, когда умираютъ съ голоду; какъ же скоро французъ имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а довольствуется обманывать. Корыстолюбіе несказанно заразило всѣхъ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостью. Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе. Я докажу опытомъ справедливость моего примѣчанія. Пріѣхалъ въ Парижъ братъ г. Зорича ¹⁾, полковникъ Неранчичъ, челоуѣкъ, впрочемъ, честный, но совсѣмъ незнакомый съ науками. Служилъ онъ весь вѣкъ въ гусарскихъ полкахъ, никогда не бралъ книгъ въ руки и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ. Лишь только провѣдали д'Аламбертъ, Мармонтель ²⁾ и прочіе, что онъ братъ г. Зорича, то не почли уже за нужное освѣдомляться о прочихъ его достоинствахъ, а явились у него въ передней засвидѣтельствовать свое нижайшее почтеніе. Мое къ нимъ душевное почтеніе совсѣмъ истребилось послѣ такого подлаго поступка. Расчетъ ихъ ясно виденъ: они сею низостью ласкались чрезъ Неранчича достать подарки отъ нашего двора. Рука, отъ которой бы они ихъ получили, удовольствована бѣ ихъ тщеславіе, а подарки корыстолюбіе.

. . . . .

Къ сестрѣ.

Парижъ, апрѣля 1778 г.

Я видѣлъ уже три раза Вольтера. Изъ всѣхъ ученыхъ удивилъ меня д'Аламбертъ. Я воображалъ лицо важное, почтенное; а нашель премерзкую фигуру и преподленькую фізіономію. Сегодня открылось въ Парижѣ собраніе, называемое: *Le rendez-vous de la République des lettres et des arts* ³⁾. Господа ученые почтили меня приглашеніемъ, и я послѣ обѣда туда ѣду. Они хотятъ имѣть меня своимъ корреспондентомъ. Богъ вѣдаетъ, кто-то имъ сказалъ, будто я русскій *un homme de lettres* ²⁾. Самъ директоръ сего собранія у меня былъ и ком-

¹⁾ Фаворита Екатерины II.

²⁾ d'Alembert — знаменитый математикъ. Marmontel — сочинитель нравоучительныхъ романовъ.

³⁾ Т. е. собраніе братьевъ по литературной и художественной дѣятельности. Писатели, художники и ученые всего свѣта считались какъ бы согражданами одного „государства“ посвященныхъ людей.

плиментамъ конца не было. Вчера было собраніе въ Академіи Наукъ. Вольтеръ присутствовалъ; я сидѣлъ отъ него очень близко и не спускалъ глазъ съ его мощей. Обѣщаютъ мнѣ здѣшніе ученые показать Руссо, и какъ скоро его увижу, то могу сказать, что видѣлъ всѣхъ мудрыхъ вѣка сего. Если вы воображали, что мы плѣнимся чужими краями, то какъ обманулись! Со всѣмъ тѣмъ, я очень радъ, что видѣлъ чужіе края. По крайней мѣрѣ не могутъ мнѣ импозировать наши *Jean de France* ¹⁾. Много приобрѣлъ я пользы отъ путешествія. Кромѣ поправленія здоровья, научился я быть снисходительнѣе къ тѣмъ недостаткамъ, которые оскорбляли меня въ моемъ отечествѣ. Я увидѣлъ, что во всякой землѣ художого гораздо больше, нежели добраго; что люди вездѣ люди; что умные люди вездѣ рѣдки; что дураковъ вездѣ изобильно, и словомъ, что наша нація не хуже ни которой, и что мы дома можемъ наслаждаться истиннымъ счастьемъ, за которымъ нѣтъ нужды шататься въ чужихъ краяхъ.

Къ ней-же.

Парижъ, августа 1778 г.

Мы теперь живемъ въ загородномъ домѣ, называемомъ *Belair*. Мѣсто прекрасное, окруженное садомъ, прозваннымъ *Les Champs Elysées* и Булонскою рощею. Парижскія окрестности похожи на московскія. Ситуація такія, что вездѣ видишь картину. Сію справедливость я отдаю охотно, равно какъ и ту, что самъ Парижъ немножко почище свиного хлѣва. Я вамъ наскучилъ уже описаніемъ нечистоты града сего; но истинно, я такъ сердитъ на его жителей, что теперь радъ ихъ за то бранить отъ всего сердца. Съ крыльца сойды, надобно тотъ часъ носъ зажать. Мудрено ли, что здѣсь дѣлаютъ столько благоуханныхъ водъ: да безъ нихъ бы, я думаю, всѣ задохлись. Правду ты пишешь, что насъ въ Россіи обманываютъ безъ милосердія Кары, Машковы и прочіе, говоря о здѣшной землѣ, какъ о земномъ раѣ. Спору нѣтъ, много есть очень хорошаго; но повѣрь же мнѣ, истинно хорошаго сіи: господа конечно и не примѣчали; оно ушло отъ ихъ вниманія. Можно вообще сказать, что хорошее здѣсь найдешь, поискавши, а худое само въ глаза валить. Живучи здѣсь близъ полугода, кажется, довольно познакомился я съ Парижемъ, и узналъ его столько, что въ другой разъ охотою, конечно, въ него не поѣду.

Я люблю спектакли; они меня очень забавляютъ; имѣю также знакомство съ авторами — вотъ что примиряетъ меня нѣсколько съ Парижемъ. Мармонтель, Томасъ и еще нѣкоторые ходятъ ко мнѣ въ домъ; люди умные, но большая часть вдали. Исключая Томаса, который кажется мнѣ крсткимъ и честнымъ человѣкомъ, почти всѣ прочіе таковы, что гораздо пріятнѣе читать ихъ сочиненія, нежели слышать ихъ разговоры. Самолюбіе въ нихъ такое, что не только думаютъ о себѣ, какъ о людяхъ, достойныхъ алтарей, но и безстыдно сами о себѣ говорятъ, что они умомъ и твореніями своими приобрѣли безсмертную славу. Помнишь, какого мнѣнія былъ о себѣ нашъ Сумароковъ и что онъ о своихъ достоинствахъ говаривалъ? Здѣсь всѣ

¹⁾ Такъ онъ насмѣшливо называетъ русскихъ, побывавшихъ во Франціи и кичащихся тѣмъ, что они похожи на французовъ.

Сумароковы; разница только та, что здѣшніе смѣшнѣе, потому что видѣ на нихъ гораздо важнѣе. Я съ моей стороны персонально ихъ учтивостью доволенъ. Они услышавъ отъ Строганова, Барятинскаго и прочихъ, что я люблю литературу и въ ней упражняюсь, очень меня приласкали, даже до того, что въ заведенное нынѣшнимъ годомъ собраніе, подъ именемъ *le rendez-vous des gens de lettres*, прислали ко мнѣ квитанцію, такъ же какъ и къ славному Франклину, который здѣсь живетъ министромъ отъ американскихъ соединенныхъ провинцій. Онъ славный англійскій физикъ. Магелланъ и я были приняты отмѣнно хорошо, даже до того, что на другой день напечатали въ газетахъ о нашемъ визитѣ. Вы увидите въ газетѣ мое имя *estrogrié* ¹⁾, по обычаю, и посмотрите, сколько въ Парижѣ всеневныхъ забавъ. Я имѣлъ удачу понравиться въ собраніи разсказываніемъ о свойствѣ нашего языка, такъ что директоръ сего собранія, *La Blanche-gie*, одинъ изъ мудрыхъ вѣка сего, прислалъ ко мнѣ звать и въ будущее собраніе. Я посылаю его письмо, чтобы ты видѣла, въ какомъ почтительномъ тонѣ ученый народъ со мною обращается. Кромѣ охоты моей къ литературѣ, имѣю я въ ихъ глазахъ другой меритъ ²⁾, а именно, покупаю книги, ѣзжу въ каретѣ и живу домомъ, то-есть можно прійти ко мнѣ обѣдать. Сіе достоинство весьма принадлежитъ къ литературѣ; ибо ученые люди любятъ, чтобъ ихъ почитали и кормили. Теперь приступаю къ исторіи, которая тебя столько же огорчитъ, какъ и мѣня; ибо я знаю, какъ ты любишь Руссо. Послушай, что съ нимъ сдѣлалось.

Я писалъ къ тебѣ, что Руссо обѣщаль мнѣ показать себя и уже назначенъ былъ день для нашего свиданія; но наканунѣ дня того пришелъ ко мнѣ одинъ *abbé*, чрезъ котораго я добивался познакомиться съ Руссо, и сказалъ мнѣ новыя вѣсти, что онъ былъ въ домѣ у Руссо и засталъ его жену въ слезахъ и отчаяніи, которая спрашивала его: не видалъ ли онъ, гдѣ мужъ ея? Онъ уже двѣ ночи дома не ночевалъ и она боится, не посаженъ ли онъ въ тюрьму отъ правительства. Дня три прошли въ семъ безъизвѣстїи; наконецъ узнали, что онъ поѣхалъ къ одному своему пріятелю, человеку знатному, въ деревню отъ Парижа верстъ съ пятьдесятъ. Причина его удаленія вотъ какая: онъ сочинилъ *Mémoires* своей собственной жизни, въ которыхъ весьма свободно описывалъ интриги здѣшнихъ вельможъ поименно. Сію книгу сочинялъ онъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ смерти жена его ее напечатала и имѣла бы отъ нея вѣрный и нарочитый доходъ. Онъ для нея сію книгу пишетъ и оставляетъ ей въ наслѣдство. Жена его такая алчная къ деньгамъ, какой свѣтъ не производилъ. Ей показалось долго дожидаться мужней смерти. Она, уговорясь съ однимъ книгопродавцемъ, продала ему манускриптъ, позволяя его списывать тихонько, когда Руссо спалъ. Онъ не зналъ, не вѣдалъ этой напасти, какъ вдругъ получилъ письмо изъ Голландїи отъ одного книгопродавца, который пишетъ къ нему, что имѣетъ въ рукахъ своихъ его манускриптъ, купленный за сто луидоровъ, и спрашиваетъ его отъ добраго сердца: на какой бумагѣ и какими литерами совѣтуетъ онъ сдѣлать изданіе? Руссо жестоко испугался, увидя женино бездѣльство, и писалъ къ книгопродавцу, чтобъ онъ, Бога ради, до смерти его не печаталъ книги; а самъ, бросивъ неблагодарную жену, поѣ-

1) Искаженнымъ.

2) *mérite* — заслуга.

халь въ деревню къ своему пріятелю. Теперь уже видно, что книго-продавецъ его не послушалъ: ибо книга напечатана и появившіеся здѣсь экземпляры конфискованы; а бѣдный Руссо, видно, отъ страха и негодованія, прекратилъ жизнь свою. Сегодня получено извѣстіе, что онъ умеръ и найдена на тѣлѣ его ранка въ самомъ сердцѣ. Сказываютъ, что онъ булавкою проткнулъ сердце, а иные говорятъ ножичкомъ. Какъ бы то ни было, но онъ самъ себя лишилъ жизни; по крайней мѣрѣ сей слухъ разнесся теперь по всему городу¹⁾. Пріятель мой Гудонъ, славный скульпторъ поѣхалъ теперь къ нему снимать маску: ибо лицо, какъ слышно, точно еще такое, какъ было у живого. И такъ, судьба не велѣла мнѣ видѣть славнаго Руссо. Твоя однакожъ правда, что чуть-ли онъ не всѣхъ почтеннѣе и честнѣе изъ господъ философовъ нынѣшняго вѣка, По крайней мѣрѣ безкорыстіе его было строжайшее. Я такъ золь на жену его, что еслибъ былъ судья, то бы велѣлъ ее повѣсить.

Не описываю тебѣ всего, что здѣсь вниманія достойно. Я писалъ къ батюшкѣ превеликое письмо и усталъ такъ, что право едва сію страницу могу окончить. Ты получишь отъ меня конечно большое письмо. Живучи за городомъ, имѣю больше времени и способности къ описанію...

Изъ Опыта Россійскаго Сословника (словарь синонимовъ) Фонвизина.

Чувство, чувствованіе, чувственность, чувствительность, оцущеніе.

Чувства суть способности, коими животное пріемлетъ впечатлѣнія внѣшнихъ вещей; чувствованіями называются душевныя движенія и страсти; чувственность есть прилѣпленіе къ удовольствіямъ чувствъ своихъ; чувствительность есть качество, коимъ тѣло или душа стремительно проникаются; оцущеніе есть то самое впечатлѣніе, которое душа отъ внѣшнихъ вещей пріемлетъ.

Счастливъ, кто въ старости сохраняетъ всѣ свои чувства. Благороденъ, кто имѣетъ великодушныя чувствованія. Благоразумный всего своего удовольствія въ одной чувственности не полагаетъ; честный человѣкъ принимаетъ съ особливою чувствительностію все, что честь его трогаетъ; дурная музыка и всякое дурное дѣйствіе производятъ на насъ непріятное оцущеніе.

Основать, учредить, установить, устроить.

Основать значитъ положить чему-нибудь прочное начало; учредить значитъ привести вещи въ такой порядокъ, чтобъ каждая была на своей чредѣ; установить есть не что иное, какъ опредѣлить уставы и правила, по коимъ въ дѣлѣ слѣдовать; устроить разумѣется распорядить вещи такъ стройно, чтобъ развращеніе ихъ не коснулось.

Въ Россіи Екатерина II основала общество благородныхъ дѣвицъ, учредила нѣмѣстничество, установила совѣстный судъ и устроила благочиніе.

¹⁾ Это былъ только слухъ.

Низкій, подлый.

Человѣкъ бываетъ низокъ состояніемъ, а подлъ душою. Въ низкомъ состояніи можно имѣть благороднѣйшую душу, равно какъ и весьма большой баринъ можетъ быть весьма подлый человѣкъ. Слово низкость принадлежитъ къ состоянію, а подлость къ поведенію; ибо нѣтъ состоянія подлаго, кромѣ бездѣльниковъ. Въ низкое состояніе приходитъ человѣкъ иногда поневолѣ, а подлымъ всегда становится добровольно. Презрѣніе знатнаго подлеца къ людямъ низкаго состоянія есть зрѣлище, унижающее человѣчество.

Помогать, пособлять, вспомошествовать, давать помощь.

Въ нуждѣ помогаютъ; въ трудѣ пособляютъ; въ недостаткѣ вспомошествоуютъ; для обороны даютъ помощь.

Состраданіе велитъ помогать бѣднымъ; великодушіе влечетъ пособлять безсильнымъ; щедрый человѣкъ своимъ излишкомъ вспомошествоуетъ другимъ въ недостаткахъ. Человѣчество заставляетъ подавать помощь беззащитнымъ.

Суевѣръ, ханжа, пустосвятъ, святоша, лицемѣръ.

Суевѣръ есть тотъ, котораго вѣра противна разсудку и здравымъ понятіямъ о вышнемъ существѣ. Ханжа считаетъ въ душѣ своей угодить Богу наблюденіемъ всѣхъ мелочей, изобрѣтенныхъ суевѣріемъ. Пустосвятъ полагаетъ святость въ одной пустотѣ, то есть, въ дѣйствіяхъ, не составляющихъ никакого истиннаго Богу угожденія. Святоша выдаетъ себя всенародно за человѣка, прилѣпленнаго къ единой святости. Притворно-набожный называется лицемѣръ.

Ханжа таскается вседневно по церквамъ, поетъ молебны не святымъ, но образамъ; ибо къ одному образу святого имѣетъ всю теплую вѣру, а къ другому того же святого никакой. Пустосвятъ почти никогда къ обѣднѣ не поспѣваетъ. Онъ бѣжитъ въ церковь отнюдь не за тѣмъ, чтобъ съ умиленіемъ сердечнымъ Богу помолиться, но чтобъ перецѣловать всѣ иконы, которыя губами достать можетъ. Святоша бродитъ босикомъ, въ волосяной рубашкѣ, иногда и въ веригахъ. Суевѣръ есть несчастнѣйшее созданіе. Онъ всеминутно боится Бога, не какъ судію праведнаго, но какъ судію грознаго. Все кажется ему предвѣщаніемъ Божескаго гнѣва, Онъ трепещетъ днемъ отъ примѣтъ, ночью отъ сновидѣній. Онъ считаетъ себя всегда передъ Богомъ безъ вины виноватымъ. Подкрѣпляютъ и распространяютъ суевѣріе есть ремесло лицемѣровъ.

Въ, во, на.

Нѣкоторые писатели почитаютъ правиломъ въ писать предъ словомъ начинающимся съ гласной буквы, напр. въ опасности, въ естествѣ, въ Очаковѣ; а во предъ словомъ, начинающимся въ согласной, напр. во Франціи, во славѣ, во гнѣвѣ; но мнѣ кажется, что обычай и слухъ дѣлаютъ такое множество исключеній изъ сего правила, что онаго и правиломъ назвать нельзя.

Смѣшно было бы говорить и писать: во Москвѣ, во порокѣ, во глини. Напротивъ того, въ самыхъ важныхъ сочиненіяхъ читаемъ: во услышаніе, во Апостолахъ, во Израилѣ, и проч.

Обычай иногда позволяетъ на употреблять вмѣсто въ и во, напр. вмѣсто: живу въ Москвѣ, въ Кубани, въ Луговой, идемъ въ рынокъ, въ поле, — говорится: живу на Москвѣ, на Кубани, на Луговой, идемъ на рынокъ, на поле, и проч.

Примѣчаніе на критику,

напечатанную на 113 и 114 страницахъ II-й части Собесѣдника, касающуюся до опыта Россійскаго Сословника.

„Учредить, установить, устроить въ одинаковомъ принимаются смыслѣ; напр. можно сказать: учредить, установить, устроить порядокъ“.

Не спорю, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сіи глаголы можно употреблять безъ разбору: но гораздо больше случаевъ, а особливо въ важныхъ и разсужденіемъ наполненныхъ сочиненіяхъ, гдѣ сіи глаголы одинъ вмѣсто другого употреблены быть не могутъ. Господину критику думается, что буде надобно цвѣтъ зеленый, то всякій зеленый цвѣтъ хорошъ. Нѣтъ; часто бываетъ весьма нужно подобрать тѣни онаго, чтобы удовольствовать глаза пріятнымъ видомъ; но разумъ, душевное наше око, можетъ ли быть доволенъ, когда мысль изображена словами, не выражающими всю ея тонкость?

„Синонимы изобрѣтены на тотъ конецъ, чтобъ попеременно употреблять въ пространныхъ сочиненіяхъ одно и то же значащія слова, а не для превращенія оныхъ въ другой смыслъ“.

Сіе разсужденіе господина критика жалко слышать. Уже давно рѣшено философами, что однихъ и то же значащихъ словъ нѣтъ на свѣтѣ; какъ же быть имъ изобрѣтенными на тотъ конецъ, чтобъ въ пространныхъ сочиненіяхъ употреблять ихъ попеременно? Если станемъ разсматривать, въ чемъ состоитъ сходство синонимовъ, то найдемъ, что одно слово не объемлетъ никогда всего пространства и всей силы знаменованія другого слова, и что все сходство между ними состоитъ только въ главной идеѣ. Неужели многословіе составляетъ изобиліе языка? И какое было бы его дурацкое богатство, если бъ десять или больше словъ изображали въ немъ одну только идею? Тутъ память бы лишь тщетно обременялась. Тутъ одинъ бы слухъ чувствовалъ разность въ звукѣ словъ, но разумъ не вкушалъ бы никакого удовольствія, не ощущая ни силы, ни точности, ни пространства, ни тонкости, каковыя могутъ имѣть человѣческія мысли. Судя по такой критикѣ, я думаю, что если бъ г. критикъ былъ поварь, то бъ конечно въ большой объѣдъ поставилъ онъ съ однимъ кушаніемъ блюдъ тридцать.

IV. Публицистика

Самыя замѣчательныя произведенія публицистической литературы екатерининскаго времени это: 1) **Наказъ Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія (1767)**, принадлежащій самой Императрицѣ. Строго говоря, это — инструкція депутатамъ, созданнымъ.

Екатериною. Но Императрица преслѣдовала при этомъ и другую цѣль: повліять на общественное мнѣніе и стяжать его сочувствіе своей дѣятельности. Писала Екатерина и сатирическія статьи для журналовъ, выходившихъ при Дворѣ. 2) Статьи **Н. И. Новикова**, выходившія въ формѣ журналовъ. 3) „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, **А. И. Радищева** (1790). 4) Ненапечатанныя въ свое время произведенія **Кн. Мих. Мих. Щербатова**. Изъ нихъ самое интересное — „**О поврежденіи нравовъ въ Россіи**“.

Наказъ Екатерины.

Изъ главы V. О состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ.

Великое благополучіе для человѣка быти въ такихъ обстоятельствахъ, что когда страсти его вперяютъ въ него мысли быти злымъ, онъ однако считаетъ себѣ за полезнѣе не быти злымъ.

Надлежитъ, чтобы законы, поелику возможно, предохраняли безопасность каждаго особо гражданина.

Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученные имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства.

Общественная или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобы дѣлать все, что кому угодно.

Въ государствѣ, то есть въ собраніи людей обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть и чтобъ не быть принужденну дѣлать то, чего хотѣть не должно.

Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представить: что есть вольность. Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже вольности не было, ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть.

Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственно наслаждается безопасностію; и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такому, чтобъ единъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялись бы всѣ однихъ законовъ.

Изъ главы X. О обрядѣ криминальнаго суда.

Вопросъ V. Какая мѣра великости преступленій.

Намѣреніе установленныхъ наказаній не то, чтобъ мучити тварь чувствами одаренную; они на тотъ конецъ предписаны, чтобъ воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впредь не могъ вредить обществу, и чтобъ отвратить согрѣжданъ отъ содѣланія подобныхъ преступленій. Для сего между наказаніями надлежитъ употреблять такія, которыя, будучи уравнены со преступленіями, впечатлѣли бы въ сердцахъ людскихъ начертаніе самое живое и долго пребывающее, и въ то же самое время были бы меньше люты надъ преступниковъ тѣломъ.

Кто не объемлется ужасомъ видя въ исторіи столько варварскихъ и бесполезныхъ мученій, выисканныхъ и въ дѣйство произведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ? Кто не чувствуетъ внутри содроганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячъ безчастныхъ людей, которые оныя претерпѣвали и претерпѣвають, многожды обвиненные во преступленіяхъ, сбыться трудныхъ и немогущихъ, часто соплетенныхъ отъ незнанія, а иногда отъ суевѣрія? Кто можетъ, говорю я, смотрѣть на растерзаніе сихъ людей, съ великими приуготовленіями отправляемое людьми же, ихъ собратією? Страны и времена, въ которыхъ казни были самая лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣвались беззаконія самая безчеловѣчныя.

Изъ журнала Новикова „Живописецъ“.

Письмо Щеголихи ¹⁾.

Моп соеиг, Живописецъ!

Ты, радость, безпримѣрный авторъ. По чести говорю ужестъ какъ ты славенъ; читая твои листы, я неподобно утѣшаюсь, какъ все у тебя славно: слогъ разстеганъ, мысли прыгающыи. По чести скажу, что твои листы вѣчно меня прельщаютъ; клянусь, что я всегда фельетирую ихъ безъ всякой дистракціи. Да и не лъзя не такъ: ты не грустенъ, шутишь славно, и твое перо побумагѣ бѣгаетъ неподобно. Ужестъ, ужестъ какъ прекрасны твои листы. Но сказать, в округъ насъ, ты много долженъ мнѣ: уморить ли, радость? Вить мнѣніе-то Щеголихино ты у меня подтяпаль: ха, ха. Клянусь: спроси у всѣхъ моихъ знакомыхъ — они тебѣ скажутъ, что я всегда гозаривала; но это ничего не значить. Признаюсь, что я и сама много заняла изъ твоихъ листовъ. Пуще всего ты ластишь меня тѣмъ, что никакъ со мною не споришь, а особливо когда говорилъ о наукахъ; ты это такъ славно прокричалъ! — Чортъ меня возьми! какъ книга. А притомъ ты всегда стараешься оказывать намъ учтивости, не такъ какъ нѣкоторый грубянь, сочиня комедію, одну изъ подругъ моихъ вытасилъ на театр ²⁾. Куда какъ много онъ выигралъ. Я чаю, онъ надѣялся, что всѣ расхохочутся до смерти: но, право, никто изъ нашихъ сестеръ и учтивыхъ| мужчинъ и не улыбнулся. Онь хогѣлъ насъ одурочить, да не удалось. Ужестъ какъ славно онъ забавлялся надъ бѣднымъ мальчикомъ Фирлифюшковымъ: совсѣмъ тѣмъ подобныя ему люди останутся у насъ въ почтеніи; его Дремовъ никогда не выдетъ изъ дураковъ. Еслибъ узнала я этого автора, то оттѣнила бы сама его неподобно; Я никакъ на него не сердита: онъ меня никакъ не тронулъ; однакожъ я и сама не знаю, за что я его никакъ не могу терпѣть. Въ первой его комедіи я и сама до смерти захохоталась: ужестъ какъ славно шпетилъ онъ нашихъ бабушекъ; и эта комедія та-

¹⁾ Въ этомъ „письмѣ“ авторъ высмѣиваетъ языкъ тогдашнихъ щеголей и щеголихъ.

²⁾ Намекъ на комедію Екатерины: Именины госпожи Ворчалкиной.

кую сдѣлала дистракцію и такую грусть, что я поклялась никакъ на Именины ¹⁾ не ѣздить. Правда, ты и самъ зацѣпилъся, но это шуткою: а за шутки мы никакъ не сердимся: напротивъ того, ты бранишь однихъ только деревенскихъ дураковъ, да и безпримѣрно: ужестъ какъ славно ты ихъ развернулъ, въ 5 листѣ твоего Живописца! Ты уморилъ меня: точь въ точь высказалъ ты дражайшаго моего папахина. Какой это несносный человѣкъ! Ужестъ, радость, какъ онъ неловокъ выдѣланъ: какой грубиянъ! Онъ и со мною хотѣлъ поступать также, какъ съ мужиками; но я ему показала, что я не такое животное, какъ его крестьяне. То-то были люди! съ матушкою моею онъ обходился по старинѣ. Ласкательства его къ ней были — брань, пошечины и палка; но она и подлинно была того достойна: съ такимъ звѣремъ жила сорокъ лѣтъ и не умѣла ретироваться въ свѣтъ. Бывало онъ сдѣлаетъ ей грубость палкою, а она опять въ глаза ему лѣзетъ: безпримѣрные люди; такихъ горячихъ супруговъ и въ романахъ не скоро набѣжишь. Ужестъ какъ славны! Суди, душа моя, по этому, въ какой была я школь: было чему научиться. По счастью скоро выдали меня замужъ: я пріѣхала въ Петербургъ, подвинулась въ свѣтъ, разняла глаза и выкинула весь тотъ изъ головы вздоръ, который посадили мнѣ мои родители: поправила опрокинутое мое понятие, научилась говорить, познакомилась съ щеголями и щеголихами, и сдѣлалась человѣкомъ.

Р. S. Услуги, радость, мнѣ: собери всѣ наши модныя слова и напечатай ихъ особливою книжкою, подъ именемъ Моднаго Женскаго Словаря. Ты многихъ одолжишь, и мы твой журналъ за это будемъ презносить. Только не умори, радость, напечатай его маленькой книжкою и дай ему видъ; а еще бы лучше, если бы ты напечаталъ его вмѣсто чернилъ какою краскою. Мы бы тебя до смерти захвалили.

Сыну моему Фалалею.

Такъ-то ты считаешь отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? тому ли я тебя, проклятаго, училъ и того ли отъ тебя надѣялся, чтобы ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ окаянному въ наставленіе, а ты это письмо отдай напечатать. Погубилъ ты, супостатъ мою головушку: пришло съ ума сойти! Слыханное ли это дѣло, чтобы дѣти надѣ отцами своими такъ ругались? Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ? меня Богъ и Государь тѣмъ пожаловали; я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно что ты это позабылъ. Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего до смерти убьетъ, такъ и за это положено только церковное покаяніе, Эй, сынокъ, спохватись, не сыграй надъ собою шутки: вѣдь недалеко великій постъ, попоститься мнѣ не мудрено; Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать. Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю по просьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужъ бы я далъ тебѣ знать себя. Я бы и ея не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, втрѣдь берегись: вѣдь ежели ты окажешь еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужъ не жди ни-

¹⁾ „Первая комедія“ Екатерины— „О время!“.

какой пощады; я не Сидоровнѣ чета: у меня не одинъ мѣсяць про-
охаешь, лишь бы мнѣ до тебя дорваться. Слушай же, сынокъ, коли
ты хочешь опять прійти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отстав-
ку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить:
пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было,
это бы свое дѣло; а то вѣдь ты знаешь, что нынче время военное:
неравно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешь ни за копѣйку.
Есть пословица: Богу молись, да самъ не плошись; уберись-ка въ сто-
ронку, такъ это здоровѣе будетъ. Поди въ отставку, да пріѣзжай до-
мой: ѣшь до сыта, спи сколько хочешь, а дѣла за тобой никакого не
будетъ. Чего тебѣ лучше этого? За честию, свѣтъ, не угоняешься;
честь! честь! худая честь, коли нечего будетъ ѣсть. Пусть у тебя не
будетъ Егорья, да будешь за то поздоровѣе всѣхъ Егорьевскихъ
кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частехонько поохиваютъ,
а которые постарѣе, какъ тѣ чуть дышатъ: у кого руки перестрѣ-
ляны, у кого ноги, у иного голова, такъ радостно ли отцамъ смотрѣть
на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ
уже и пріскалъ было невѣсту. Дѣвушка небогая, грамотѣ и писать
умѣетъ, а пуще всего великая экономка: у нея ни синій порошокъ да-
ромъ не пропадетъ; такую-та, сынокъ, я тебѣ невѣсту сыскалъ. Дай
только Богъ вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ
отставку. Пріѣзжай, другъ мой, тебѣ будетъ чѣмъ жить опричь не-
вѣстина приданого: я накопилъ довольно. Я и позабылъ было тебѣ
сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему
воеводѣ; вѣдь это, другъ мой, не шутка; всѣ наши спорныя дѣла бу-
дутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей
землю обрѣжемъ по самыя гумна. То-то любо! и курицы некуда бу-
детъ выпустить. Со всѣмъ будемъ ѣздить въ городъ: то-то, Фалале-
юшка, будетъ намъ житье! никто не куркай. Да полно, что тебя
учить? ты вѣдь уже не малый ребенокъ, пора своимъ умкомъ жить.
Ты видишь, что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы
тебѣ жить было попригоднѣе. Да и дядя твой Ермолай чуть не то же
ли тебѣ совѣтуетъ; онъ хотѣлъ писать къ тебѣ съ тѣмъ же ѣздокомъ.
Мы съ нимъ объ этомъ поговорили довольно, сидя подъ любимымъ
твоимъ дубомъ, гдѣ бывало ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся; вѣ-
шиваль собакъ на сучьяхъ, которыя худо гоняли за зайцами, и сѣкалъ
охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой
ты былъ проказникъ смолоду! бывало животики надорвемъ со смѣха.
Молись, мой другъ, Богу, ума у тебя довольно; можно вѣкъ прожить.
Не испугайся, Фалалеюшка: у насъ нездорово, мать твоя Акулина Си-
доровна лежитъ при смерти. Батько Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ
особоровалъ. А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: Налетку
твою кто-то сѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она,
голубушка моя, какъ услышала, такъ и свѣту божьяго не взвидѣла;
такъ и повалилась. А послѣ какъ опомнилась, то пошла это дѣло
разыскивать, и такъ надсадила себя, что чуть жива пришла и повали-
лась на постелю; да къ тому же выпила студеной воды цѣлый жбанъ,
такъ и присунулась къ ней огневица. Худа, другъ мой, мать твоя,
очень худа. Я то и жду, какъ пошлетъ Богу по душу. Знать что, Фа-
лалеюшкѣ, разставаться мнѣ съ женою, а тебѣ и съ матерью и съ
Налеткою. Тебѣ, другъ мой, все таки легче моего; Налеткины щенята,
слава Богу, живы; авось таки, который нибудь удастся по матери; а
мнѣ ужъ эдакой жены не нажить. Охти мнѣ, пропала моя головушка!

Гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть? Не сокруши ты меня, пріѣзжай да женись, такъ хотъ бы тѣмъ я порадовался, что у меня была бы невѣстка. Тошно, Фалалеюшка, съ женою разставаться: я было ужъ къ ней привыкъ; тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ; какъ у печки погрѣлся. Виноватъ я передъ нею: много побита она отъ меня на своемъ вѣку; ну да какъ безъ этого, живучи столько вмѣстѣ и горшокъ съ горшкомъ столкнется: какъ безъ того? я крутъ больно, а она неуступчива: такъ бывало хотъ маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки, Спасибо хотъ за то, что она отходчива была. Учись, сынокъ, какъ жить съ женою: мы хотъ и дрались съ нею, да все таки живемъ вмѣстѣ; и мнѣ ее теперь право жаль. Худо, другъ мой, и ворожеи не помогаютъ твоей матери; много ихъ проводили, да пути нѣтъ, лишь только деньги пропали, За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

3) Изъ описанія путешествія.

. . . По выѣздѣ моемъ изъ сего города, я останавливался во всякомъ почти селѣ и деревнѣ: ибо всѣ они равно любопытство мое къ себѣ привлекали; но въ три дня сего путешествія ничего не нашелъ я похвалы достойнаго. Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною во образѣ крестьянъ. Непаханная поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломой, хижинны изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшія адонны хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны.

Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И, слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О человѣчество! Тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! Ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь ко ближнему, ты употреблешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содроганіемъ чувствительнаго сердца начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня ласкательство и при страстіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истина перомъ моимъ руководствуетъ!

Деревня Разоренная поселена на самомъ низкомъ и болотномъ мѣстѣ, Дворовъ около двадцати, стѣсненныхъ одинъ подлѣ другого, огорожены изсохшими плетнями и покрыты отъ одного конца до другого сплошь соломой. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостью ихъ господина! Избы, или лучше сказать бѣдныя развалившіяся хижинны, представляютъ взору путешественника оставленное человѣками селеніе. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимнимъ временемъ.

При выѣздѣ моемъ въ сіе обиталище плача, я не видалъ ни одного человѣка. День былъ жаркій; я ѣхалъ въ открытой коляскѣ; пыль и жаръ столько обезпокоивали меня дорогой, что я спѣшилъ войти въ одну изъ сихъ развалившихся хижинъ, дабы нѣсколько успокоиться. Извозчикъ мой остановился у воротъ одного бѣднаго дво-

ришка, сказывая, что это былъ лучший во всей деревнѣ, и что хозяинъ онаго зажиточнѣе былъ всѣхъ прочихъ потому, что имѣлъ онъ корову. Мы стучались у воротъ очень долго; но намъ ихъ не отпирали. Собака, на дворѣ привязанная, тихимъ и осиплымъ лаяньемъ, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извозчикъ вышелъ изъ терпѣнія, перелѣзъ черезъ ворота и отперъ ихъ. Коляска моя ввезена была на грязный дворъ, намощенный соломой, ежели оною намостить можно грязное и болотное мѣсто, а я вошелъ въ избу растворенными настежь дверями. Заразительный духъ отъ всякой нечистоты, чрезвычайный жаръ и жужжаніе безчисленнаго множества мухъ оттуда меня выгоняли: а вопль трехъ оставленныхъ младенцевъ удерживалъ во оной. Я спѣшилъ подать помощь симъ несчастнымъ тварямъ. Пришедъ къ лукошкамъ, прицѣпленнымъ веревками къ шестамъ, въ которыхъ лежали безъ всякаго призрѣнія оставленные младенцы, увидѣлъ я, что у одного упалъ сосокъ съ молокомъ, я его поправилъ, и онъ успокоился. Другого нашель, обернувшася лицомъ къ подушонкѣ изъ самой толстой холстины, набитой соломою; я тотчасъ его оборотилъ и увидѣлъ, что безъ скорой помощи лишился бы онъ жизни: ибо онъ не только что посинѣлъ, но и почернѣвъ, былъ уже въ рукахъ смерти: скоро и этотъ успокоился. Подошедъ къ третьему, увидѣлъ, что онъ былъ распеленанъ, множество мухъ покрывали лицо его и тѣло и немилосердно мучили сего ребенка; солома, на которой онъ лежалъ, также его колола, и онъ произносилъ пронзающій крикъ. Я оказалъ и этому услугу, согналъ всѣхъ мухъ, спеленалъ его другими, хотя нечистыми, но, однакожъ, сухими пеленками, которыя въ избѣ тогда развѣшены были; поправилъ солому, которую онъ, барахтаясь, ногами взбилъ: замолчалъ и этотъ. Смотря на сихъ младенцевъ и входя въ бѣдность состоянія сихъ людей, вскричалъ я: „Жестокосердый тиранъ, стѣмлющій у крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднее спокойство! Посмотри, чего требуютъ сіи младенцы! У одного связаны руки и ноги: приносить ли онъ о томъ жалобы? Нѣтъ, онъ спокойно взираетъ на свои оковы. Чего же требуетъ онъ? Необходимо нужнаго только пропитанія. Другой произносилъ вопль о томъ, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третій вопіялъ къ человѣчеству, чтобы его не мучили. Кричите, бѣдныя твари: сказалъ я, проливая слезы; — произнесите жалобы свои! Наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь. О солнце, лучами щедротъ своихъ озаряющее: призри на сихъ несчастныхъ!“

Радищевъ. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

(Книга Радищева раздѣлена на главы, озаглавленныя по названіямъ станцій).

IV. Черная грязь.

Здѣсь я видѣлъ также изрядный опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претвориться опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступитъ въ супру-

жество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь, къ алтарю отца всѣхъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель Его пріемлетъ исторгнутую властію клятву и утвердить бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законъ останется ненаказаннымъ!.. Почто удивляться сему? Благословяетъ бракъ — наемникъ; градодержатель, для охраненія закона опредѣленный — дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ свою пользу. Первой, ради полученія мзды; другой, дабы, истребляя поносительное челоуѣчеству насиліе, не лишиться самому лестнаго преимуществва — управлять себѣ подобными самовластно. О! горестная участь многихъ миллионовъ! Конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучатъ моихъ...

V. Городня.

Вѣзжая въ сію деревню не стихотворческимъ пѣніемъ слухъ мой былъ ударяемъ, но пронзающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вставъ изъ моей кибитки, отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину примѣтнаго на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, что рекрутскій наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлись отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ 50-ти, держа за голову двадцатилѣтняго парня, вопила: Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительской? Поля наши порастугъ травой; мохомъ наша хижина. Я, бѣдная, престарѣлая мать твоя, скитаться должна по міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не столь сердцу тягостно: кто закроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто вѣло предасть общей нашей матери, сырой землѣ? Кто придетъ вспомануть меня надъ могилою? Не капнетъ на нее твоя горячая слеза; не будетъ мнѣ отрады той.

Подлѣ старухи стояла дѣвка уже взрослая. Она также вопила. Прости, мой другъ сердечной, прости, мое красное солнышко! Мнѣ, твоей невѣстѣ нареченной, не будетъ больше утѣхи, ни веселья. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы безчелоуѣчные наши старосты, хоть дали бъ намъ обвѣнчаться. Авось ли бы Богъ меня помиловалъ, и далъ бы мнѣ паренька на утѣшенье.

Парень имъ говоритъ: перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ Государь на службу, на меня палъ жребій. Воля Божія! Кому не умирать, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду. Авось либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку. Рекрута сего отдавали изъ экономическаго селенія.

Совсѣмъ другого рода слова внялъ слухъ мой въ близъ стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ челоуѣка лѣтъ 30, посредственнаго роста, стоящаго бодро, и весело на окрестъ стоящихъ взирающаго.

Услышалъ Господя молитву мою, вѣщаль онъ. Достигли слезы несчастнаго до Утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ добраго или худого моего поведенія. Досель зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожемъ наказанъ не буду!

Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господской былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ онъ отвѣтствовалъ: Если бы, Государь мой, съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и стоя между двухъ гибелей неминуемо бы должно было идти направо или налево, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякій другой избралъ бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ, что переплывъ на другой берегъ, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таковъ мой былъ случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тѣмъ и конецъ былъ; но умирать томною смертью. подъ батожемъ, подъ кошками. въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчушу, жаждушу, при всегдашнемъ поруганіи; Государь мой, хотя холопей считаете вы своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ, но къ несчастію ихъ горчайшему, они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своей собратіи дворянъ?

Радищевъ предвидитъ возможность крестьянскаго возстанія и не видитъ въ немъ худа.

О если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся въ отчаяніи своемъ, разбили желѣзомъ . . . главы наши, главы безчеловѣчныхъ своихъ господъ, и кровію нашею обагрили нивы свои! что бы тѣмъ потеряло государство? Скоро бы изъ среды ихъ исторгнулись великіе мужи для заступленія избитаго племени; но были бы они другихъ о себѣ мыслей и правъ угнетенія лишены. Не мечта сіе, но взоръ проникаетъ густую завѣсу времени, отъ очей нашихъ будущее скрывающую; я зрю сквозь цѣлое столѣтіе.

Изъ сочиненія кн. М. Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“.

Взирая на нынѣшнее состояніе отечества моего, съ таковымъ окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, не могу я не удивляться, въ коль краткое время повредилия повсюдно нравы въ Россіи. Въ истину могу я сказать, что еслили вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ — мы подлинно въ людскости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ вѣнѣшностей. Но тогда же съ гораздо вящей скоростью бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ, и достигли даже до того, что Вѣра и

божественный Законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впали, гражданскія узаконенія презираемы стали; судіи во всякихъ дѣлахъ не толь стали стараться, объясня дѣло, учинить свои заключенія на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоимственно продавая правосудіе, получить себѣ прибыль, или, угождая какому вельможѣ, стараются узнать узаконенія, въ сужденіяхъ своихъ какъ безумные бредятъ, и ни жизнь, ни честь, ни имѣнія гражданскія не суть безопасны отъ таковыхъ неправосудій. Нѣсть ни почтенія отъ чадъ къ родителямъ, которые не стыдятся открыто ихъ волѣ противоборствовать и осмѣивать ихъ стараго вѣка посту покъ. Нѣсть ни родительской любви къ ихъ исчадію, которые, яко иго съ плечъ слагая, съ радостью отдають воспитывать чуждымъ дѣтей своихъ, часто жертвуютъ ихъ своимъ прибыткамъ... Нѣсть искренней любви между супруговъ, которые часто за малое что разрушаютъ собою церковью заключенный бракъ, и не токмо не стыдятся, но паче яко хвалятся симъ поступкомъ, Нѣсть родственническія связи, ибо имя родовъ своихъ за ничто почитаютъ, но каждый жертвуетъ другомъ, для пользы своея. Нѣсть вѣрности къ Государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманывать Государя, дабы отъ него получать чины и прибыточныя награжденія. Нѣсть любви къ отечеству, ибо почти всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконецъ нѣсть твердости духу, дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать; но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи противиться.

. . . . .

Далѣ слѣдуетъ характеристика отдѣльныхъ царствованій 18 в.

Императрица Анна не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здоровый разумокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы нраву грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась и ею была проклята, какъ мнѣ извѣстно сіе по находящемуся въ архивѣ Петра Великаго одному письму отъ ея матери, отвѣтственному на письмо Императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою сію Императрицу Анну. Грубой ея природный обычай несмягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, какъ многія строгости были оказуемы; а сіе учинило, что она не щадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содраганія подписывала; а можетъ статья еще къ тому была побуждаема и любимцемъ своимъ Бирономъ. Не имѣла жадности къ славѣ, и потому новыхъ узаконеній и учрежденій мало вымышляла, но старалась старое, учрежденное въ порядкѣ, содержать. Довольна для женщины прилежна къ дѣламъ и любительница была порядку и благоустройства; ничего спѣшно и безъ совѣту искуснѣйшихъ людей государства не начинала, отчего всѣ ея узаконенія суть ясны и основательны. Любила приличное великолѣпіе Императорскому сану, но толико, поелику оно сходственно было съ благоустройствомъ государства.

. . . . .

Правленіе Императрицы Анны было строгое, а иногда и тираническое. За самыя малѣйшія дѣла сажали въ Тайную Канцелярію, и

въ стѣнѣ сдѣланныя казэрмы Петербургской крѣпости недовольны были вмѣстѣ сихъ несчастныхъ; казни были частыя, яко Долгорукіе, бывъ прежде за тцаніе ихъ ограничить власть Монаршу сосланы, а потомъ за ту же вину изъ Сибири перевезены и переказнены въ Шлюссельбургѣ . . .

. . . . .

Но можно сказать съ единымъ стихотворцемъ:

На пышные верхи громъ чаще ударяетъ.

Хотя трепеталъ весь дворъ, хотя не было ни единого вельможи, который-бы отъ злобы Бирона не ждалъ себѣ несчастія; но народъ былъ порядочно управляемъ. Не былъ отягощенъ налогами, законы издавались ясны, а исполнялись въ точности, страшились вельможи подать какую либо причину къ несчастію своему, а не бывъ ими защищаемы, страшились и судьи что неправое сдѣлать, мздоимству коснуться. Былъ управленъ кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости единъ другому каждый мысли свои изъяснялъ, и осмѣливался самой Государынѣ при докладахъ противурѣчить; ибо она не имѣла почти никогда пристрастія то или другое сдѣлать, но искала правды; и такъ по крайней мѣрѣ мечь въ таковыхъ случаяхъ отогнана бывала; да, можно сказать, не имѣла она льстецовъ изъ вельможей; ибо просто послѣдуя законамъ, дѣла надлежащимъ порядкомъ шли. Лѣта же ея и болѣзни ей не оставляли время — что другое предпримать. Чины и милости всѣ по совѣту или лучше сказать по изволенію Бирона, герцога Курляндскаго, истекали; имѣла она для своего удовольствія нѣсколько женщинъ, а именно: княгиню Аграфену Александровну Щербатову, къ которой, какъ по веселому ея нраву, такъ и по другимъ причинамъ привязана была; Анну Феодоровну Юшкову и Мельгариту Феодоровну Манахину, которыхъ еще Императрица знала въ молодости своей, когда онѣ были при дворѣ простыми дѣвушками. Любила шутовъ и дураковъ и были при ней кн. Никита Феодоровичъ Волконскій, ꙗ Балакиревъ и кн. Михайло Голицынъ, которые иногда шутками ея веселили. Се ꙗщій знакъ депотичества, что благороднѣйшихъ родовъ люди въ толь подлудную должность были опредѣлены.

. . . . .

Сказалъ уже я выше, что Императрица Анна Ивановна любила приличное своему сану великолѣпіе и порядокъ, и тако дворъ, который еще никакого учрежденія не имѣлъ, былъ учрежденъ, умножены стали придворныя чины, серебро и золото на всѣхъ придворныхъ возблистало, и даже ливрея царская серебромъ была покровенна; установлена была придворная конюшенная канцелярія и экипажи придворные все могущее блистаніе того времени возымѣли. Италіанская опера была написана, и спектакли начались, такъ какъ оркестръ и камерная музыка. При дворѣ учинились порядочныя и многолюдныя собранія, балы, торжества и маскарады.

А все вышеописанное и показываетъ, какіе шаги, обстоятельствами правленія и примѣрами двора, злые нравы учинили. Жестокость правленія отняла всю смѣлость подданныхъ изъяснять свои мысли, и вельможи учинились не совѣтниками, а дакальщиками Государевыми — и его любимцевъ во всѣхъ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ имѣли причину опасаться противурѣчіемъ своимъ неудовольствіе приключить,

любовь къ отечеству убавилась и самство ¹⁾ и желаніе награжденій возрасло. Великолѣпіе, введенное у Двора, понудило вельможъ, а подражая имъ и другихъ, умножить свое великолѣпіе.

. . . . .

Всякій роскошь приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому пріемлется всѣми съ охотою и по мѣрѣ пріятности своей распространяется. А отъ сего, отъ великихъ принимая малые, повсюду началъ онъ являться. Вельможи проживаясь привязывались ко двору, яко къ источнику милостей, а нижніе по вельможамъ, для той же причины.

Исчезли твердость, справедливость, благородство, умѣренность, родство, дружба, пріятство, привязанность къ Божію и гражданскому закону и любовь къ отечеству; а мѣста сіи начинали занимать: презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ должностей, зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе дѣлать и удовольствовать свои хотѣнія. Однако между множества людей оставалось еще великое число, которые не бывъ толь близко у двора, сохраняли древнюю строгость нравовъ; и правосудіе, естли не по склонности, но по крайней мѣрѣ по страху казней исполняемое, еще въ довольномъ равновѣсіи вѣкъ свой сохраняло.

. . . . .

¹⁾ Эгонзмъ.

ОТДѢЛЪ V.

ДРАМА ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

Самымъ замѣчательнымъ драматургомъ, выдвинувшимся въ первую половину 18 в., былъ Сумароковъ. Но его пьесамъ не хватало того, что выдѣляетъ драму изъ прочихъ видовъ литературы: дѣйствія. Его „дѣйствующія лица“ не столько дѣйствуютъ, сколько разговариваютъ. Его трагедіи похожи на поэмы, а комедіи на сатиры — только въ діалогической формѣ. Въ екатерининское время драматурги стараются писать, сообразуясь съ требованіями сцены, такъ что при исполненіи ихъ пьесъ игра актеровъ имѣетъ не меньшее значеніе, что и декламация. Трагедія въ это время вытѣсняется комедіей. Персонажи комедій распадаются на двѣ главныя категоріи: положительныхъ и отрицательныхъ (комическихъ). Первые („резонеры“, устами которыхъ авторъ поясняетъ, противъ кого и чего направлены его насмѣшки, и „любовники“), условны и говорятъ условнымъ, книжнымъ языкомъ. Вторые — типы наблюденные въ дѣйствительной жизни; они говорятъ бытовымъ языкомъ, свойственнымъ ихъ общественному положенію. Третья, второстепенная, категорія — слуги „наперсники“ нужные для поясненія содержанія и для внесенія разнообразія въ дѣйствіе.

Крупнѣйшимъ драматургомъ Екатерининскаго времени былъ Фонвизинъ. Сама Екатерина писала комедіи. Комедіи не лишены остроумія и содержатъ немало бытовыхъ чертъ; но въ нихъ еще слабо развито дѣйствіе.

Комедіи изображали преимущественно дворянскій бытъ. Въ 1779 г. появилась комедія ¹⁾ Аблесимова. „Мельникъ — колдунъ, обманщикъ и свать“ — первое произведеніе изъ крестьянскаго быта, тогда какъ раньше простолюдины выводились на сцену только въ качествѣ второстепенныхъ персонажей. Люди „подлаго“ сословія почитались недостойными вниманія. Теперь пробуждается сочувственное отношеніе къ простонародью.

Такъ какъ комедіи изображали обыденную жизнь, то естественно было писать ихъ въ прозѣ. Однако, уже Сумароковъ, а въ особенности Хемницеръ, въ своихъ басняхъ, пытались приблизить стихотворный языкъ къ бытовому. Это подготовило возможность появленія и стихотворныхъ комедій. Самый удачный опытъ этого представляетъ комедія „Я б е д а“ (напеч. 1798 г.), авторомъ которой былъ другъ Державина, В а с. В а с. Ка п н и с т ь.

¹⁾ Комедія Аблесимова называется „оперой“, потому что разговоры въ ней перемежаются пѣніемъ пѣсенъ. Это было на русской сценѣ новостью, очень понравившейся.

Екатерина II. О время! (1772).

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Ханжахиной.

Дѣйствіе I. Явленіе I-ое.

Непустовъ, Мавра (Служанка Ханжахиной).

Мавра. Повѣрьте, что я говорю правду. Вы не можете ее видѣть. Она теперь молится, и я сама войти къ ней въ горницу не смѣю.

Непустовъ. Да развѣ она цѣлый день молится? Когда я ни приду, все говорятъ мнѣ: не время; по утру была она у заутрени, а теперь опять на молитвѣ.

Мавра. И все такъ у насъ время проходить.

Непустовъ. Молиться хорошо: однако есть въ жизни нашей и должности, которыя свято наблюдать мы обязаны. Неужли она день и ночь насквозь молится?

Мавра. Нѣтъ. Упражненія наши перемѣнны; однако все идетъ своимъ порядкомъ; иногда у насъ обыкновенныя службы, иногда чтеніе миней четій, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволить проповѣдовать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ.

Непустовъ. Слышалъ я, что госпожа твоя ханжитъ много, а о добродѣтеляхъ ея мало я слышалъ.

Мавра. Правду сказать, и я много о томъ говорить не могу. О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людемъ весьма часто, а особливо при раздачѣ мѣсячины и указаго. Сама жъ никогда столько прилежности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда, приходя къ ней должники, требуютъ отъ ней за забранныя по счетамъ товары платы. Онъ, швырнувъ одиножды въ меня молитвенникомъ, столь сильно голову мнѣ разшибла, что я съ недѣлю принуждена лежать была: а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста. „Проклятая безбожница, кричала она на меня, такой ли теперь часъ? Пришла ты, какъ сатана, искушать меня свѣтскими суетами тогда, когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ, и отъ всякаго о свѣтѣ семъ попеченія удалены“. Прокричавъ съ великимъ сердцемъ сіе, бросила мнѣ въ високъ книгу. Посмотрите, и теперь еще знакъ есть; но я мушкою залѣпливаю его. Не можно никакъ къ ней примѣниться: странный весьма человѣкъ; иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безъ умолка и безъ конца болтаетъ. Говоритъ, что грѣшно осуждать ближняго; а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ; и кажется ей, что все не такъ дѣлаютъ, какъ бы по мнѣнію ея дѣлать надлежало.

Непустовъ. Радъ я узнать ея нравъ: его знаніе поможетъ мнѣ много въ дѣлѣ о женитьбѣ господина Молокососова. Но правду сказать, трудно жъ ему будетъ уживаться съ этою бабушкою: она, или изъ дома его выживетъ, или въ могилу вгонитъ. Сама жъ она требовала, чтобъ мы къ Москвѣ пріѣхали, чтобъ условиться о внучкиной свадьбѣ. Мы, для того отпросясь на двадцать на девять дней въ отпускъ, изъ Петербурга сюда прискакали: и тому уже три недѣли, какъ живучи здѣсь, всякій день о томъ домогаемся, а она

всякій день новыя находить къ тому препятствія. Намъ приходитъ уже срокъ; и мы должны немедленно возвратиться. Что-та будетъ севодни? Она севодни обѣщала дать рѣшительное слово, хотя я къ тому и начала не вижу.

Мавра. Потерпите, сударь, немного; послѣ вечерни, можетъ быть, вы ее увидите; а прежде этаго времени она не охотно гостей принимаетъ.

Непустовъ. Да мнѣ есть много кое о чемъ переговорить съ нею; и для того скажи ей, что я здѣсь; авось либо она и пустить меня къ себѣ.

Мавра. Нѣтъ, сударь: я ни изъ чего къ ней не пойду. Мнѣ или битой, или по крайней мѣрѣ браненой быть. Она и безъ того часто на меня гнѣвается и называетъ меня бусурманкою за то, что иногда читаю я ежемѣсячныя сочиненія ¹⁾, а иногда и Клевеланда ²⁾.

Непустовъ. Да ты можешь ей сказать, что я усиленно прошу ея видѣть.

Мавра. Кой часъ вечерня отойдетъ, то я и пойду къ ней, а не прежде. Однако далѣе шести часовъ я не совѣтую вамъ оставаться. Въ это время наѣдетъ къ ней довольное число подобныхъ ей барынь которыя обыкновенно забавляютъ ея вѣстями, изъ всѣхъ угловъ города собранными; переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ, по христіанской любви, всѣхъ на перечетъ; увѣдомляютъ о всѣхъ Петербургскихъ новостяхъ, къ нимъ прилыгая, примышляя; одни убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду никто въ этомъ собраніи не отвѣтствуетъ: до того намъ дѣла нѣтъ, лишь бы все было выговорено, что слышали и что къ чему примыслили.

Напустовъ. Да по крайней мѣрѣ, оставятъ ли насъ хоть поужинать? Какъ ты думаешь?

Мавра. Сомнѣваюсь. Какія у постницъ ужины?

Непустовъ. Какъ? Да развѣ отъ скупости вы поститесь? Вѣдь севодни и день не посной.

Мавра. Я точно не говорю, только, . . . только . . . мы лишнихъ гостей не любимъ.

Непустовъ. Говори со мною, Маврушка, откровеннѣе. Какъ тебѣ госпожи своей не знать? Скажи мнѣ правду. Мнѣ кажется, что она наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ; а при томъ и весьма зла.

Мавра. Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ боярыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она наблюдаетъ строго дни праздничныя; къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ; свѣчу передъ праздника всегда ставитъ; мяса по постамъ не ѣстъ: ходитъ въ шерстяномъ платьѣ . . . Да не подумайте, что изъ скупости . . . и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ. Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши она терпѣть не можетъ; а любить и хвалитъ старину, и тѣ времена, когда она пятнадцати лѣтъ была: чему уже теперъ, благодатію Божіею, годиковъ пятьдесятъ и съ лишкомъ минуло.

Непустовъ. Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старин-

¹⁾ Одинъ изъ журналовъ.

²⁾ Модный романъ.

чая вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно! Въ этомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, по истинѣ жаль, что нынѣ ни къ чему не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки дерзко и похабно противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются.

Мавра. Оставимъ это. Въ платьѣ и головномъ госпожи моей уборѣ найдете вы совершенное изображеніе прародительскаго покрою въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ представляетъ.

Непустовъ. Да по чему это прародительскіе нравы? Это ни что иное, какъ ничего не значащіе обычаи: коихъ она съ нравами или не различаетъ, или различить не умѣетъ.

Мавра. Однако по мнѣнію госпожи моей, чѣмъ платье старѣй, тѣмъ болѣе почтенія достойно.

Непустовъ. Скажи-жъ мнѣ, пожалуй, что она въ цѣлый день дѣлаетъ?

Мавра. Да гдѣ мнѣ это все упомнить? А тѣмъ болѣе высказать не можно; вы смѣяться станете. Но пусть такъ; нѣчто вамъ раскажу. Она встаетъ по утру въ шесть часовъ и, слѣдуя древнему обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ; потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи, и поетъ стихъ: блаженъ, кто и скоты милуетъ! А при семъ пѣніи и насъ такъ же миловать изволить; иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой, то бранить дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся на канунъ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ пѣпу кадило; то со внучкою, для чего она молода, бранится: то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить, то... а! Пойдите, сударь, я слышу шумъ; пора мнѣ отсюда убираться. Конечно, госпожа моя идетъ; боюсь, чтобъ насъ вмѣстѣ не застала: вить и Богъ знаетъ, что ей на мысль придетъ. (Отходитъ).

Явленіе II.

Г. Ханжахина, г. Непустовъ.

Ханжахина. А! Господинъ Непустовъ, я и не знала, что вы здѣсь, сударь.

Непустовъ. Не прогнѣвайтесь, сударыня, что я пришелъ отдать вамъ мой поклонъ. Вы изволите знать, какую я до васъ нужду имѣю. Въ вашей волѣ теперь выдать внучку вашу за господина Молокососова и со мною о приданомъ условиться.

Ханжахина. Ахъ! Батка мой! Да какъ мнѣ на это рѣшиться севодни: подумай-ко самъ: это дѣло таково, что требуетъ многаго размышленія. Я должна и того посмотрѣть, съ чѣмъ бы мнѣ и самой остаться. Человѣкъ я бѣдный; вдовье мое дѣло: откуда мнѣ что взять? Пусть злые люди, хоть и говорятъ, хоть и кричатъ о моемъ богатствѣ, да Богъ то вѣдаетъ, что я не могу наградить внучку свою большимъ приданымъ. Къ тому жъ севодни духъ мой такъ безпокоитъ, что я и съ мыслями не могу собраться. У меня столько

печали, столько нуждъ, что и конца имъ нѣтъ, такъ что и при молитвѣ злой свѣтъ покою мнѣ не даетъ. Разсудите сами, какъ мнѣ бѣдной не горевать: все дорого, да къ тому жъ люди . . .

Н е п у с т о в ь. Правда, сударыня, злыхъ людей много на свѣтѣ: но намъ ихъ не передѣлать; оставимъ ихъ, и станемъ о своемъ дѣлѣ говорить. Вы знаете, что намъ долго здѣсь жить не можно. Срокъ близокъ: къ командѣ ѣхать надобно. И такъ уже три дня вы изволили меня и Молокососова обнадеживать, что севодни дадите намъ рѣшительный отвѣтъ; пожалуйста исполните это слово. Жалокъ, этотъ молодой человекъ будетъ, если онъ попусту въ задъ и въ передъ проскакать былъ долженъ!

Х а н ж а х и н а. Я не то, сударь, говорю: изволь самъ разсудить, можно ли покойну быть духу, если съ кѣмъ то случится, что сдѣлалось севодни со мною? Я общалась, чтобъ до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила покойную мою матушку, помяни ихъ, Господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ ¹⁾ сынъ и стоитъ, какъ демонъ, въ горницѣ. Я ему говорю: поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: поди ты, сатана, вонъ; а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руки бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете? Что въ этой бумажкѣ написано? О! несмысленная тварь! О! демонское навожденіе!.. Онъ осмѣлился просить позволенія жениться. Мнѣ дескать тридцать уже лѣтъ; мать де моя умерла, обшить обмытъ некому, и для того жениться! Экая негодница! И онъ жениться вздумалъ! Этимъ привелъ онъ меня въ такое сердце, что я и число поклоновъ позабыла; и не знаю, сколько положила и сколько еще класть надобно. Однако жъ велѣла его выстѣчь, и положить женитьбу ту на спинѣ: позабудетъ онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны.

Н е п у с т о в ь. Да вить и онъ человекъ, сударыня; въ томъ только его неосторожность, что помѣшалъ вамъ считать поклоны: а можетъ быть, онъ и не зналъ, что вы на молитвѣ.

Х а н ж а х и н а. Что за неосторожность! Какъ ему не знать, что я молюся? Я вить всегда молюся. За чѣмъ ему жениться? Я бѣ его, проклятаго, постригла ²⁾, но то бѣда, что нынѣ и не... О! Я такъ осердилась, что вся и теперь еще дрожу!

Н е п у с т о в ь. Такое великое движеніе можетъ повредить ваше здоровье. Оставимъ его; станемъ говорить о нашемъ дѣлѣ и о приданомъ внучки вашей.

Х а н ж а х и н а. Вы не можете повѣрить, какъ мнѣ досаждаютъ! Я не вѣдаю, какъ я отъ сердца по сю пору еще не умерла. На малаго-та я не столько еще сержуся; но поганая дѣвка, которая, прости меня Господи! ему на шею вѣшается, та, та мнѣ досадна! Да дамъ же я ей замужество!

Н е п у с т о в ь. А для чего жъ бы ей нейти за мужъ, коли лѣта уже такія?

Х а н ж а х и н а. О, какая она скверная тварь!

Н е п у с т о в ь. Вы почитаете, сударыня, молитву должностью, равно какъ и я, но вить и снисхожденіе и любовь къ ближнему, есть такъ же должности, закономъ намъ приписанныя.

¹⁾ Мамкинъ,

²⁾ Отдала въ рекруты.

Ханжахина. Очень хорошо; изрядное показалъ онъ къ мнѣ снисхожденіе и любви! Мерзкой малой! Помѣшалъ мнѣ въ счетъ поклоновъ.

Непустовъ. Дѣвицу выдать за мужъ стоитъ поклоновъ, сударыня.

Ханжахина. Хорошо, батька мой, со стороны такъ разсуждать. А мнѣ вить не бросать же на улицу деньги! Гдѣ ихъ возьмешь? Вотъ, внучку надобно выдать и самой такъ же пожить еще хочется: да еще и этакихъ мерзкихъ жени; а все таки дай чтонибудь: только и затвердили, что дай, да дай; а вить что больше дашь, то больше у самой убудетъ. Надлежало бы правительству-та сдѣлать такое учрежденіе. чтобъ оно, вмѣсто насъ, людей-та бы нашихъ при женитьбѣ снабжало. Правду сказать, вить оно обо всемъ въ государствѣ-та печися должно, да полно что нынѣ ничего не смотрятъ!

Непустовъ. Правительство имѣетъ довольно попеченія и расходовъ и безъ того, чтобъ снабжать нашихъ людей, которые намъ служатъ, и слѣдовательно на нашихъ рукахъ быть должны. Но пожалуй, сударыня, забудь его, и станемъ говорить о нашей свадьбѣ и приданомъ внучки вашей. Господинъ Молокососовъ скоро сюда будетъ, и станетъ просить вашего нато соизволенія.

Ханжахина. Онъ молодецъ изрядный; я его ни въ чемъ не хую и ничего порочнаго въ немъ не вижу. Когда бъ эти проклятыя меня не разсердили. то можетъ быть, чтобъ я и подумала, что бы за внучкою-та дать...

Дѣйствіе II, явленіе I.

Христина (внучка Ханжахиной). Мавра.

Мавра. Чтожъ! развѣ вы не хотите итти за мужъ?

Христина. Я не знаю. Кажется, я никакого желанія не имѣю.

Мавра. Да развѣ господинъ Молокососовъ вамъ не нравится?

Христина. Этого не могу сказать. Нѣтъ... Ну... да какъ онъ тебѣ кажется?

Мавра. Неужто вы хотите замужъ по моему выбору? Вить вамъ съ нимъ жить, а не мнѣ.

Христина. Ты меня любишь, Маврушка, такъ скажи мнѣ, что мнѣ дѣлать?

Мавра. Я васъ люблю, это правда; однако въ этомъ дѣлѣ вы болѣе на себя полагаться должны. Должны вы прежде всего себя разобрать, чувствуете ли вы къ нему склонность, или нѣтъ?

Христина. Лицемъ онъ не дурень; да только говорить такъ, что я и половины словъ его не разумѣю. Онъ говоритъ или не по русски, или по книжному; а ты вить знаешь, что я чужихъ языковъ не знаю и грамотѣ худо умѣю.

Мавра. Любовь и безграмотныя разумѣютъ. На что тутъ грамота? Надобно только сердце.

Христина. Я думаю, что сердце-та у меня есть; и я пойду за него, естли онъ меня возьметъ: а ежели не возьметъ, то и я не желаю быть за нимъ.

Мавра. Какое это равнодушіе! Естли бъ вы его любили, то бы не такъ говорили.

Христина. Я не могу сказать, чтобъ онъ мнѣ противенъ былъ. Я не знаю, люблю ли я его, только мнѣ хочется его видѣть; да однако...

Мавра. - Что однако? Когда онъ говорилъ вамъ о своей стра-

сти, что онъ васъ любитъ, что вы прекрасны . . . Вы тогда сидѣли потупя глаза, и молчали, какъ будто у васъ языка не было; онъ перемѣнялъ рѣчи, онъ то то, то се вамъ говорилъ, а вы таки все въ одномъ, и глазами и тѣломъ, и языкомъ, остались положеніи, и его съ равногласнымъ да и нѣтъ отвѣтомъ и отпотчивали.

Христина. Мнѣ было стыдно, Мавруша; ты вить знаешь, что я съ мужчинами, кромѣ Фалалея, бабушкина дурака, ни съ кѣмъ не говаривала; да бабушка съ другими и говорить не приказываетъ. Я выросла въ дѣвичьей горницѣ, и оттуда никогда не выхаживала: такъ чтожъ мнѣ дѣлать? Пожалуй, душинька, читай мнѣ почаще Памелу ¹⁾, чтобъ я могла перенять, какъ съ людьми говорить Съ тобой такъ говорится, а съ другимъ ни съ кѣмъ право не умѣю.

Мавра. Дорого бы я дала, чтобъ вы счастливы были. Я васъ люблю за ваше чистосердечіе. Вы не лживы, сударыня; общаетесь ли вы все то дѣлать, что я вамъ велю?

Христина. Съ радостію общаюсь, и стану все то дѣлать, что ты велишь; я знаю, что ты ничему худому не научишь.

Мавра. Подите жъ теперь отсюда. Я послѣ переговорю съ вами: теперь мнѣ недосугъ.

Христина. Да увижу ль я его?

Мавра. А! невинная! Сердчишко-та уже тронута.

Христина. Нѣтъ, . . . Я не знаю . . .

Мавра. Изрядно, изрядно, подите теперь.

(Христина отходить)

Дѣйствіе III. Явленіе VI.

Ханжахина, Вѣстникова, Христина, Непустовъ,
Молокососовъ, Мавра.

Молокососовъ. Я бы не осмѣлился, сударыня, еще разъ передъ вами показаться, если бы другъ мой не увѣдомилъ меня, что вамъ это противно не будетъ.

Вѣстникова. Полно, батъка мой, объ этомъ говорить, старое все позабыто; скажитка намъ, имѣешь ли ты преждее намѣреніе жениться?

Молокососовъ. Я бѣ весьма былъ счастливъ, если бы желаніе мое исполнилось, и могъ бы я получить соизволеніе отъ той, въ чьей власти и невѣста моя и благополучіе мое состоитъ.

Вѣстникова (Ханжахиной). Слышишь ли ты, сестрица? Чтожъ ты не отвѣтствуешь: видишь ты, какой это изрядной молодецъ.

Ханжахина. Я еще и съ Христиною не поговорила: вить надобно и ее спросить, не противень ли ей женихъ-атъ?

Вѣстникова. Какъ быть противну? Я бѣ право и сама его полюбила, таковъ-та онъ. Однако спросимъ Христину. (Христинѣ). Христинушка, не противень ли тебѣ суженой, котораго мы тебѣ выбрали?

Мавра. Я за нее отвѣтствую, сударыня, что она изъ воли бабушкиной не выступить.

Вѣстникова. Да для чегожъ ты, душа моя, сама не говоришь; скажи, милъ ли онъ тебѣ?

¹⁾ Романъ, переведенный съ англійскаго.

(Между тѣмъ Ханжахина шепчетъ).

Христина. Воля бабушкина, сударыня.

Вѣстникова. Да долго ли этому быть, сестрица: нутка благословясь, да рука въ руку. (Беретъ Ханжахину руку и даетъ ее насильно Непустову). А я за тебя скажу: Господинъ Непустовъ, сестра моя согласна; внучку свою отдаетъ за господина Молокососова и, при благословеніи Божескомъ, жалуетъ ей въ приданія пятьдесятъ тысячь рублей: это я уже давно знаю.

Ханжахина (Дергая Вѣстникову за платье). Сестрица, съ умомъ ли ты? Этого много. Я не могу столько дать. Охъ!... бѣдная я!

Молокососовъ. Не приданое меня прельщаетъ, сударыня; вы хоть столько дайте, хотя нѣтъ: для меня все равно, лишь только внукомъ своимъ меня называйте.

Ханжахина. Ну... быть такъ... что дѣлать, разставаться съ деньгами... разставаться съ душою... Христина... охъ... горе мнѣ! Христина, вотъ тебѣ женихъ.

Непустовъ. Для прекращенія лишнихъ убытковъ, не согласитесь ли, сударыня, въ будущую среду въ моей Подмосковной сдѣлать свадьбу?

Ханжахина. Хорошо, батюшка, я согласна. Середу я паче прочихъ дней отмѣнно всегда любила: да вить и коштъ-ать вашъ тамо будетъ. Мнѣ не изъ чего, не изъ чего право дѣлать теперь банкетовъ.

Непустовъ. Объ этомъ не заботьтесь, сударыня.

Ханжахина (Молокососову). Да деньги-та приданія отдашь ли въ ростъ? Вить не шутка, мой свѣтъ. Потомъ онѣ наживаны... потомъ... Охъ!

Вѣстникова. Полно объ этомъ говорить, пойдемъ рядную писать. Да въ крестовой священникъ есть, такъ благословясь да помолвимъ.

Ханжахина. Ну... чтожъ дѣлать... пойдемъ-те. (Отходятъ).

Мавра (одна). Вотъ такъ нашъ вѣкъ проходить. Всѣхъ осуждаемъ, всѣхъ цѣнимъ, всѣхъ пересмѣхаемъ и злословимъ, а того не видимъ, что смѣха и осужденія сами достойны. Когда предубѣжденія заступаютъ въ насъ мѣсто здраваго разсудка, тогда сокрыты отъ насъ собственные пороки, а явны только погрѣшности чужія: видимъ мы сучокъ въ глазу ближняго, а въ своемъ и бревна не видимъ.

Аблесимовъ. Мельникъ.

Дѣйствіе I.

Театръ представляетъ съ одной стороны лѣсъ, вдали по холмамъ малыя деревеньки, а съ другой стороны мельница и при ней телѣги съ мѣшками. Напередѣ же всего дерево.

Явленіе I.

Мельникъ (одинъ).

(Онъ, стругая доску, поетъ, только тонъ пѣсни безъ рѣчей и музыки. Потомъ говоритъ):

Какая бишь это пѣсня... Да: „Какъ вечеръ у насъ со полу-

ночи“ ... такъ ... (начинаетъ пѣть на этотъ тонъ пѣсно, продолжая самъ свою работу).

Какъ вечеръ у насъ со полуночи,
Со полуночи до бѣла свѣта ...

Какой проливной было-пошелъ дождикъ, да пересталъ скоро.
(Также поетъ и продолжаетъ работу).

На зарѣ-то было да на утренней,
На закатѣ вѣдь свѣтлаго мѣсяца ...

Ну, ужъ былъ вѣтеръ! то-то, слышь ты, дулъ сильно, что чуть-было и мельницу-то мою совсѣмъ не спрорушилъ; въ пень бы я сталъ, да спасибо хоть исковеркалъ, да немного, а хоть и немного, да надѣлалъ дѣла (Приноравливаетъ доску). Ну, будетъ ладно, пойдетъ опять за-ново. (Подошелъ къ оркестру). Смѣшно, право, какъ я вздумую: говорятъ, будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ, и ужъ-де мельникъ всякій не простъ: они-де знаются съ домовыми, и домовые-то у нихъ на мельницахъ какъ черти ворочаютъ ... ха! ха! ха! .. какой сумбуръ мелютъ! а я, кажется, самъ коренной мельникъ: родился, выросъ и состарился на мельницѣ, а ни одного домового съ роду въ глаза не видывалъ. А коли молвить матку-правду, то кто смышленъ и гораздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ ... Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ; а мы наживаемъ этимъ времемъ сломъ себѣ хлѣбецъ.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ,
А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдунъ, угадкой.
И колдовки, колотовки,
Тѣ же дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ
И живутъ такимъ обманомъ.

Какъ и азъ грѣшный! ..

Явленіе 2.

Филимонъ и прежній.

Мельникъ (его увидя). А! это ко мнѣ гость. На сей день будетъ поживка. (Къ Филимону) Путь-дорога доброму молодцу.

Филимонъ. Челомъ бью, старинушка.

Мельникъ. Издалеча ль бредешь, куда путь держишь?

Филимонъ. Не пуще дальнее дѣло.

М. Да волею, или неволею?

Ф. Коней ишу: савраско да гнѣдко вдвоемъ куда-то запропастились; а кони-то, кони-то какіе добрые были. (Особливо). Это онъ-то

ворожейка: попытаюсь у него поколдоваться. (Къ мельнику) Што, старинушка, хочу спросить тебя...

М. О чемъ поволишь? изволь-ста, мы ваши работники.

Ф. Доброе дѣло! и мы вамъ плательщики. И такъ поворожи мнѣ, найдутся ли мои кони?

М. Найдутся ли кони?

Ф. Такъ, старинушка; мнѣ объ нихъ очень хочется свѣдать.

М. А вотъ эдакъ, напимѣрь, какъ будетъ ли отъ тебя што? (подставляетъ руку).

Ф. Напередъ угадай, дѣдушка, а тамъ мы посмотримъ.

М. (Отвѣщается, сердится и начинаетъ пѣть):

Угадать —

Не устать;

Да какъ дѣло плоховато,

Такъ и платятъ торовато.

Ф. Да я тебѣ, старинушка, плательщикъ буду.

М. На посулъ,

Какъ на стулъ,

Посидя да не поѣшь,

Такъ животъ не будетъ свѣжъ.

Ф. Не изъ чего не солгу, повѣрь пожалуй.

М. Въ тотъ чередъ

Напередъ,

Эти басни не подъ нужу,

Вынь ка мошну-то наружу,

И пустаго не болтай,

Да намъ денежки считай.

(Подставляетъ руку, смотря ему въ глаза).

Ф. Ну, коли такъ, изволь, пожалуй: мы вамъ и напередъ дадимъ посильно мѣсто копѣекъ.

М. Это только-то?

Ф. Будетъ покамѣсть, чего больше?

М. (особо) Ладно, ты безъ полтинки-то отъ меня не отъѣдешь.

Ф. Што жъ ты мнѣ скажешь?

М. А какъ теперь на дворѣ — рано?

Ф. Не больно еще поздно, и солнце за лѣсъ не сѣло.

М. Перевернись же три раза по солнцу.

Ф. Што бы такъ?

М. Што бы такъ! въ ворожбѣ это надо. Ну, дѣлай, что велятъ!..

Ф. Въ твою угоду мы и повернемся. (Вертится одинъ разъ).

М. Еще противъ солнца.

Ф. (вертась) Еще таки и противъ солнца.

М. Теперь стань вотъ къ этому дереву (Филимонъ хочетъ идти, а мельникъ говоритъ); Нѣтъ, нѣтъ, постой... есть ли у тебя платъ?

Ф. (вынимаетъ платокъ). Есть, вотъ.

М. Зажми же глаза плотно, завяжи платкомъ крѣпче... ну! ладно — теперь слушай-же; стой да нишкни, съ мѣста не двигайся и ни къ кому не аукайся; а я пойду къ старшому...

Ф. (исполняя все, что Мельникъ ему ни приказывалъ) А буде кто безъ тебя ко мнѣ придетъ и станетъ меня спрашивать: зачѣмъ-де ты стоишь такъ, добрый молодецъ, ясные твои очи завязаны?

М. Ни съ кѣмъ ни словечка; а ворчи, коли хочешь, про себя.

Ф. А пѣсню спѣть въ потребу ли будетъ?

М. Всполюшишь всѣхъ; не надо.

Ф. (про себя). Эдакая причина!

М. Стой же плотно.

Ф. Инъ добро быть такъ.

(Мельникъ, отходя отъ Филимона, примѣчаетъ его движенія; а онъ покушается гла- за немного открыть. Мельникъ, воротясь, подходит и говоритъ съ сердцемъ).

М. Тють!.. тють!.. што ты это чудесишь?, эдакой рахман- ный, вѣдь испужаешься... (взявъ его за руку) поди за мною... стой, ухватись вотъ за это дерево (потомъ очерчиваетъ его мѣломъ). Ну, стой-же, слышишь ли ты, плотно; не трошься и за черту ни ногою, а то быть худу (Отходить).

Явленіе 3.

Ф и л и м о н ъ (одинъ).

(Онъ, приклоня голову въ ту сторону, куда Мельникъ ушелъ, слушаетъ)

Слышится, колдунъ ушелъ... такъ, ушелъ теперь. Што-то онъ мнѣ скажетъ? Ну, да што ни будетъ, то будетъ! (Открываетъ немного глаза). Да... нѣтъ... ужъ меня, ничего не видя, отъ страху какъ будто морозъ по кожѣ подираетъ... штожъ мнѣ дѣлать? ничего иного, какъ орать что есть мочи; нѣтъ! стану курныкать помаленьку, только штобъ не такъ страшно то мнѣ было.

Не тронемся, не ворохнемся,

Не кликнемся, не аукнемся,

Спою пѣсню; да какую же я спою?

А! любимую свою...

(Музыка начинается, а въ это время какъ Филимонъ готовится пѣть)

Явленіе 4.

Мельникъ и прежній.

(Мельникъ выноситъ жернова, ставитъ ихъ у мельницы).

Ф. (продолжаетъ пѣть на голосъ: „Какъ ходилъ гулять молодчикъ“).

Вотъ спою какую пѣсню:

Ходилъ молодецъ на Прѣсню,

Подъ вечерокъ,

Путь недалекъ;

Ходилъ молодецъ на Прѣсню

Изъ Сесвяцкаго села,

Подъ вечерокъ,

Путь недалекъ;

Изъ Сесвяцкаго села,

Красна дѣвка тамъ жила,

Дѣвка душа,

Тамъ хороша.

Красна дѣвка тамъ жила,

Молодца съ ума свела.

(Мельникъ вертитъ жерновомъ и симъ дѣлаетъ шумъ; а Филимонъ, продолжая пѣть, пугается).

Дѣвка... ду... ша... тамъ хо... ро... ша... (ока- чиваетъ дикимъ голосомъ).

М. Разступись вода!.. растворись мельница!.. явись ко мнѣ съдой демонъ!.. (вертитъ опять жерновомъ и производитъ шумъ).

Ф. (дрожить). Чуръ меня!.. чуръ меня!.. съ нами невидимая сила!..

М. (Подбѣгая къ Филимону) Ухватись, ухватись за дерево плотнѣе.

Ф. (хватаясь за дерево, самъ дрожить).

М. (обходя его кругомъ). Будутъ кони?.. таки будутъ?.. (сиповатымъ голосомъ) нѣтъ, не будутъ (обходить другой разъ). Придутъ кони?.. таки придутъ ли кони?.. (также сиповато) нѣтъ, не придутъ. Што за дьявольщина! (обходить третій разъ) Найдутся ли кони?.. да найдутся ли кони?.. (притворнымъ голосомъ съ сердцемъ) хотъ найдутся, да не скоро... (своимъ голосомъ) Исчезни же, окаянный!.. (самъ подбѣгаетъ опять къ жернову и вертитъ оное; потомъ подошедъ къ Филимону) Теперь поди сюда, развяжи глаза и не бойся ничего.

. . . . .

Ф. Ну, инъ быть такъ, правду молвить: я прибрелъ-было къ тебѣ кручину свою размыкать; придумай, пригадай мнѣ. Я задумалъ добрый молодецъ жениться, и пришла мнѣ одна красная дѣвица по обычю; да вотъ бѣда моя: отецъ и мать ея другъ съ другомъ несогласны; старухъ какъ-то изстари случилось быть дворянскаго отродья, а выдана въ крестьянство по неволѣ; старикъ-атъ вѣдь и хочеть дочку выдать за дѣтину-хлѣбопашца, старуха-хлопотунья за дворянскаго сыночка... и за то-то мужъ съ женою и хлопочуть.

М. О! о! это плевое дѣло; я смекнулъ какъ быть этому: дѣвка будетъ наша! что за работу?

Ф. Четверть доброй ржи старинушкѣ челомъ бью.

М. Ну-тка по рукамъ.. ладно!..

(Поетъ на голосъ „Вы рѣченьки, рѣченьки“) . . . .

Дѣло кончается тѣмъ, что Мельникъ уговариваетъ родителей дѣвицы выдать ее за Филимона. Онъ однодворецъ, а это-де все равно что дворянинъ.

Капнисть. Ябеда

Дѣйствіе первое. Явленіе I.

Прямиковъ (подполковникъ) и Добровъ (повытчикъ).

Прямиковъ. — Я радъ, мой другъ, что мы съ тобою здѣсь
столкнулись.

Добровъ. — Да вы, сударь, зачѣмъ въ домъ этотъ завернулись?
Не ужъ ли за грѣхи какая васъ напасть,
Иль тяжба, Богъ храни, втащила въ эту пасть?

Прямиковъ. — Такъ именно: процессъ на шею навязался;
Я отъ него уйти хотъ всячески старался,
Мирился, уступалъ, но потерялъ весь трудъ.
И такъ уѣздный ужъ и Верхній Земскій Судъ,
Прошедъ, гдѣ моему не лстили супостату,
Вступило дѣло къ вамъ въ Гражданскую палату.

Добровъ. — Боюсь я, чтобъ оно не оступилось здѣсь.
Да съ кѣмъ же вы, сударь, имѣете процессъ?

Прямиковъ. — Сосѣдъ мой, Праволовъ, не вѣдь съ чего вцѣ-
пился . . .

Добровъ. — Кто? Праволововъ?

Прямиковъ. — Да, онъ. Чему-жъ ты удивился.

Добровъ. — Дивлюся, право, я, какъ съ умной головой
Могли связаться вы съ такой, сударь, чумой.

Прямиковъ. — Сутяга хитрый онъ, однако-жъ не опасень.

Добровъ. — Кто? онъ?

Прямиковъ. — Ужъ въ двухъ судахъ былъ трудъ его напра-
сень.

Добровъ. — Не знаете, сударь, сего вы молодца.

Другого въ свѣтѣ нѣтъ такого удальца.

Напрасень въ двухъ судахъ! да тамъ лишь разбираютъ,

А вѣдь въ Гражданской вдругъ рѣшатъ и исполняютъ.

Что за бѣда ему, что въ гѣхъ его винятъ;

Лишь только для него въ Палатѣ былъ бы ладъ.

То онъ получить вдругъ и право и имѣнье.

Вамъ съ Праволовымъ въ судъ? какое дерзновенье!

Прямиковъ. — Да чѣмъ же страшень такъ онъ мнѣ? прошу
сказать.

Я въ арміи служа, не могъ сосѣдей знать.

По замирениі я въ отпускъ отпросился;

Лишь въ домъ, — онъ на меня съ процессомъ и взвалился;

И тутъ то я узналъ ужъ не отъ одного.

Что онъ злой ябедникъ; да только и всего.

Добровъ. — Да только и всего? такъ этого и мало.

Вы добрый человѣкъ; мнѣ жаль, сударь, васъ стало.

Покойный вашъ отецъ мнѣ благодѣтель былъ;

Я милостей его отнюдь не позабылъ:

Я помню, что его хлѣбъ соль ѣдалъ довольно.

Въ сѣтяхъ сихъ видѣтъ васъ мнѣ, право, очень больно.

Коль нужень въ чемъ, готовъ для вашихъ я услугъ.

Прямиковъ. — Чувствительно тебя благодарю, мой другъ.

Я долженъ искренно теперь тебѣ признаться,

Что я не знаю, какъ за дѣло мнѣ приняться.

Во-первыхъ, мнѣ скажи: чѣмъ такъ соперникъ мой

Мнѣ страшень?

Добровъ. — Господи! что за вопросъ такой?

Онъ ябедникъ: вотъ все ужъ этимъ вамъ сказали.

Но чтобъ его, сударь, получше вы узнали,

То я здѣсь коротко его вамъ очерчу:

Въ дѣлахъ, сударь, ему самъ чортъ не по плечу:

Въ Гражданской ужъ давно веду я протоколы;

Такъ видны всѣ его тутъ шашни и крамолы,

Которы, зеркалу судебной правоты

Представъ, невинности явили въ немъ черты.

А сверхъ того еще, — гласъ Божій, гласъ народа —

Подлоги, грабежи, разбои разна рода,

Фальшивы рядныя, уступки, векселя;

Тамъ отмежевана вдругъ выросла земля:

Тутъ верхни мельницы всѣ нижни потопили;

Тамъ двѣсти десятинь два борова изрыли;

Здѣсь выморочныхъ сель наслѣдничекъ воскресъ;

Тамъ, на гумнѣ, его растеть дремучій лѣсъ;
 На брата искъ за брань и за безчестье взноситьъ,
 А пожилыхъ¹⁾ съ того и за умершихъ проситьъ;
 Тамъ люди пойманы его на воровствѣ,
 Окраденнымъ купцамъ сыскалися въ родствѣ,
 И брали то, что имъ лишь по наслѣдству должно.
 Но всѣхъ его проказъ пересказать не можно:
 Довольно и того, что вамъ слегка сказалъ.
 Притомъ, какъ знаетъ онъ всѣхъ стряпчихъ наповалъ!
 Какъ регламентъ нагнуть, какъ вывернуть указы!
 Какъ всѣ подьячески онъ вѣдаетъ пролазы!
 Какъ забѣжать къ судѣ, съ котораго крыльца;
 Кому бумажекъ пукъ, кому пудъ сребреца;
 Шестерку проиграть, четверку гдѣ, иль тройку;
 Какъ залучить кого въ пирушку, на попойку:
 И словомъ: дивное онъ знаетъ ремесло,
 Неправду мрачную такъ чистить, какъ стекло.
 Такъ вамъ возможно ли съ симъ молодцомъ тягаться?

Прямиковъ. — И подлинно его мнѣ должно опасаться.

Но дѣло вѣдь мое такъ право, ясно такъ! . .

Добровъ. — Какъ солнце ясно будь, то будетъ аки мракъ.

Прямиковъ. — Но на судей ужъ ли не можно положитьсь?
 Хозяинъ здѣшній . . .

Добровъ (осматривается кругомъ). — Ахъ! боюсь проговориться;
 Но вы не скажете, не слышитъ насъ никто.
 Извольте жъ про себя, сударь! вы вѣдать то,
 Что дому господинъ, Гражданскій Предсѣдатель,
 Есть сущій истины Іуда и предатель,
 Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ;
 Что съ кривды пошлиной карманы начинилъ;
 Что онъ законами лишь беззаконье удить;

(Показывая, будто считаетъ деньги)

И безъ наличнаго довода дѣлъ не судить.
 Однако хоть и самъ всей пятерней беретъ,
 Но вящую его супруга дань деретъ;
 Съѣстное, питейцо — предъ нею нѣтъ чужаго;
 И только-что твердитъ: даянье всяко благо.

Прямиковъ. — Вотъ на! возможно-ль быть? А члены? —

Добровъ. — Все одно:

У нихъ все на одинъ салтыкъ заведено.
 Одинъ членъ вѣчно пьянъ и протрезвѣнья нѣту;
 Такъ тутъ какому быть ужъ путному совѣту?
 Товарищъ же его до травли русаковъ
 Хотникъ страстной: съ нимъ со сворой добрыхъ псовъ,
 И шедшую съ небесъ доѣхать правду можно

Прямиковъ. — А засѣдатели?

Добровъ. — Когда, сказать не ложно,
 Въ одномъ изъ нихъ души хотя немножко знать;
 Такъ что-жъ? лихъ та бѣда, что не гораздъ читать,
 Писать и поготовъ, а на словахъ заика:
 И такъ, хотя-бъ и радъ, помѣха лихъ велика.
 Другой себя къ игрѣ такъ страстно пристрастилъ,

¹⁾ Арендную плату.

Что душу бы свою на карту посадилъ.

Въ судѣ по Черному съ нимъ фараонъ гуляетъ,

И у журналовъ онъ углы лишь загибаетъ.

Прямиковъ. — А Прокуроръ? ужъ-ли и онъ?..

Добровъ. — О! Прокуроръ—

Чтобъ въ рифму мнѣ сказать, существеннѣйшій воръ.

Вотъ прямо въ точности всевидящее око:

Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ мѣтитъ онъ далеко.

Не цапнетъ лишь того, чего не достигнетъ.

За праведный доносъ, за ложный, онъ беретъ;

Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья,

За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,

За поздній въ судѣ приходъ, за пропущенный срокъ,

И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ.

Прямиковъ. — А о Секретарѣ?..

Добровъ. — Дуракъ, кто слово тратитъ.

Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.

Указы знаетъ всѣ, какъ пальцевъ пять своихъ.

Экстрактеть сочинить безъ точекъ, запятыхъ,

Подчистить протоколъ, иль листъ прибавить смѣло,

Иль стибрить документъ — его все это дѣло;

И съ Праволовымъ онъ запазушны друзья.

Онъ вамъ накаверзитъ, весьма увѣренъ я.

И дѣльцо, знать, къ себѣ прибралъ онъ по секрету;

По крайности, его въ моемъ повытъ нѣту.

Прямиковъ. — Изрядно эту мнѣ ты шайку описалъ!

Какая сволочь!

Добровъ. — Я вамъ истину сказалъ;

Но Бога ради!..

Прямиковъ. — Будь, пожалуй, будь спокоенъ.

Но чѣмъ же мнѣ начать? Я право такъ ргзстроенъ.

Добровъ. — Изъ словъ, сударь, моихъ могли вы то понять,

Что не чѣмъ тутъ начать, какъ тѣмъ, что дать, да дать.

Прямиковъ (даетъ ему кошелекъ). —

Изволь тебѣ, мой другъ! такъ, какъ знакомцу древню..

Добровъ (не принимая). — Никакъ: благодарю. — Давно бы я
деревню.

Купилъ, когда-бъ такъ бралъ, какъ многіе берутъ,

Впредь до рѣшенья дѣлъ, за подлежащій трудъ.

Такихъ неправедныхъ нажитковъ я чуждаюсь;

Съ женой, съ дѣтьми трудомъ и правдою питаюсь.

А если правое чье дѣло верхъ беретъ,

И правый мнѣ за трудъ въ признательность даетъ,

То, признаюсь, беру. Мнѣ совѣсть не пеняетъ:

Я принимаю даръ; бездѣльникъ вынуждаетъ.

И не изъ ярыбыли я вамъ служить хотѣлъ;

Я ужъ сказалъ, сударь, я вашу хлѣбъ-соль ѣлъ.

Прямиковъ. — Ну! какъ же ты, мой другъ, совѣтъ мнѣ
предлагаешь,

Котораго ты самъ исполнить не желаешь?

Ты бѣдный человекъ, имѣешь малый чинъ;

Породы ты простой, не князь, не дворянинъ;

Ты дому моему уже служилъ довольно;

Но ты не взялъ, что я хотѣлъ дать добровольно.

А мнѣ совѣтуешь, чтобъ я пошелъ дарить,
Кого-жь? мнѣ равнаго! какъ можетъ это быть!
И какъ мнѣ смѣть его унижить, уничтожить!

Добровъ. — Не должно это васъ, повѣрьте мнѣ, тревожить.
До рода, до чиновъ, какая нужда тутъ!
Давайте тѣмъ, сударь, которые берутъ.

А чтобъ предохранить ихъ отъ уничтоженья,
То придержитесь вы только умноженья:
Чтобъ чина предъ другимъ вамъ не уничтожать,
То по чинамъ лишь имъ извольте прибавлять.

Прямиковъ. — Не сроденъ я, мой другъ, на этакія штуки.
Пускай подарками мой врагъ мараеъ руки.
Я мыслю, что мою тѣмъ правость помрачу,
Когда я за нее монетой заплачу.

Добровъ. — Вы слишкомъ пѣсенку поете намъ высоко;
А на Руси твердятъ: не всяко лыко въ строку.

Прямиковъ. — Но все я правдою привыкъ, мой другъ,
строчить.

Имѣнній могутъ всѣхъ они меня лишить,
Но не принудятъ ввѣкъ на подлость и пронырства.

Добровъ. — Что-жь вамъ отъ этого прибудетъ богатѣйства?

Прямиковъ. — Честь.

Добровъ. — Честь, сударь, не въ честь, какъ нечего съ ней
ѣсть!

Но надобно же вамъ подумать, какъ ни есть...

Прямиковъ. — Я думаю, я правъ.

Добровъ. — И неужель стоите

Упрямо въ томъ?

Прямиковъ. — Стою.

Добровъ. — И вы имъ не дадите?

Прямиковъ. — Ни шеляга не дамъ.

Добровъ. — Однако истецъ вашъ,

Я думаю, прислалъ тяжелый свой багажъ,
И подъ фортецію суда подкопъ ужъ роетъ.

Прямиковъ. — Пусть.

Добровъ. — Ну, а какъ онъ залпъ изъ кошелька откроетъ,
То праву вашему (свищетъ) на воздухъ гулять.

Прямиковъ. — Ну что жъ? хоть здѣсь они изволятъ сплутать,

То я Намѣстнику на нихъ подамъ прошенье.

Добровъ (закрывая рукой ротъ).

О Божѣ! положи устамъ моимъ храненье.

Но хоть подумайте, — и это, ей, не вздоръ: —

Что исполняется Палатскій приговоръ;

И что ощиплютъ васъ, какъ коршуны синицу;

А съ апелляціей, ужъ голой (свищетъ) дуй въ столицу.

Прямиковъ. — Нѣтъ: права моего ничто не помрачить.

Я не боюсь: законъ подпора мнѣ и щить.

Добровъ. — Ахъ! добрый господинъ, ей, ей! законы святы,
Но исполнители лихіе супостаты.

Законъ желаетъ намъ прямого всѣмъ добра;

Но мы хотя и всѣ изъ одного ребра.

Но не равно мы всѣ къ добру расположенны.

Въ Зерцало взглянь Судовъ: Петра черты священны
 Безмездно тамъ велятъ по истинѣ судить;
 Божественъ судъ таковъ! да гдѣ судей найтить?
 Законъ старается вселить въ насъ души новы,
 Навычки умягчить развратны и суровы,
 Ко безкорыстію желаніе вперить,
 И съ правдою судей сколь можно примирить;
 Наградю ихъ льстить и казнью угрожаетъ;
 Но противъ ябеды ничто не помогаетъ.
 Ея-то бойтесь вы, сударь, а то роса,
 Покуда солнышко взойдетъ, пробьетъ глаза;
 И чтобъ насущнаго вамъ хлѣба не лишиться,
 То должно съ ябедой¹⁾ какъ ни на есть сойтиться.

Прямиковъ. — Все такъ, мой другъ, но я изъ правилъ ужъ
 моихъ

Ни для какихъ причинъ не выйду ни на мигъ.
 И я рѣшилъ разъ: что скажешь, все пустое.

Добровъ. Но ...

Прямиковъ. — Перестань, прошу. Да это что такое?
 Судейскій красный столъ, мой другъ, я вижу здѣсь!

Добровъ. — Не знаю, какъ сказать: иль Ангель, или бѣсъ,
 Внявъ челобитчиковъ умильному моленью,
 Присутственны мѣста всѣ предалъ всесожженю;
 А какъ домовъ такихъ нельзя здѣсь вдругъ найтить,
 Гдѣ выгодно суды могли бы помѣстить,
 То Предсѣдатель нашъ въ свой домъ вмѣстилъ Палату,
 Съ казны за то себѣ приобрѣтая плату.

(Показывая, будто деньги считаетъ)

Прямиковъ. — Такъ мы нечаянно въ святыню забрели?

Добровъ. — Но святость, знать, въ ней спить; а день
 ужъ на земли.

Дивлюсь; для праздника хозяйска именинна,
 И для сговора...

Прямиковъ. — Чей сговоръ?

Добровъ. — У нихъ едина

Лишь дочь. Я слышалъ вскользь; таятъ.

Прямиковъ. — Да за кого?

Добровъ. — Не знаю истинно. Да вамъ что до того?

Прямиковъ. — Какъ что? но на тебя могу-ль я положиться?

Добровъ. — Я преданъ вамъ, сударь; нѣтъ нужды и божиться,
 Ужъ послѣ всѣхъ тѣхъ тайнъ, что вамъ...

Прямиковъ. — Такъ знай, мой другъ,
 Что страстью нѣжною пылаетъ къ ней мой духъ.

Но кто соперникъ мой?

Добровъ. — Таятъ, сударь, къ чемъ-та.

Да вотъ ея идетъ служанка къ намъ.

Явленіе II.

Прямиковъ, Добровъ и Анна.

Прямиковъ. — Анюта,

Ахъ какъ я радъ тебѣ!..

¹⁾ Ябеда — клевета, оговоръ, употребляется также и какъ имя собирательное: ябедники, сутяги, здѣсь — судьи.

Анна. — И я вамъ. Да отколь
Принесъ васъ Богъ?

Прямиковъ. — Пстой, и прежде мнѣ позволъ
Спросить, правдивъ ли слухъ по городу несется,
Что барышня твоя ужъ замужъ отдается?

Анна. — Что отдается, въ томъ, навѣрное, вамъ лгутъ:
Но то не солгано, сударь, что отдають.

Прямиковъ. — Скажи мнѣ искренно, скажи все, что ты знаешь;
Или и ты меня въ печали оставляешь?

Хоть словомъ успокой, Анютушка, меня.

Анна. — Да что мнѣ вамъ сказать?

Прямиковъ. — Скажи, любимъ ли я?

Анна. — Хотя и не совсѣмъ, сударь, вы правы сами;
Но правды потаить я не хочу предъ вами.
Васъ любятъ; но бѣда, что принуждаютъ насъ
Женою быть того, кто не похожъ на васъ.

Прямиковъ. — Ахъ Боже мой! поди-жъ, скажи ты ей, Анюта...

Анна. — Да вотъ она сама.

Явленіе III.

Софія, Прямиковъ, Анна и Добровъ.

Прямиковъ (цѣлуетъ у Софіи руку).
Счастливая минута!

Съ какою радостью я вижу васъ опять!

Софія. — Ахъ! да откуда вы?

Прямиковъ. — Могу-ль себя ласкать
Надеждой, что моей вы къ вамъ любви сердечной...

Софія. — Вы позабыли насъ!

Прямиковъ. — Ахъ! нѣтъ; я помнилъ вѣчно,
И вѣчно образъ вашъ въ душѣ моей...

Анна (къ Софіи). — Но вотъ.

Сюда вашъ батюшка, сударыня, идетъ.

Явленіе IV.

Тѣжъ и Кривосудовъ (предсѣдатель гражданской палаты).

Прямиковъ. (къ Кривосудову). — Позвольте вамъ, сударь!
отдать мое почтеніе.

Я Прямиковъ. Процессъ мой къ вамъ на разсмотрѣнне
Вступилъ. Я въ правости на вашъ надѣюсь судъ.

Кривосудовъ. — А! знаю... (къ Софіи)

А ты что, чего зѣваешь тутъ?..

Поди въ уборную: ты видишь, челобитчикъ.

(Софія и Анна уходятъ).

Явленіе V.

Кривосудовъ, Прямиковъ и Добровъ.

Прямиковъ. — Осмѣлюсь вамъ сказать...

Кривосудовъ. — А! Господинъ повытчикъ!

Добровъ. — Съ днемъ ангела, сударь, я поздравляю васъ.
Желаю новыхъ благъ на всякій день и часъ.

Кривосудовъ. — Благодарю, дружокъ.

Прямиковъ. — Я смѣлость принимаю . . .

О дѣлѣ вамъ моемъ . . .

Кривосудовъ. — Да я сказалъ, что знаю.

На долго ль въ городъ къ намъ?

Прямиковъ. — То должно вамъ рѣшить.

Кривосудовъ. — Мы рады гостю.

Прямиковъ. — И . . . безъ тяжбы здѣсь прожить

Я нѣсколько хотѣлъ. Позвольте мнѣ о дѣлѣ . . .

Кривосудовъ. — Разсмотримъ мы его на этой же недѣлѣ.

Прямиковъ. — Но я хотѣлъ, сударь, вамъ прежде
изъяснить . . .

Кривосудовъ. — Напрасно вы себя изволите трудить:

Мы дѣло на письмѣ увидѣть можемъ ясно;

И предувѣдомлять хотите вы напрасно.

Прямиковъ. — Однако я прошу . . .

Кривосудовъ. — Вамъ не о чемъ просить:

Мы по законамъ всѣ должны дѣла вершить.

Безъ просьбы оправдимъ, коль право ваше свято;

А сколько ни просить, коль дѣло плоховато . . .

Прямиковъ. — Не о потачкѣ я упрашивать хотѣлъ;

Безчестьемъ вамъ и мнѣ такую-бъ просьбу счелъ.

Но дѣло въ сторону; я къ вамъ имѣю нужду,

Процесса всякаго и всякой тяжбы чужду,

Важнѣйшую всего на свѣтѣ для меня.

Простите мнѣ, что вамъ откроюсь прямо я.

Вамъ домъ извѣстенъ мой, порода и помѣстья:

Я льшусь, сударь, что вамъ не сдѣлаю безчестья

И искренность моихъ поступковъ докажу,

Когда вамъ, какъ отцу, признательно скажу,

Что вашей дочери прелестной красотою

Плѣненъ смертельно я; что счастливой судьбою

Почту я сыномъ вамъ, а ей супругомъ быть.

Кривосудовъ. — Дочь! какъ? Гдѣ вы ее успѣли полюбить?

Прямиковъ. — Въ столицѣ, какъ она у тетюшки бывала,

Имѣлъ я счастье . . .

Кривосудовъ. — А тетка это знала?

Прямиковъ. — Я страсти передъ ней не думалъ и скрывать.

Кривосудовъ. — Она съ ума сошла! да какъ же такъ спус-
щать?

Прямиковъ. — Мнѣ странно: не уже-ль я этимъ васъ обижу?

Кривосудовъ. — Никакъ, но въ первый разъ я васъ сегодня
вижу.

Она же молода; у ней же есть и мать.

Прошу за честь сію спасибо васъ принять;

Однако же нельзя такъ скоро намъ рѣшиться.

Прямиковъ. — Я только лишь хотѣлъ объ этомъ изъясниться;

Узнать, могу-ль себя я хоть надеждой льстить.

Кривосудовъ. — На сей седмицѣ васъ почтимся мы рѣшить.

Прямиковъ. — Такъ вы даете мнѣ надежду, что я буду? . . .

Кривосудовъ. — Надѣйтесь, вашего я дѣла не забуду.

Прямиковъ. — Я съ восхищеньемъ васъ, сударь, благодарю.

Кривосудовъ. — Добро; явитесь лишь вы къ Секретарю.

Прямиковъ. — Зачѣмъ къ Секретарю?

Кривосудовъ. — Онъ силу въ дѣлѣ знаетъ.

Да, ба! Повытчикъ тутъ съ дѣлами ожидаетъ:

Мнѣ резолюцію на нихъ потребно дать.

(Береть бумаги).

Прямиковъ. — Позволите-ль мнѣ честь къ вамъ и впередъ
бывать?

Кривосудовъ. — Добро пожаловать. Я вашъ слуга покорный.
(Прямиковъ уходитъ).

Явленіе VI.

Кривосудовъ и Добровъ.

Кривосудовъ. — Вотъ на! какой вострякъ! о! да какой
проворный!

Лишь только на порогъ и къ дочкѣ ужъ успѣлъ!

Да какъ сестра моя?.. кто ей на шею сѣлъ?

Знать, что волочутся, и не сказать ни слова!

Добровъ. — Да можетъ быть, сударь, что женишка такова

Хотѣла приласкать. Вѣдь съ тысячью-то душъ

Красавецъ этакой хоть бы кому такъ мужъ.

Чинъ подполковничій; черезъ четыре года

Полкъ тысячный; а Богъ коли не дастъ похода,

То съ сихъ двухъ тысячъ душъ! — позвольте мнѣ сказать

Преданнѣйшу слугѣ, чѣмъ онъ и вамъ не зять?

Кривосудовъ. — Вотъ эти молодцы все вѣтеръ лишь го-
няють,

И родовыхъ наслѣдствъ беречь они не знаютъ;

А что и говорить о благонажитыхъ?

Кто первый захотѣлъ, тотъ и ощиплеть ихъ.

Не знаютъ, что за звѣрь экстрактъ и протоколы;

Лишь только разными языки и глаголы,

Съ своими-жъ Русскими, на площади, вездѣ,

Лепечуть; а языкъ прильпе ихъ на судѣ.

Ты знаешь, нажилъ я вѣдь лишь трудомъ и потомъ,

Ну, такъ не жаль ли, братъ, какъ въ прахъ пойдетъ все мотомъ?

Такого зятя я хочу себѣ найти,

Который бы умѣлъ къ нажитому нажить,

Да у меня и есть ужъ нѣкто на примѣтѣ.

(Кладетъ бумаги на столъ).

Добровъ (беретъ бумаги и подноситъ ему). —

Три дѣла тутъ, сударь, которы по помѣтѣ,

Ужъ болѣе трехъ лѣтъ не рѣшены лежатъ:

Пора бы кончить ихъ...

Кривосудовъ. — Да кто же виноватъ?

Лежатъ! — вотъ на! затѣмъ, что николи не ходятъ

Просители ко мнѣ.

Добровъ. — Да чай они и бродятъ

Подъ окнами, сударь; но чтобъ сюда прійтись,

Такъ не съ чѣмъ имъ...

Кривосудовъ. — Такъ что-жь? За ними мнѣ ходить
Прикажешь?

Добровъ. — Нѣтъ, сударь; но я за нихъ таскаюсь.
Ихъ правъ искъ: я нашель...

Кривосудовъ. — Такъ я и не мѣшаюсь;
Когда ты что нашель; находка предъ тобой.

Добровъ. — Что вотъ у этого послѣднею землей
Грабительски его сосѣди завладѣли,
И домъ зимой сожгли.

Кривосудовъ. — Хозяина, знать, грѣли.

Добровъ. — А бѣдныхъ сихъ дворянъ въ подушный всѣхъ
окладъ

Помѣщикъ записаль.

Кривосудовъ. — Я былъ бы очень радъ,
Когда-бъ въ крестьянску чернь, чтобъ носа не взносили,
Всѣхъ мелкотравчатыхъ дворянъ перекрестили.

Добровъ. — А этотъ, наконецъ, за поземельный споръ,
Обманомъ заведенъ къ помѣщику на дворъ,
Обруганъ тамъ, прибитъ; домой чуть дотащился,
И въ три дня отдалъ духъ.

Кривосудовъ. — Знать, дурно онъ лечился.

Добровъ (въ сторону). — Ну! вотъ и приговоръ!
(Вслухъ) Да что-жь хотъ первымъ двумъ?..

Кривосудовъ. — Да дѣла не могу рѣшить я на-обумъ:
Кто правъ, кто виноватъ, мнѣ это видѣть должно.

Добровъ. — Изъ дѣла...

Кривосудовъ. — Ничего увидѣть невозможно.

Добровъ. — Но внятно говорить тутъ письменный доводъ.

Кривосудовъ. — Потребенъ, слышишь ли? изустный пе-
реводъ.

Добровъ. — Но дѣло на письмѣ гласить довольно ясно.

Кривосудовъ (вырываетъ бумаги, бьетъ объ столъ и бросаетъ) —
Но дѣло на письмѣ, хотъ бей объ столъ, безгласно.

Да полно пустошью мнѣ голову ломать;

Поди: къ обѣднѣ мнѣ пора ужъ поспѣшать.

Добровъ (поднявши бумаги). — Хотъ взгляньте...

Кривосудовъ. — Охъ! поди, не говори мнѣ болѣ.

Добровъ. — При бѣломъ ихъ, сударь, принесь я протоколъ.

Лишь подписать.

Кривосудовъ. — Поди.

Добровъ. — Для ангела.

Кривосудовъ. — Поди.

Добровъ. — Для праздника.

Кривосудовъ. — Поди, поди и пропади.

(Выталкиваетъ вонъ).

Явленіе VII.

Кривосудовъ.

Кривосудовъ. — Тьфу! бѣшенный какой! чуть къ горлу
не придрался,
И съ челобитчикомъ скорѣе-бъ развязался!

„Лишь только подписать, готовъ и протоколъ“ (передразниваетъ).
 Нѣтъ, другъ мой, да и я, вѣдь, также не осель.
 Когда всѣ на голо подписывать я буду,
 То скоро работать (дѣлая будто жуешь) и челюстями забуду.
 Перо и то въ себя чернила, вѣдь, беретъ:
 Такъ мнѣ ли одному сидѣть разиня ротъ,
 И видя подъ носомъ летящихъ куропатокъ,
 Изъ сотни не схватить одну или десятокъ?
 Простъ былъ бы я и впрямь!

Явленіе VIII.

Кривосудовъ, Фекла (жена Кривосудова), Наумычъ (повѣренный Праволова), и Архипъ (слуга Праволова)
 (съ подарками въ корзинахъ).

Фекла. Вотъ милый муженекъ,
 Къ намъ Праволовъ прислалъ Наумыча.
 Кривосудовъ. (надѣвая перстни, шагу и проч.). — Дружокъ!
 Здорово. Господинъ каковъ твой?
 Наумычъ. — Васъ поздравить
 Велѣлъ съ днемъ ангела, и симъ . . . (показывая подарки).
 Фекла (Архипу). — Изволь поставить.
 Наумычъ. — Поклонъ вамъ отдаетъ.
 Кривосудовъ. — Благодари его;
 Но много такъ на что?
 Наумычъ. — И, сударь, ничего!
 Кривосудовъ. — Но, право, совѣстно.
 Наумычъ. — Домашне все, вѣдь, это.
 Фекла. — А намъ бы все платить наличною монетой.
 Наумычъ. — Не ужъ? сударыня!
 Кривосудовъ. — Не будетъ ли онъ къ намъ
 На дружескій обѣдъ?
 Наумычъ. — Когда угодно вамъ.
 Кривосудовъ. — Пожалуй, попроси.
 Фекла. — Мы будемъ дорогова
 Ждать гостя.
 Наумычъ. — Я скажу. — (Кривосудову).
 О дѣлъ я два слова
 Хотѣлъ промолвить вамъ. Соперникъ прибылъ нашъ . . .
 Кривосудовъ. — Онъ былъ ужъ у меня.
 Наумычъ (Феклѣ, разсматривающей и раскладывающей подарки) —
 Въ бутылкахъ эрмитажъ.
 Кривосудовъ. — Но я его оттеръ. О дѣлѣ небылицы
 Занесъ было, но я замялъ рѣчь.
 Наумычъ. (Феклѣ) — Фунтъ горчицы.
 Кривосудовъ. — И съ рукъ сжилъ.
 Наумычъ. — Сколько-жъ вамъ, мой господинъ, сударь,
 Обязанъ? (Феклѣ) На робронъ атласъ.
 Фекла. — Какой хабаръ!
 Кривосудовъ. — Но какъ онъ намекнулъ, то дѣло плоховато!
 Наумычъ. — Все ложно. (Феклѣ). На кафтанъ тутъ бархатецъ
 косматой.

(Кривосудову). И вы словамъ, сударь, не вѣрьте.

Кривосудовъ. — Ну, добро;

Посмотримъ.

Наумычъ. (Феклъ). — Флеръ цвѣтной невѣстѣ на фуру.

(Кривосудову, указывая на подарки).

На дѣлѣ мы сударь доказываемъ ясно.

Кривосудовъ. — Добро, добро.

Наумычъ (Феклъ). — За насъ словцо. Шампанско красно.

Кривосудовъ. — Уже посмотримъ.

Фекла. — Да, мой милый, посмотри:

Одной провизіи не съѣсть недѣли въ три.

Кривосудовъ (смотря на подарки). — Ба, ба! Что вижу впрямь!
да это дворъ гостиной!

Наумычъ. — Изволите шутить.

Фекла. (Наумычу). — Обернуто холстиной?

Наумычъ (Феклъ). — Швейцарской сыръ. (Кривосудову) Такъ мы
надѣмся на васъ?

Кривосудовъ. — Ну, кланяйся; добро.

Фекла. — Обѣдъ нашъ ровно въ часъ.

Наумычъ. — Навѣрно будемъ.

Фекла. — Ну, спасибо.

Кривосудовъ. — Ну! спасибо.

Фекла (проводя Наумыча). — Спасибо.

Наумычъ (возвратясь, Феклъ). Тамъ, въ сѣняхъ, въ кулькѣ про-
вѣсна рыба.

. . . . .

Дѣйствіе второе. Явленіе I.

Праволовъ и Наумычъ.

Праволовъ. — Ну, все-ль исправно ты спроворилъ по наказу?

Наумычъ. — Исполнилъ все, сударь по вашему приказу.

Праволовъ. — Подарки всѣмъ судьямъ изъ глаза ты на глазъ

Съ поклономъ отъ меня препоручилъ?

Наумычъ. — Какъ разъ.

Праволовъ. — И что они тебѣ на это отвѣчали?

Наумычъ. — Что по судейски имъ обыкновенно — взяли.

Праволовъ. — Навѣдался ли, гдѣ присталъ нашъ Прямиковъ?

Наумычъ. — Въ трактирѣ.

Праволовъ. — Хорошо. Подьячимъ тамъ пировъ

Пріятельскихъ давать нельзя ему: народу,

И день и цѣлу ночь, тамъ тьма безъ переводу.

Но для запаса ты приставилъ-ли дозоръ?

Наумычъ. — За пятьдесятъ алтынъ за нимъ слѣдить весь
дворъ.

Они по порядку перебираютъ всѣхъ судей и наконецъ заводятъ рѣчь о Кривосудовѣ. Въ его содѣйствіи Праволовъ не сомнѣвается:

Онъ тѣмъ охотнѣе рѣшится мнѣ помочь,

Что выдать за меня свою желаетъ дочь.

Наумычъ. — Но неужель и впрямь, сударь, на ней жениться?..

Праволовъ. — Я-бъ долженъ напередъ съ ума сойти, взбѣситься.
Возможно-ль дурочку, въ столицѣ лѣтъ съ шести
Преизбалованну почти до двадцати,

Которая приходъ съ расходомъ свестъ не знаетъ,
 Шьетъ, на Давыдовыхъ лишь гусяхъ повираетъ,
 Да по-французски вретъ, какъ сушій попугай,
 А по-природному ни здравствуй, ни прощай, —
 Возможно ли въ жену такую взять мнѣ дуру?
 Съ ней развѣ запереть себя навѣкъ въ конуру.
 Нѣтъ, тѣшатся пускай мать ея да отецъ;
 А я слуга ея, лишь дѣлу бы конецъ;
 Но до того манить мнѣ ихъ женитьбой надо.
 Вотъ на! забылъ: сюда, чай, Членовъ всѣхъ громада
 На именинный пиръ изволить навалить;
 Я всѣхъ ихъ наповалъ хочу перепойть.
 А чтобы не довести хозяевъ до убытковъ,
 Ступай, и разнаго запаса и напитковъ,
 Какъ за обѣдъ пойдемъ, сюда ты принеси;
 И самъ Секретаря усильно попроси,
 Чтобъ былъ онъ за меня съ хозяиномъ картежить;
 А проигрышъ его не долженъ ужъ тревожить.

Дѣйствіе четвертое. Явленіе III

Кривосудовъ, Фекла, Прямиковъ, Софія и Анна,

Прямиковъ. ... Простите мнѣ столь ранній мой приходъ . .
 Желанье вамъ служить меня, сударь, ведетъ,
 Все ваше позабывъ ко мнѣ жестокосердье,
 Я поспѣшаю вамъ на лестное усердье,
 Привязанность мою на дѣлѣ изъявигъ;
 И хоть васъ, можетъ быть, могу и огорчить
 Сей откровенностью; однако же рѣшилъ
 Сказать, что отъ друзей вчера я извѣстился
 О предстоящей вамъ опасности: Сенатъ
 По разнымъ жалобамъ на васъ вошелъ въ докладъ;
 И ежели сударь, умедлите взять мѣры,
 Тогда не хорошо . . .

Фекла (отпихивая Кривосудова). — Какія же химеры!
 Какіе пустяки! Отколь нанесъ вѣстей?
 И кто къ намъ въ домъ просилъ непрошенныхъ гостей?
 Невѣдь зачѣмъ, невѣдь откудова вернулся.
 Служивой, батюшка! иль ты ума рехнулся,
 Что съ вздоромъ такимъ втесался ты въ нашъ домъ?
 Отколь въ головушку твою такой содомъ,
 Сумбуръ и ералашъ вселился? мой родимой!
 Или нельзя воростъ проѣхать нашихъ мимо?
 Иль на тебя нашель благой не въ пору часъ?

Прямиковъ. — За искренность мою не ожидалъ отъ васъ...

Фекла. — Да съ искренностью сей тебя мы къ намъ не ждали.
 Съ чего тебѣ объ насъ вдругъ хлопоты припали?
 Откудова, Богъ вѣсть, зачѣмъ влетѣлъ въ Сенатъ;
 Отколь взялъ жалобы, куда вошелъ въ докладъ;
 Какія мѣры брать, аршинны иль саженны?
 (Размахнувъ руками)

Пряниковъ. — Напрасно на меня вы столько раздраженны, Я мнилъ . . .

Фекла. — Пожалуй, ты сударь, что хочешь мни, Но съ дрянью къ намъ такой впередъ не загляни.

Кривосудовъ — (къ Феклѣ, становясь между ею и Пряниковымъ). — Но, милый мой дружокъ, престань же горячиться, И дай порядочно безъ жару мнѣ спроситься . . .

Фекла. — (отпихивая Кривосудова). — О чемъ тутъ спрашивать? вѣдь тутъ одинъ разспросъ, Одинъ допросъ: зачѣмъ въ нашъ домъ Господь занесъ?

Пряниковъ. — Для вашей пользы я . . .

Фекла. — Трудился бесполезно.

Пряниковъ. — Любя вашъ домъ . . .

Фекла. — Прошу такъ не любить любезно.

Кривосудовъ (становясь между Феклою и Пряниковымъ). — Но дай, жена. Хоть словъ . . .

Фекла — (отпихивая Кривосудова). — Да что ужъ тутъ болтать? Пожаловать къ намъ въ домъ затѣмъ, чтобъ насъ ругать!

Пряниковъ. — Возможно-ль мнѣ ругать!

Фекла. — Да какъ же не ругаешь?

И жалобами намъ и всѣмъ ты попрекаешь.

Какія жалобы? и жаловался кто?

Когда, какъ, почему, кому, гдѣ, и за что?

Пряниковъ. — Когда изволите, я покажу вамъ ясно . . .

Фекла. — Показывать ты мнѣ изволишь тутъ напрасно,

Гдѣ нечего, хоть будь указка, показать?

Да что противу насъ кто можетъ доказать?

Кого мы безъ суда имѣнія лишили?

Кого не по словамъ закона разорили?

Кого?

Кривосудовъ. — (становясь между Феклою и Пряниковымъ). —

Позволь, жена, мнѣ только слова три . . .

Фекла — (отпихивая Кривосудова). — Въ дому лихъ я вольна; въ судѣ ты, знай, смотри.

Пряниковъ. — Но я . . .

Фекла. — Но ты? кто ты? голубчикъ! я не знаю,

Не знала и впередъ знать вѣчно не желаю.

Пріѣхаль клеветать!

Софія. — Ахъ! нѣтъ; не клеветать!

Онъ, матушка!..

Фекла. — Что? что? тебѣ какая статья,

Безумная! въ дѣла стороннія мѣшаться,

За незнакомаго противъ меня вступаться?

Вотъ по-заморскому намъ воспитали дурь!

Ты-бъ знала свой филе вязать, строчить тамбурь,

Стучать на кляузахъ ¹⁾, иль гарпой утѣшаться,

А не туда, куда не вѣдаешь, мѣшаться.

Подъ-жъ, безумная! въ каморку уплетись;

И слышь, мнѣ на глаза день цѣлый не кажись.

(Софія уходитъ)

Анна (къ Феклѣ). — Напрасно на нее . . .

Фекла. — И ты туда-жъ, скотина!

¹⁾ Такъ она называетъ клавикорды.

Знать, около ушей свербитъ твоя личина.
 Я всею пятерней ее пощекочу;
 И скверной твой языкъ тотчасъ укорочу.
 Негодна! сгибни въ мигъ за барышней твоею;
 Или — ты слышала? я всею пятернею . . .

(Анна уходитъ бѣгомъ)

Прямиковъ. — Мнѣ жаль, сударыня!

Фекла. — И мнѣ, сударикъ, жаль;

Что въ домъ нашъ суется незванна всяка шваль,

Затѣмъ, чтобъ этаки намъ причинять досады.

Прямиковъ. — Такъ я оставлю васъ.

(Уходитъ)

Фекла. — Весьма мы будемъ рады.

Все кончается благополучно. Изъ Сената приходитъ распоряженіе отдать Праволова подъ судъ. Кривосудовъ и прочіе судьи, покрывавшіе продѣлки Праволова, также привлекаются къ отвѣтственности. Прямиковъ возобновляетъ свое предложеніе и родители на сей разъ принимаютъ его, надѣясь найти въ немъ защитника.

ОТДѢЛЪ VI.

КАРАМЗИНЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

I. Человѣкъ всесторонняго образованія, знатокъ европейской литературы, даровитый писатель, Николай Михайловичъ Карамзинъ (1766—1826) пользовался, среди просвѣщенныхъ людей конца 18 — начала 19 вѣка, исключительнымъ вліяніемъ. Подобно большинству образованныхъ людей того времени, Карамзинъ былъ „чувствительнымъ человѣкомъ“, какъ тогда говорили. Подъ „чувствительностью“ разумѣлась способность сочувственнаго отношенія къ дѣйствительности, умѣніе увидѣть цѣнное, достойное вниманія въ самыхъ скромныхъ проявленіяхъ жизни, — жизни людей, какъ и жизни природы; тогда какъ раньше сочувственный интересъ, „восторгъ“, возбуждало только „высокое“, величественное, рѣдкое, ко всему-же остальному относились съ равнодушьемъ или насмѣшкой. „Чувствительный человѣкъ“ участливо относился къ простому народу (Новиковъ, Радищевъ) и даже считалъ, что простолюдины чище нравами, сердечнѣе образованныхъ людей. Чувствительность Карамзина этимъ не исчерпывалась: одною изъ чертъ ея у него было то, что онъ живо интересовался чужой культурой, чужими нравами, обычаями, былъ способенъ увлекаться произведеніями искусствъ и литературы, стоявшими далеко отъ тогдашнихъ вкусовъ и художественныхъ требованій, — если они говорили его сердцу; ничего не считалъ для себя чужимъ; былъ свободенъ отъ всякаго рода предубѣжденій. Первое крупное произведеніе Карамзина — и самое удачное — Письма русскаго путешественника — описаніе его заграничной поѣздки въ 1789—90 гг. (1-ое изд.—1792). Письма эти фиктивны. Но, пиша ихъ, Карамзинъ дѣйствительно какъ бы мысленно обращался къ своимъ друзьямъ. Въ томъ же году вышла его повѣсть Бѣдная Лиза. Это было первое русское художественное произведеніе въ прозѣ, стоявшее на уровнѣ тѣхъ иностранныхъ романовъ, поддѣлки подъ которыхъ писались до Карамзина. Оба эти произведенія произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на современниковъ и вызвали рядъ подражаній. „Чувствительное“ направленіе (сентиментализмъ), проникшее въ литературу уже раньше, стало, благодаря Карамзину, господствующимъ.

Изъ Писемъ русскаго путешественника.

Тверь, 18 Маія 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но — когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ — на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои — на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце — на готическій ¹⁾ домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ, и взяли опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! — Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ занею заплатятъ.

Милый Птрв. провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; — тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: прости! Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались . . . и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? — Есть ли бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливейшимъ изъ смертныхъ! . . .

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ карикатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, выплакать сердце свое. Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ . . . Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

¹⁾ „Готическій“ у Карамзина значитъ просто — старинный.

Дрезденъ, іюля 12, въ 10 часовъ вечера.

Послѣ обѣда былъ я въ гостяхъ у нашего молодого Священника, гдѣ познакомился еще съ Секретаремъ нашего Министра; а оттуда пошелъ одинъ гулять за городъ, въ такъ называемый большой садъ. Длинная аллея вывела меня на обширный зеленый лугъ. Тутъ на лѣвой сторонѣ представилась мнѣ Эльба и цѣпь высокихъ холмовъ, покрытыхъ лѣскомъ, изъ за-котораго выставляются кровли разсѣянныхъ домиковъ и шпицы башенъ. На правой сторонѣ поля, обогащенная плодами; вездѣ вокругъ меня разстилались зеленые ковры, усѣянные цвѣтами. Вечернее солнце кроткими лучами своими освѣщало сію прекрасную картину. Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и — даже плакалъ: что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело! Вынулъ бумагу, карандашъ; написалъ: любезная Природа! и болѣе ни слова!! Но едва ли когда-нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть счастливыми; и едва ли когда-нибудь въ сердцѣ своемъ былъ такъ добрѣ и такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ Самой Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей.

А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія буду вспоминать прошедшее!

Мейсенъ, іюля 13

Я рѣшился нынѣ поутру ѣхать въ Лейпцигъ въ публичной почтовой коляскѣ (которая называется желтою, Gelbe Kutsche, для того что обита желтымъ сукномъ). Въ десять часовъ надлежало намъ отправиться. Отдавъ свой чемоданъ шафнеру (такъ называется въ Саксоніи проводникъ почты), и сказавъ ему, что буду дожидаться коляски на дорогѣ, пошелъ я изъ Дрездена пѣшкомъ въ 9 часовъ утра. Наемный слуга согласился за нѣсколько грошей быть моимъ путеводителемъ.

Скорыми шагами вышелъ я изъ города; но вышедши, почти на каждомъ шагу останавливался и любовался прекрасною Натурою и плодами трудолюбія. Дорога идетъ вдоль по берегу Эльбы. На лѣвой сторонѣ за рѣкою видны горы, покрытыя частымъ зеленымъ березникомъ и ольхами; а на правой плодородная равнина съ полями и деревеньками, которую въ отдаленіи ограничиваютъ виноградные сады.

Какъ ясно было небо, такъ ясна была душа моя. Я видѣлъ вездѣ благоденствіе, счастье и миръ. Птички, которыя порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, изображали для меня веселье и безпечность. Онѣ чувствуютъ бытіе свое, и наслаждаются имъ! Каждый поселянинъ, идущій по лугу, казался мнѣ благополучнымъ смертнымъ, имѣющимъ съ избыткомъ все то, что потребно человѣку. Онъ здоровъ трудами — думалъ я — веселъ и счастливъ въ часъ отдохновенія, будучи окруженъ мирнымъ семействомъ, сидя подлѣ вѣрной своей жены, и смотря на играющихъ дѣтей. Всѣ его желанія, всѣ его надежды ограничиваются обширностію его полей; цвѣтутъ

поля, цвѣтеть душа его. Молодая крестьянка съ посошкомъ была для меня Аркаскою пастушкою. Она спѣшитъ къ своему пастуху, — думаль я, который ожидаетъ ее подь тѣнію каштановаго дерева, — тамъ на правой сторонѣ, близь виноградныхъ садовъ. Онъ чувствуетъ Электрическое потрясеніе въ сердцѣ, встаетъ и видитъ любезную, которая издали грозитъ ему посошкомъ своимъ. Какъ-же бѣжитъ онъ на встрѣчу къ ней! Пастушка улыбається; идетъ скорѣе, скорѣе — и бросается въ отверстыя объятія милаго своего пастуха. Потомъ видѣлъ я ихъ (разумѣется, мысленно) сидящихъ другъ подлѣ друга въ сѣни каштановаго дерева. Они цѣловались какъ нѣжныя горлицы.

Веймаръ, іюля 20.

. . . . .

Мѣстоположеніе Веймара изрядно. Окрестныя деревеньки съ полями и рощицами составляютъ пріятный видъ. Городъ очень не великъ, и кромѣ Герцогскаго дворца не найдешь здѣсь ни одного огромнаго дома. — У городскихъ воротъ меня допрашивали; послѣ чего предложилъ я караульному сержанту свои вопросы, а именно: „Здѣсь ли Виландъ? здѣсь ли Гердеръ? здѣсь ли Гете?“¹⁾ Здѣсь, здѣсь, здѣсь, отвѣчалъ онъ — и я велѣлъ постиліону везти себя въ трактиръ Слона.

Наемный слуга немедленно былъ отправленъ мною къ Виланду, спросить, дома ли онъ? Нѣтъ, онъ во дворцѣ. — Дома ли Гердеръ? Нѣтъ, онъ во дворцѣ. — Дома ли Гете? Нѣтъ, онъ во дворцѣ.

Во дворцѣ! во дворцѣ! повторилъ я, передразнивая слугу, — взялъ трость и пошелъ въ садъ. Большой зеленый лугъ, обсаженный деревьями и называемый звѣздою, мнѣ очень полюбился; но еще болѣе полюбились мнѣ дикіе, мрачные берега стремительно текущаго ручья, подь шумомъ котораго, сѣвъ на мшистомъ камнѣ, прочиталъ я первую книгу Фингала. — Люди, которые встрѣчались мнѣ въ саду, глядѣли на меня съ такимъ любопытствомъ, съ какимъ не смотрятъ на людей въ большихъ городахъ, гдѣ на всякомъ шагу встрѣчаются незнакомыя лица.

Узнавъ, что Гердеръ наконецъ дома, пошелъ я къ нему²⁾.

. . . . .

¹⁾ Герцогъ Веймарскій былъ покровителемъ дѣятелей просвѣщенія въ Германіи и приблизилъ ихъ къ себѣ.

²⁾ Гердеръ — философъ, историкъ культуры, одинъ изъ первыхъ отрѣшившійся отъ общепринятаго въ 18 в. взгляда, что истинная образованность и правильный художественный вкусъ существовали только у народовъ классической древности, затѣмъ въ Италіи въ эпоху Возрожденія и, наконецъ, въ нынѣшнее время — въ особенности во Франціи; что только эти культуры заслуживаютъ названія образцовыхъ („классическихъ“). Гердеръ выяснилъ художественную цѣнность средне-вѣковой поэзіи и положилъ конецъ высокомѣрному отношенію къ тѣмъ эпохамъ исторіи человѣчества, которыя почитались „варварскими“. Онъ доказывалъ, что нѣтъ общихъ мѣрокъ Прекраснаго и что искусство каждаго народа имѣетъ свою собственную цѣнность. Каждый народъ, въ каждый періодъ своего существованія, по своему принимаетъ участіе въ общемъ духовномъ прогрессѣ человѣчества; истинно просвѣщенный чело-вѣкъ тотъ, кто въ состояніи цѣнить каждую культуру въ томъ, что въ ней самобытно и своеобразно.

Онъ встрѣтилъ меня еще въ сѣняхъ, и обошелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго Автора, а видѣлъ передъ собою только любезнаго, привѣтливаго человѣка. Онъ спрашивалъ меня о политическомъ состояніи Россіи, но съ отмѣнною скромностію. Потомъ разговоръ обратился на Литературу, и слыша отъ меня, что я люблю Нѣмецкихъ поэтовъ, спросилъ онъ, кого изъ нихъ предпочитаю всѣмъ другимъ? Сей вопросъ привелъ меня въ затрудненіе. Клопштока, отвѣчалъ я запинаясь, почитаю самымъ выспреннымъ изъ Пѣвцовъ Германскихъ. „И справедливо, сказалъ Гердеръ: только его читаютъ менѣе, нежели другихъ, и я знаю многихъ, которые въ Мессіадѣ на десятой пѣснѣ остановились съ тѣмъ, чтобъ уже никогда не приниматься за эту славную поэму“. Онъ хвалилъ Виланду, и особливо Гете и велѣлъ маленькому своему сыну принести новое изданіе его сочиненій, читалъ мнѣ съ живостію нѣкоторыя изъ его прекрасныхъ мелкихъ стихотвореній. Особенно нравится ему маленькая пѣса подъ именемъ *Meine Göttin*.

. . . „Это совершенно по-гречески, сказалъ онъ, — и какой языкъ! какая чистота!“ — Гердеръ, Гете и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ Грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ Греческимъ и сдѣлать его самымъ богатымъ и для Поэзій удобнѣйшимъ языкомъ; и потому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ Греческаго, какими обогатили нынѣ Нѣмцы свою Литературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискуственная, благородная простота въ языкѣ, которая была душою древнихъ временъ, когда Царевны ходили по воду и Цари знали счетъ своимъ баранамъ. Гердеръ любезный человѣкъ, друзья мои. Я простился съ нимъ до завтрашняго дня.

Юля 21.

Въ 9 часовъ вечера. Я пришелъ къ Виланду въ назначенное время. Маленькія прекрасныя дѣти его окружили меня на крыльцѣ. Батюшка васъ дожидается, сказалъ одинъ. Подите къ нему, сказали двое вмѣстѣ. Мы васъ проводимъ, сказалъ четвертый. Я ихъ вмѣстѣ перецѣловалъ и пошелъ къ ихъ батюшкѣ.

Простите, сказалъ, вошедши, естли давешнее мое посѣщеніе было для васъ не совсѣмъ пріятно ¹⁾. Надѣюсь, что вы не сочтете наглостію того, что было дѣйствіемъ энтузіазма, произведеннаго во мнѣ вашими прекрасными сочиненіями. „Вы не имѣете нужды извиняться, отвѣчалъ онъ: я радъ что этотъ жаръ къ Поэзій такъ далеко распространяется, тогда какъ онъ въ Германіи пропадаетъ“. Тутъ сѣли мы на канапе. Начался разговоръ, который минута отъ минуты становился живѣе и для меня занимательнѣе. Говоря о любви своей къ поэзій, сказалъ онъ: „Естли бы Судьба опредѣлила мнѣ жить на пустомъ островѣ, то я написалъ бы все то же, и съ такимъ же стараніемъ выработывалъ бы свои произведенія, думая, что Музы слушаютъ мои пѣсни.“ Онъ желалъ знать, пишу ли я, и не переве-

¹⁾ Виландъ, знаменитый поэтъ, былъ озадаченъ появленіемъ гостя изъ далекой Россіи и его пріемъ, въ первое посѣщеніе его Карамзинымъ, смутилъ послѣдняго. Затѣмъ онъ понялъ, что Карамзинымъ руководило не просто праздное любопытство и пригласилъ его къ себѣ.

дено ли что нибудь изъ моихъ бездѣлокъ на нѣмецкой. Я сыскалъ въ записной своей книжкѣ переводъ Печальной весны. Прочитавъ сказалъ онъ: „Жалѣю, естли вы часто бываете въ такомъ расположеніи, какое здѣсь описано. Скажите, — потому что теперь вы вселили въ меня желаніе узнать васъ короче — скажите, что у васъ въ виду? — Тихая жизнь, отвѣчалъ я. Окончивъ свое путешествіе, которое предпринялъ единственно для того, чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, буду жить въ мирѣ съ Натурою и съ добрыми, любить изящное и наслаждаться имъ. — „Кто любитъ Музъ и любимъ ими, сказалъ Виландъ, тотъ въ самомъ уединеніи не будетъ празденъ, и всегда найдеть для себя пріятное дѣло. Онъ носитъ въ себѣ источникъ удовольствія, творческую силу свою, которая дѣлаетъ его счастливымъ“.

Въ каретѣ дорогою.

Уже я наслаждаюсь Швейцарією, милые друзья мои! Всякое дуновение вѣтерка проникаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущей берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Счастливые Швейцары! всякой ли день, всякой-ли часъ благодарите вы Небо за свое счастье, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу¹⁾ не возмущаемую свирѣпыми страстями. Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! естли бы теперь, въ сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастью: что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой, когда сердце мое отвергается впечатлѣніемъ красотъ Природы, чувствую я то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостью, естли бы Она съ которой-нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, естли я когда нибудь какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропталъ на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!...

¹⁾ Читатель, можетъ быть, вспомнить о стрѣлахъ Апполоновыхъ, которыя кротко умерщвляли смертныхъ. Греки въ мифахъ своихъ предали нами памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствию вѣчно юнаго Аполлона, въ которомъ Древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности? (Прим. Карамзина).

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, по травляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ винограднымъ стеблемъ, смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибается за нами хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины. Нѣтъ я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

Парижъ, апрѣля . . . 1790.

Говорить ли о Французской революціи? Вы читаете газеты: слѣдственно происшествія вамъ извѣстны. Можно ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время отъ зефирныхъ Французовъ, которые славились своею любезностію, и пѣли съ восторгомъ отъ Кале до Марсели, отъ Перпиньяна до Страсбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi . . .
Для любезнаго народа
Счастье добрый Государь?

Не думайте однакожъ, чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая играется нынѣ во Франціи. Едва ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, судятъ, спорятъ, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потеряется нечего, дерзки какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки какъ зайцы; одни хотятъ все отнять, другіе хотятъ спасти что нибудь. Оборонительная война съ наглымъ непріателемъ рѣдко бываетъ счастлива. Исторія не кончилась; но по сіе время Французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками Трона.

Съ 14 іюля всѣ твердятъ во Франціи объ Аристократахъ и Демократахъ; хвалятъ и бранятъ другъ друга сими именами, по большей части не зная ихъ смысла. Судите о народномъ невѣжествѣ по слѣдующему анекдоту:

Въ одной деревенькѣ близъ Парижа крестьяне остановили молодого, хорошо одѣтого человѣка, и требовали, чтобы онъ кричалъ съ ними: *vive la nation!* да здравствуетъ нація! Молодой человѣкъ исполнилъ ихъ волю; махалъ шляпою и кричалъ: *vive la nation!* Хорошо! Хорошо! сказали они: мы довольны. Ты добрый Французъ; ступай куда хочешь. Нѣтъ, стой: изъясни намъ прежде, что такое... нація?

Разсказываютъ, что маленькій Дофинъ, играя съ своею бѣлкой, щелкаетъ ее по носу и говоритъ: ты Аристократъ, великой Аристократъ, бѣлка! Любезный младенецъ, безпрестанно слыша это слово, затвердилъ его.

Одинъ Маркизь, который былъ нѣкогда осыпанъ Королевскими милостями, играетъ теперь не послѣднюю роль между непріателями Двора. Нѣкоторые изъ прежнихъ его друзей изъяснили ему свое негодование. Онъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ имъ: *que faire? j'aime les te-te-troubles!* что дѣлать? я люблю мяте-те-жи Маркизь заика.

Но читалъ ли Маркизь исторію Греціи и Рима? помнитъ ли цыкуту и скалу Тарпейскую? Народъ есть острое желѣзо, которымъ играть оласно, а революція отверстый гробъ для добродѣтели и — самаго злодѣйства.

Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святиня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. Утопія ¹⁾ будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастья добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ золотой, и во всякомъ правленіи челоуѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно конечно имѣетъ Свой планъ; въ его рукѣ сердца Государей — и довольно.

Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ оласность всякой перемѣны, и живутъ тихо. Французская Монархія производила великихъ Государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ: подъ ея мирною сѣнію возростали науки и художества, жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей; бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ . . . Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное дерево, говоря: мы лучше сдѣлаемъ!

Новые Республиканцы съ порочными сердцами, разверните Плутарха, и вы услышите отъ древняго, величайшаго, добродѣтельнаго Республиканца, Катона, что безначаліе хуже всякой власти!

Парижъ, Маія . . . 1790.

(посѣщеніе Академіи Надписей и Словесности).

. . . . .

Тутъ же узналъ Левека, Автора Россійской Исторіи, которая хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожъ лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской Исторіи, то есть писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы! Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ ²⁾.

. . . . .

Левекъ, какъ писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ, соображаетъ довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не

¹⁾ Или царство счастья, сочиненія Моруса (прим. Карамзина).

²⁾ Задача, которую Карамзинъ выполнилъ вполнѣ, написавъ Исторію Государства Россійскаго.

живы; слогъ правильный, логическій, но не быстрый. Къ тому же: Россія не мать ему; не наша кровь течеть въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о Русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Русской? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго (естли посредственный Французскій Писатель можетъ унижить нашего славнаго Монарха) говоря: Его, можетъ быть, по справедливости не хотятъ назвать великимъ умомъ! ибо онъ, желая образовать народъ свой, только что подражалъ другимъ народамъ Я слыхалъ такое мнѣніе даже отъ Русскихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сускано? Лучше ли бѣ было Русскимъ не строить кораблей, не образовывать регулярнаго войска, не заводить Академій, фабрикъ, для того, что все это не Русскими выдуманно? Какой народъ не перенималъ у другого? и не должно ли сравняться, чтобы превзойти? „Однакожь, говорятъ, на что подражать рабски? на что перенимать вещи, совсѣмъ ненужныя?“ Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье не ловко, мѣшаетъ ходить... „Но въ немъ теплѣ!“... У насъ есть шубы... „За чѣмъ же имъ имѣть два платья?“... За тѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить ее то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильной жарѣ? сколько неудобности и зимою носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки? Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лицо? Избирать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтити умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ обявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому Русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Естли бы Петръ родился Государемъ какого нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже Искусства и Науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ Русской, онъ долженъ былъ разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: „смотрите; сравняйтесь съ нами, и потомъ. естли можете, превзойдите ихъ!“ Нѣмцы, Французы, Англичане были впереди Русскихъ по крайней мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи Русскаго характера, о потерѣ Русской нравственной физиогноміи, или не что иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размысленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность.

скака были ихъ долею въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ! Еще другое странное мнѣніе. Il est probable, говоритъ Левекъ, que si Pierre n'avait pas régné, les Russes seraient aujourd'hui ce qu'ils sont; то есть: хотя бы Петръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ? сами собою? но сколько трудовъ стоило Монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ. Слѣдственно Русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ, но не имѣли никакого вліянія на Русскихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе франты, катались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная дѣятельная воля и безпредѣльная власть Царя Русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемѣну. Собщеніе наше съ другими Европейскими землями было очень не свободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію только слабо; и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли сдѣлалось бы то, что Государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться.

.....

Эрменонвиль.

Версть тридцать отъ Парижа до Эрменовиля: тамъ Руссо, жертва страстей, чувствительности, пылкаго воображенія, злобы людей и своей подозрительности, заключилъ бурный день жизни тихимъ, яснымъ вечеромъ; тамъ послѣднее дѣло его было — благодѣяніе, послѣднее слово — хвала Природѣ; тамъ въ мирной сѣни высокихъ деревьевъ, дружбою насажденныхъ, покоится прахъ... Туда спѣшать добрые странники, видѣть мѣста, освященныя невидимымъ присутствіемъ Генія, — ходить по тропинкамъ, на которыхъ слѣдъ Руссовой ноги изображался, дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ нѣкогда онъ дышалъ и нѣжною слезою меланхоліи оросить его гробницу.

Эрменонвиль былъ прежде затемняемъ дремучимъ лѣсомъ, окружень болотами, глубокими и безплодными песками; однимъ словомъ, былъ дикою пустынею. Но человѣкъ, богатый и деньгами и вкусомъ, купилъ его; отдѣлалъ — и дикая, лѣсная пустыня обратилась въ прелестный Англійскій садъ, въ живописные ландшафты, въ Пуссеневу картину.

.....

Прежде всего поведу васъ къ двумъ деревьямъ, которыя сплелись вѣтвями, и на которыхъ рукою Жанъ-Жака вырѣзаны слова: любовь все соединяетъ. Руссо любилъ отдыхать подъ ихъ сѣнію, на деревянномъ канапѣ, имъ самимъ сдѣланномъ. Тутъ разсѣяны знаки пастушеской жизни; на вѣтвяхъ висятъ свирѣли, посохи, вѣнки, и на дикомъ монументѣ изображены имена сельскихъ пѣвцовъ; Теокрита, Виргилія, Томсона.

На высококомъ пригоркѣ видите храмъ — новой Философіи, который своею архитектурою напоминаетъ развалины Сибиллина храма въ Тиволи. Онъ не достроенъ; матеріалы готовы, но предразсудки мѣшаютъ совершить зданіе. На колоннахъ вырѣзаны имена главныхъ Архитекторовъ, съ обозначеніемъ того, что каждый изъ нихъ обработывалъ по своему таланту. Напримѣръ:

J. J. Rousseau — Naturam (Природу).

Montesquieu — Justitiam (Правосудіе).

W. Penn — Humanitatem (Человѣчество).

Voltaire — Ridiculum (смѣшное).

Descartes — nil in rebus inane (нѣтъ въ вещахъ пустого).

Newton — lucem (свѣтъ).

Внутри написано, что сей недостроенный храмъ посвященъ Монтаню ¹⁾; надъ входомъ: познавай причину вещей; а на столпѣ: кто довершить? Многие писали отвѣтъ на колоннахъ. Они думаютъ, что несовершенный умъ человѣческій не можетъ произвести ничего совершеннаго; другіе надѣются, что разумъ въ школѣ возмужаетъ, побѣдить всѣ затрудненія, докончить свое дѣло и воцарить истину на земномъ шарѣ.

Видъ, который открывается съ вершины пригорка, веселитъ глаза и душу. Кристальная вода, нѣжная зелень луговъ, густая зелень лѣса, представляютъ разнообразную игру тѣней и свѣта.

Уныло журчащій ручеекъ ведетъ насъ, мимо дикихъ гротовъ, къ алтарю задумчивости. Далѣе, въ лѣсу, находите мшистый камень съ надписью: здѣсь погребены кости несчастныхъ, убитыхъ во времена суевѣрія, когда братъ возставалъ на брата, гражданинъ на гражданина, за несогласное мнѣніе о Религіи. На дверяхъ маленькой хижины, которая должна быть жилищемъ отшельника, видите надпись:

Здѣсь поклоняются Творцу

Природы дивныя и нашему Отцу.

Перейдите черезъ большую дорогу, и невольный ужасъ овладѣетъ вашимъ сердцемъ: мрачныя сосны, печальные кедры, дикія скалы, глубокой песочекъ, являютъ вамъ картину Сибирской пустыни. Новы скоро примиритесь съ нею . . . На хижинѣ, покрытой сосновыми вѣтвями, написано: Царю хорошо въ своемъ дворцѣ, а лѣснику въ своемъ шалашѣ; всякой у себя господинъ; а на древнемъ, густомъ вязѣ:

Подъ сѣнію его я съ милой изъяснился;

Подъ сѣнію его узналъ, что я любимъ!

Слѣдственно и въ дикой пустынѣ можно быть счастливымъ! Во внутренности каменнаго утеса найдете гротъ Жанъ-Жака Руссо, съ надписью: Жанъ-Жакъ безсмертенъ. Тутъ, между многими девизами и титуломъ ²⁾ всѣхъ его сочиненій, вырѣзано прекрасное изреченіе Женеваго Гражданина: ³⁾ Тотъ единственно можетъ быть свободенъ, кому для исполненія воли своей не надобно приставлять къ своимъ рукамъ чужихъ ⁴⁾. Идите далѣе, и дикость вокругъ васъ мало по ма-

¹⁾ Франц. писатель 16 в., одинъ изъ первыхъ представителей свѣтской философіи.

²⁾ Перечнемъ заглавій.

³⁾ Такъ всегда именовалъ себя самъ Руссо, гордившійся тѣмъ, что онъ уроженецъ и гражданинъ республиканскаго государства.

⁴⁾ Короче: „кто не имѣетъ нужды въ чужихъ рукахъ“; но не такъ живописно (прим. Карамзина).

лу исчезаетъ; зеленая мурава, скалы покрытыя можжевелникомъ, шумящiе водопады, напоминаютъ вамъ Швейцарiю, Мельере и Кларанъ; вы ищите глазами Юліина имени и видите его на камняхъ и деревьяхъ ¹⁾).

Отъ всѣхъ Эрменонвильскихъ домиковъ, живописно разсѣянныхъ по лугу, отличается тотъ, который строенъ былъ для Жанъ-Жака, но достроенъ уже по смерти его: самый сельской и прiятный! Подлѣ садикъ, огородъ; лужокъ, орошаемый ручейкомъ; густыя деревья; мостикъ, примкнутый къ двумъ большимъ вязамъ, и маленькой жертвенникъ, съ надписью:

A l'amitié, le baume de la vie.
Дружбѣ, бальзаму жизни.

Подъ сѣнiю одного дерева стоитъ канапе, съ надписью:

Жанъ Жакъ любилъ здѣсь отдыхать,
Смотрѣть на зелень дерна
Бросать для птичекъ зерна,
И съ нашими дѣтьми играть.

Руссо переѣхалъ въ Эрменонвиль 20 мая 1778, а умеръ 2 iюля: слѣдственно не долго наслаждался онъ здѣшнимъ тихимъ уединенiемъ: успѣлъ только ласкою, обходительностию снискать любовь Эрменонвильскихъ жителей, которые по сіе время не могутъ безъ слезъ говорить объ немъ. Свѣтъ, Литература, слава, все ему наскучило; одна Природа сохранила до конца милья права свои на его сердце и чувствительность. Въ Эрменонвилѣ рука Жанъ Жакова не бралась за перо, а только подавала милостыню бѣднымъ. Лучшее его удовольствiе состояло въ прогулкахъ, въ дружескихъ разговорахъ съ земледѣльцами и въ невинныхъ играхъ съ дѣтьми. За день до смерти своей онъ ходилъ еще собирать травы; 2 iюля, въ 7 часовъ утра, вдругъ почувствовалъ слабость и дурноту; велѣлъ своей Терезѣ растворить окно, взглянулъ на лугъ, сказалъ: *comme la Nature est belle!* и закрылъ глаза навѣки... Человѣкъ рѣдкій, Авторъ единственный; пылкій въ страстяхъ и въ слогѣ, убѣдительный въ сѣмыхъ заблужденiяхъ, любезный въ самыхъ слабостяхъ! младенецъ сердцемъ до старости! мизантропъ, любви исполненный! несчастный по своему характеру между людьми, и завидно-счастливый по своей душевной нѣжности въ объятiяхъ природы, въ присутствiи невидимаго Божества, въ чувствѣ Его благодати и красотъ творенiя!.. Прахъ его хранится на маленькомъ прекрасномъ островкѣ, *île des peupliers*, осѣненномъ высокими тополями. Надобно переѣхать на лодкѣ — и Харонъ ²⁾ говоритъ вамъ о Жанъ-Жакѣ; сказываетъ, что Эрменонвильскій цырюльникъ купилъ трость его и не хотѣлъ продать ее за 100 эку; что жена мельника никому не даетъ садиться на томъ стулѣ, на которомъ Руссо у мельницы сиживалъ, смотря на пѣнистую воду; что школьный мастеръ хранитъ два пера его; что Руссо ходилъ всегда задумавшись, неровными шагами, но всякому кланялся съ ласковымъ видомъ. Вамъ хочется и слушать перевощика, и читать надписи на берегу, и видѣть скорѣе гробъ Жанъ-Жаковъ.

¹⁾ Юлія — героиня романа въ письмахъ Руссо: „Юлія или Новая Элоиза“. Имя ея вырѣзывали поклонники Руссо, совершавшіе, подобно Карамзину, паломничества въ Эрменонвиль.

²⁾ т. е. перевозчикъ.

Среди журчащихъ водъ, подъ сѣнію священной,
Ты видишь гробъ Руссо, наставника людей;
Но памятникъ его нетлѣнной
Есть чувство нѣжныхъ душъ и счастье дѣтей,¹⁾

Всякая могила есть для меня какое-то святилище; всякой безмолвный прахъ говоритъ мнѣ:

И я былъ живъ, какъ ты;
И ты умрешь, какъ я.

Сколь же краснорѣчивъ пепель такого Автора, который сильно дѣйствовалъ на ваше сердце; которому вы обязаны многими изъ любезнѣйшихъ своихъ идей; котораго душа отчасти перелилась въ вашу? Монументъ его имѣетъ видъ древняго жертвенника; съ одной стороны написано: *ici repose l'homme de la Nature et de la Vérité*. здѣсь покоится челоѣкъ истины и природы; а на другой сторонѣ изображены играющія дѣти съ матерью, которая держитъ въ рукѣ томъ Эмиля²⁾: на верху девизъ Жанъ Жаковъ: *vitam impendere vero*, жить для истины. На свинцовомъ гробѣ вырѣзано: *hic jacent ossa J. J. Rousseau*, здѣсь лежатъ кости Руссо.

Кто опершись рукою на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи: тотъ наслаждался не малымъ удовольствіемъ въ жизни.

Іюнь.

Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностію! Среди шумныхъ явленій твоихъ жилъ я спокойно и весело, какъ безпечный гражданинъ вселенной, смотрѣлъ на твое волненіе съ тихою душею, какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на бурное море. Ни Якобинцы, ни Аристократы твои не сдѣлали мнѣ никакого зла; я слышалъ споры, и не спорилъ; ходилъ въ великолѣпные храмы твои наслаждаться глазами и слухомъ: тамъ, гдѣ свѣтозарный богъ Искусствъ сіяетъ въ лучахъ ума и талантовъ; тамъ, гдѣ Геній славы величественно покоится на лаврахъ! Я не умѣлъ описать всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній своихъ, не умѣлъ всѣмъ пользоваться, но выѣхалъ изъ тебя не съ пустою душею: въ ней остались идеи и воспоминанія! Можетъ быть, когда нибудь еще увижу тебя и сравню прежнее съ настоящимъ; можетъ быть порадуюсь тогда большею зрѣлостію своего духа, или вздохну о потерянной живости чувства. Съ какимъ удовольствіемъ взошелъ бы я еще разъ на гору Валеріанскую, откуда мой взоръ леталъ по твоимъ живописнымъ окрестностямъ! Съ какимъ удовольствіемъ, сидя во мракѣ Булонскаго лѣса, снова развернулъ бы передъ собою свитокъ исторіи¹⁾, чтобы найти въ ней предсказаніе будущаго! Можетъ быть тогда все темное для меня изъяснится; можетъ быть тогда еще болѣе полюблю челоѣчество; или закрывъ лѣтописи, перестану заниматься его судьбою . . .

. . . . .

¹⁾ Переводъ одной изъ надписей (прим. Карамзина).

²⁾ Романъ Руссо, посвященный изображенію воспитанія идеальнаго „чувствительнаго“ челоѣка.

³⁾ Въ Булонскомъ лѣсу читалъ я Мабліеву Исторію Французскаго Правленія (прим. Карамзина).

Дувръ.

Берегъ! берегъ! Мы въ Дувръ, я въ Англіи — въ той землѣ, которую въ ребячествѣ своемъ любилъ я съ такимъ жаромъ, и которая по характеру жителей и степени народнаго просвѣщенія есть конечно одно изъ первыхъ государствъ Европы. Здѣсь все другое: другіе дома, другіе люди, другая пища — однимъ словомъ, мнѣ кажется, что я переѣхалъ въ другую часть свѣта.

. . . . .

Лондонъ, Іюля . . . 1790.

Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя Фаросами ¹⁾ моего путешествія, когда я сочинилъ планъ его. Наконецъ вижу и Лондонъ.

Естьли великолѣпіе состоитъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно гранитнымъ утесамъ, гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однѣхъ величественныхъ палатъ, ни одного огромнаго дому. Но длинныя широкія, гладко-вымощенныя улицы; большими камнями устланная дорога для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланная изъ краснаго дерева, натертая воскомъ и блестящая какъ зеркало; непрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ; красивыя площади (squares), гдѣ представляются вамъ или статуи или другіе историческіе монументы; подъ домами богатыя лавки, гдѣ, сквозь стеклянныя двери, съ улицы видите множество всякаго рода товаровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ, и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ образуютъ картину неописанной пріятности, и вы сто разъ повторяете: Лондонъ прекрасенъ! Какая разница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь единообразіе общаго достатка; тамъ палаты, изъ которыхъ ползутъ блѣдные люди въ раздранныхъ рубищахъ: здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ Здоровые и Довольствіе, съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ. Лордъ и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ распудренный, разряженный человекъ тащится въ скверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь и мрачная тѣснота, здѣсь все сухо и гладко — вездѣ свѣтлый просторъ, не смотря на многолюдство.

Я не зналъ, гдѣ мнѣ приклонить свою голову въ обширномъ Лондонѣ, но ѣхалъ спокойно, весело; смотрѣлъ и ничего не думалъ. Обыкновенное слѣдствіе путешествія и переѣздовъ изъ земли въ землю! Человѣкъ привыкаетъ къ неизвѣстности, страшной для домосѣдовъ. Здѣсь есть люди: я найду себѣ мѣсто, найду знакомство и пріятности — вотъ чувство, которое дѣлаетъ его беззаботнымъ гражданиномъ вселенной!

. . . . .

¹⁾ Путеводными маяками.

Лондонъ, Іюля . . . 1790

Съ помощію моихъ любезныхъ земляковъ нашель я въ Оксфордской улицѣ, близъ Cavendish square, прекрасныя три комнаты за полгинею въ въ недѣлю; онѣ составляютъ весь второй этажъ дома, въ которомъ живутъ двѣ сестры хозяйки, служанка Дженни, вашъ другъ — и болѣе никого. „Одинъ мужчина съ тремя женщинами! какъ страшно или весело!“ Ни мало, хозяйки мои украшены нравственными добродѣтелями и сѣдыми волосами, а служанка успѣла уже рассказать мнѣ тайную исторію своего сердца: Нѣмецъ ремесленникъ плѣнился ею, и скоро будетъ счастливымъ ея супругомъ. Въ 8 часовъ утра приноситъ она мнѣ чай съ сухарями и разговариваетъ со мною о Фильдинговыхъ и Ричардсоновыхъ романахъ. Вкусъ у нея странной: напримѣръ, Ловеласъ кажется ей несравненно любезнѣе Грандиссона. Обожая Клеменсину, Дженни смѣется надъ дѣвицею Байронъ, а Клариссу называетъ умною. Таковы Лондонскія служанки!

Литература.

Литература Англичанъ, подобно ихъ характеру, имѣетъ много особенности, и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество живописной Поэзіи (Poésie descriptive): Французы и Нѣмцы переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ Природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми Временами года; ихъ можно назвать зеркаломъ Натуры. Сень-Ламберъ лучше нравится Французамъ; но онъ въ своей Поэмѣ кажется мнѣ Парижскимъ щеголемъ, который, выѣхавъ въ загородный домъ, смотритъ изъ окна на сельскія картины и описываетъ ихъ въ хорошихъ стихахъ; а Томсона сравню съ какимъ нибудь Швейцарскимъ или Шотландскимъ охотникомъ, который, съ ружьемъ въ рукѣ, всю жизнь бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, отдыхаетъ иногда на холмѣ или на скалѣ, смотритъ вокругъ себя, и что ему полюбится, что Природа вдохнетъ въ его душу, то изображаетъ карандашемъ на бумагѣ. Сень Ламберъ кажется пріятнымъ гостемъ Натуры, а Томсонъ ея роднымъ и домашнимъ. — Въ Англійскихъ Поэтахъ есть еще какое-то простодушіе, не совѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно Англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожиданныхъ вещей. — Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ Британской Поэзіи считается Мильтоново описаніе Адама и Евы и Драйденова Ода на музыку, Любопытно знать то, что Поэма Мильтонова ¹⁾, въ которой столь много прекраснаго и великаго, сто лѣтъ продавалась, но едва была извѣстна въ Англии. Первый Аддисонъ поднялъ ее на высокій пьедесталъ и сказалъ: удивляйтесь!

Въ Драматической Поэзіи Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного Автора; но этотъ Авторъ есть Шекспиръ, и Англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ — я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы Критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго челоуѣка и кричатъ: какой смѣшной! какой чудакъ!

¹⁾ Потерянный рай

Всякой Авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно; слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самой великой Геній не можетъ взять мѣръ своихъ. Но всякой истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности: современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключенія, откровеніе человѣческаго сердца, и великія мысли, разсѣяныя въ драмахъ Британскаго Генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго Поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды Поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ Богини Фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса!

. . . . .

Кронштатъ.

Берегъ! отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои! . . . Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по русски и слышать Русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштата; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ: но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища; записки, счеты, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающіе мнѣ или сокровище Роны ¹⁾, или могилу отца Лоренза²⁾, или густую иву, подъ которою Англичанинъ Попъ сочинилъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною.

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ! Оно черезъ 20 лѣтъ (если столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя? . . . По чему знать? можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ, можетъ быть и другіе . . . но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижинку, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться Китайскими тѣнями моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

Бѣдная Лиза.

Можетъ быть никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я, потому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ, никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли — куда глаза глядятъ — по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣто нахожу пріятныя мѣста или въ старыхъ новыя красоты.

¹⁾ Рона, въ своемъ началѣ, протекаетъ сквозь пещеру.

²⁾ Патеръ Лоренсъ — одинъ изъ персонажей „Чувствительнаго Путешествія“ англійскаго писателя Стерна, которымъ увлекался Карамзинъ.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Симонова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце, когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются тучные, густозеленые цвѣтушіе луга; а за ними по желтымъ пескамъ течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбацкихъ лодокъ или шумящая подъ рулемъ грузныхъ струговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ Россійской имперіи и надѣляютъ алчнуну Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада: тамъ молодѣе пастухи, сидя подѣ тѣнью деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ единообразныя. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбовъ покрытыя, поля, лѣсоочки, три или четыре деревеньки; вдали село Коломенское съ высокимъ дворцомъ своихъ.

Часто прихожу на сіе мѣсто и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени — горевать съ природою. Страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины громаднхъ камней, внимаю глухому стону временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ, — стону, отъ котораго сердце мое содрогается и трепещетъ. Иногда вхожу въ келліи и представляю себѣ тѣхъ, которые въ нихъ жили. Печальныя картины! Здѣсь вижу сѣдого старца, преклонившаго колѣна передъ Распятіемъ и молящагося о скоромъ разрѣшеніи земныхъ оковъ своихъ, ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости. Тамъ юный монахъ съ блѣднымъ лицомъ, съ томнымъ взоромъ — смотритъ въ поле сквозь рѣшетку окна, видитъ веселыхъ птичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха, — видитъ и проливаетъ горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ томится, вянетъ, сохнетъ, и унылый звонъ колокола возвѣщаетъ мнѣ безвременную смерть его. Иногда на вратахъ храма разсматриваю изображеніе чудесь, въ семъ монастырѣ случившихся: тамъ рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятеля въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти исторію нашего отечества, — печальную исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпыя татары и литовцы огнемъ и мечомъ опустошали окрестности россійской столицы, и когда Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ Симонова монастыря воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы . . . Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!

Саженья въ семидесяти отъ монастырской стѣны, подлѣ березовой рощицы, среди зеленаго луга, стоитъ пустая хижина, безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась.

Въ сей хижинѣ лѣтъ за тридцать передъ симъ жила прекрасная, любезная Лиза со старушкою, матерью своею.

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточный поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣднѣли. Лѣнивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлѣбъ пересталъ хорошо родиться. Онѣ принуждены были отдать землю въ наемъ, и за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего — ибо и крестьянки любить умѣютъ! — день-ото-дня становилась слабѣе и совѣмъ не могла работать. Одна Лиза, которая осталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ, — одна Лиза не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь — ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды и продавала ихъ въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее къ слабо бьющемуся сердцу, называла Божескою милостью, кормилицею, отрадою старости своей, и молила Бога, чтобы Онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матери. „Богъ далъ мнѣ руки, чтобы работать, — говорила Лиза — ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ, — теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки“. Но часто нѣжная Лиза не могла удержать собственныхъ слезъ своихъ — ахъ! — она помнила, что у нея былъ отецъ и что его не стало; но для успокоенія совѣсти старалась таить печаль сердца своего и казаться спокойною и веселою. „На томъ свѣтѣ, любезная Лиза отвѣчала горестная старушка, на томъ свѣтѣ перестану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будутъ всѣ веселы; я вѣрно весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть — что съ тобою безъ меня будетъ? На кого тебя покинуть? Нѣтъ, дай Богъ прежде пристроить тебя къ мѣсту. Можетъ-быть, скоро отыщется добрый человѣкъ. Тогда, благословя васъ, милыхъ дѣтей моихъ, перекрещусь и спокойно лягу въ сырую землю“.

Прошло года два послѣ смерти отца Лизина. Луга покрылись цвѣтами, и Лиза пришла въ въ Москву съ ландышами. Молодой, хорошо одѣтый человѣкъ пріятнаго вида, встрѣтился ей на улицѣ. Она показала ему цвѣты и покраснѣлась.

— Ты продаешь ихъ, дѣвушка? — спросилъ онъ съ улыбкой.

— Продаю, — отвѣчала она.

— А что тебѣ надобно?

— Пять копеекъ.

— Это слишкомъ дешево. Вотъ тебѣ рубль.

Лиза удивилась, осмѣлилась взглянуть на молодого человѣка, еще болѣе покраснѣлась и, потупивъ глаза въ землю, сказала ему, что она не возьметъ рубля.

— Для чего же?

— Мнѣ ненадбно лишняго.

— Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной дѣвушки, стоятъ рубля. Когда же ты не берешь его, вотъ тебѣ пять копеекъ. Я хотѣлъ бы всегда покупать у тебя цвѣты: хотѣлъ бы, чтобы ты рвала ихъ только для меня.

Лиза отдала цвѣты, взяла пять копеекъ, поклонилась и хотѣла итти, но незнакомецъ остановилъ ее за руку.

— Куда же ты пойдешь, дѣвушка?

— Домой.

— А гдѣ домъ твой?

Лиза сказала, гдѣ она живетъ: сказала и пошла. Молодой человекъ не хотѣлъ удерживать ее, можетъ быть, для того, что мимоходящіе начали останавливаться и, смотря на нихъ, коварно усмѣхались.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что съ нею случилось.

— Ты хорошо сдѣлала, что не взяла рубля. Можетъ быть, это былъ какой-нибудь дурной человекъ . . .

— Ахъ, нѣтъ, матушка! я этого не думаю. У него такое доброе лицо, такой голосъ.

— Однако жъ, Лиза, лучше кормиться трудами своими и ничего не брать даромъ. Ты еще не знаешь, другъ мой, какъ злые люди могутъ обидѣть бѣдную дѣвушку! У меня всегда сердце бываетъ не на своемъ мѣстѣ, когда ты ходишь въ городъ; я всегда ставлю свѣчу передъ образомъ и молю Господа Бога, чтобы Онъ сохранилъ тебя отъ всякой бѣды и напасти.

У Лизы навернулись на глаза слезы; она поцѣловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самыхъ лучшихъ ландышей и опять пошла съ ними въ городъ. Глаза ея тихонько чего-то искали. Многіе хотѣли у нея купить цвѣты, но она отвѣчала, что они не продажные, и смотрѣла то въ ту, то въ другую сторону. Наступилъ вечеръ, надлежало вернуться домой, и цвѣты были брошены въ Москву-рѣку.

— Никто не владѣй вами! сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть въ сердцѣ своемъ.

На другой день ввечеру сидѣла она подъ окномъ, пряла и тихимъ голосомъ пѣла жалобныя пѣсни; но вдругъ вскочила и закричала: „Ахъ!..“ Молодой незнакомецъ стоялъ подъ окномъ.

— Что съ тобою сдѣлалось? спросила испугавшаяся мать, которая подлѣ нея сидѣла.

— Ничего, матушка, отвѣчала Лиза робкимъ голосомъ, я только его увидѣла.

— Кого?

— Того господина, который купилъ у меня цвѣты.

Старуха выглянула въ окно. Молодой человекъ поклонился ей такъ учтиво, съ такимъ пріятнымъ видомъ, что она не могла подумать о немъ ничего, кромѣ хорошаго.

— Здравствуй, добрая старушка! сказалъ онъ, я очень усталъ; нѣтъ ли у тебя свѣжаго молока?

Услужливая Лиза, не дождавшись отвѣта отъ матери своей, — можетъ-быть, для того, что она его знала напередъ, — побѣжала въ погребъ, принесла чистую кринку, покрытую чистымъ деревяннымъ кружкомъ; схватила стаканъ, вымыла, вытерла его бѣлымъ полотенцемъ, налила и подала въ окно, — но сама смотрѣла въ землю. Незнакомецъ выпилъ, и нектаръ изъ рукъ Гебы не могъ бы показаться ему вкуснѣе. Всякій догадается, что онъ послѣ того благодарилъ Лизу, и благодарилъ не столько словами, сколько взорами. Между тѣмъ добродушная старушка успѣла рассказать ему о своемъ горѣ и утѣшеніи — о смерти мужа и о милыхъ свойствахъ дочери своей, объ ея трудолюбіи и нѣжности и проч. и проч. Онъ слушалъ ее со вниманіемъ, но глаза его были — нужно ли сказывать, гдѣ?

И Лиза, робкая Лиза, посматривала изрѣдка на молодого человѣка; но не такъ скоро молнія блеститъ и въ облакъ исчезаетъ, какъ быстро голубые глаза ея обращались къ землѣ, встрѣчаясь съ его взоромъ.

— Мнѣ хотѣлось бы, сказалъ онъ матери, чтобы дочь твоя ни-кому, кромѣ меня, не продавала своей работы. Такимъ образомъ ей не зачѣмъ будетъ часто ходить въ городъ, и ты не принуждена будешь съ нею разставаться. Я самъ по временамъ могу заходить къ вамъ.

Тутъ въ глазахъ Лизиныхъ блеснула радость, которую она тщетно скрыть хотѣла; щеки ея пылали, какъ заря въ ясный, лѣтній вечеръ; она смотрѣла на лѣвый рукавъ свой и щипала его правой рукою. Старушка съ охотою приняла сіе предложеніе, не подозрѣвая въ немъ никакого дурного намѣренія, и увѣряла незнакомца, что полотно, вытканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бываютъ отмѣнно хороши и носятя долѣе всякихъ другихъ. Становилось темно, и молодой человѣкъ хотѣлъ уже итти.

— Да какъ же намъ называть тебя, добрый, ласковый баринъ? — спросила старуха.

— Меня зовутъ Эрастомъ, отвѣчалъ онъ.

— Эрастомъ, сказала тихонько Лиза, Эрастомъ!

Она разъ пять повторила сіе имя, какъ будто бы стараясь затвердить его. Эрастъ простился съ ними до свиданія и пошелъ. Лиза провожала его глазами, а мать сидѣла въ задумчивости и, взявъ за руку дочь свою, сказала ей:

— Ахъ, Лиза! какъ онъ хорошъ и добръ! Если бы женихъ твой былъ таковъ!

Все Лизино сердце затрепетало.

— Матушка, матушка! какъ этому стать? Онъ баринъ, а я между крестьянами. . . — Лиза не договорила рѣчи своей.

Теперь читатель долженъ знать, что сей молодой человѣкъ, сей Эрастъ, былъ довольно богатый дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтреннымъ. Онъ вель разсѣянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ забавахъ, но часто не находилъ, скучалъ и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его сердцѣ. Онъ читывалъ романы, идилліи; имѣлъ довольно живое воображеніе и часто переселялся мысленно въ тѣ времена (бывшія или небывшія), въ которыя, если вѣрить стихотворцамъ, всѣ люди безпечно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ горлицы, отдыхали подъ розами и миртами, и въ счастливой праздности всѣ дни свои провожали. Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало. „Натура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ“, думалъ онъ и рѣшился, по крайней мѣрѣ на время, оставить большой свѣтъ.

Обратимся къ Лизѣ. Наступила ночь, мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткаго сна; но на сей разъ желаніе ея не исполнилось: Лиза спала очень худо. Новый гость души ея, образъ Эрастовъ, столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась и вздыхала. Еще до восхожденія солнечнаго Лиза встала, сошла на берегъ Москвы-рѣки, сѣла на травѣ и, пригорюнившись, смотрѣла на бѣлые туманы, которые волновались въ воздухѣ и, по-

дымаясь вверхъ, оставляли блестящія капли на зеленомъ покровѣ природы. Вездѣ царствовала тишина. Но скоро восходящее свѣтило дня пробудило всѣ творенія: роши, кусточки оживились; птички вспорхнули и запѣли; цвѣты подняли свои головки, чтобы напиться животворными лучами свѣта. Но Лиза все еще сидѣла, пригорюнившись. Ахъ, Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣлалось? До сего времени, просыпаясь вмѣстѣ съ птичками, ты вмѣстѣ съ ними веселилась утромъ, и чистая, радостная душа свѣтилась въ глазахъ твоихъ, подобно какъ солнце свѣтится въ капляхъ росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу. Между тѣмъ молодой пастухъ по берегу рѣки гналъ стадо, играя на свирѣли. Лиза устремила на него взоръ свой и думала: „Если бы тотъ, кто занимается теперь мысли мои, рожденъ былъ простымъ крестьяниномъ, пастухомъ, и если бы онъ теперь мимо меня гналъ стадо свое, — ахъ! я поклонилась бы ему съ улыбкою и сказала бы привѣтливо: „Здравствуй, любезный пастушокъ! куда гонишь ты стадо свое? и здѣсь растетъ зеленая трава для овецъ твоихъ, и здѣсь алѣютъ цвѣты, изъ которыхъ можно сплести вѣнокъ для шляпы твоей . . . Онъ взглянулъ бы на меня съ видомъ ласковымъ, взялъ бы, можетъ быть, руку мою . . . Мечта!“ Пастухъ, играя на свирѣли, пошелъ мимо и съ пестрымъ стадомъ своимъ скрылся за ближайшимъ холмомъ.

Вдругъ Лиза услышала шумъ веселья, взглянула на рѣку — и увидѣла лодку, а въ лодкѣ — Эраста.

Всѣ жилки въ ней забились, и, конечно, не отъ страха. Она встала, хотѣла итти, но не могла. Эрастъ выскочилъ на берегъ, подошелъ къ Лизѣ . . . и — мечта ея отчасти исполнилась, ибо онъ взглянулъ на нее съ видомъ ласковымъ, взявъ ее за руку . . . А Лиза? Лиза стояла съ потупленнымъ взоромъ, съ огненными щеками, съ трепещущимъ сердцемъ, — не могла отнять у него руки, не могла отворотиться, когда онъ приближался къ ней розовыми губами своими . . . ахъ! онъ поцѣловалъ ее, поцѣловалъ съ такимъ жаромъ, что вся вселенная показалась ей въ огнѣ горящего!

— Милая Лиза! — сказалъ Эрастъ. Милая Лиза! я люблю тебя! — и сіи слова отозвались въ глубинѣ души ея какъ небесная восхитительная музыка: она едва смѣла вѣрить ушамъ своимъ и . . .

Но я бросаю кисть. Скажу только, что въ сію минуту восторга исчезла Лизина робость, — Эрастъ узналъ, что онъ любимъ, любимъ страстно новымъ, чистымъ, открытымъ сердцемъ.

Они сидѣли на травѣ и такъ, что между ними оставалось немного мѣста, смотрѣли другъ другу въ глаза, говорили другъ другу: „Люби меня!“ — и два часа показались имъ мигомъ. Наконецъ Лиза вспомнила, что мать ея можетъ объ ней беспокоиться. Надлежало разстаться.

— Ахъ, Эрастъ! — сказала она. — Всегда ли ты будешь любить меня?

— Всегда, милая Лиза, всегда! — отвѣчалъ онъ.

— И ты можешь дать мнѣ въ этомъ клятву?

— Могу, любезная Лиза, могу!

— Нѣтъ, мнѣ не надобно клятвы. Я вѣрю тебѣ, Эрастъ, вѣрю. Ужели ты обманешь бѣдную Лизу? Вѣдь этому нельзя быть?

— Нельзя, нельзя, милая Лиза!

— Какъ я счастлива! и какъ обрадуется матушка, когда узнаетъ, что ты меня любишь!

— Ахъ, нѣтъ, Лиза, ей не надобно ничего сказывать.

— Для чего же?

— Старые люди бываютъ подозрительны. Она вообразить себѣ что нибудь худое.

— Нельзя стать.

— Однакожь, прошу тебя не говорить ей объ этомъ ни слова.

— Хорошо, надобно тебя послушаться, хотя мнѣ не хотѣлось бы ничего таить отъ нея.

Они простились, поцѣловались въ послѣдній разъ и общались всякій день ввечеру видѣться на берегу рѣки, или въ березовой рошѣ, или гдѣ-нибудь близъ Лизиной хижины, только вѣрно, непременно видѣться. Лиза пошла, но глаза ея сто разъ обращались на Эраста, который все еще стоялъ на берегу и смотрѣлъ вслѣдъ за нею.

Лиза возвратилась въ хижину свою совсѣмъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ изъ нея вышла. На лицѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ обнаруживалась сердечная радость. „Онъ меня любить“, думала она и восхищалась сею мыслію.

— Ахъ, матушка! — сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. Ахъ, матушка! какое прекрасное утро. Какъ все весело въ полѣ! Никогда жаворонки такъ хорошо не пѣвали; никогда солнце такъ свѣтло не сіяло; никогда цвѣты такъ пріятно не пахли!

Старушка, подпираясь клюкою, вышла на лугъ, чтобы насладиться утромъ, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно въ самомъ дѣлѣ показалось ей отъменно пріятнымъ; любезная дочь весельемъ своимъ развеселяла для нея всю натуру.

— Ахъ, Лиза! — говорила она. — Какъ все хорошо у Господа Бога! Шестой десятокъ доживаю на свѣтѣ, а все еще не могу наглядѣться на дѣла Господни; не могу наглядѣться на чистое небо, похожее на высокій шатеръ, и на землю, которая всякій годъ новою травою и новыми цвѣтами покрывается. Надобно, чтобы Царь Небесный очень любилъ человѣка, когда Онъ такъ хорошо убралъ для него здѣшній свѣтъ. Ахъ, Лиза! кто бы захотѣлъ умереть, если бы иногда не было намъ горя? . . . Видно, такъ надобно. Можетъ-быть, мы забыли бы душу свою, если бы изъ глазъ нашихъ никогда слезы не капали.

А Лиза думала: „Ахъ, я скорѣ забуду душу свою, нежели милаго моего друга!“

Послѣ сего Эрастъ и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякій вечеръ видѣлись (тогда, какъ Лизина мать ложилась спать) или на берегу рѣки или въ березовой рошѣ, но чаще всего подъ тѣнью столѣтнихъ дубовъ (саженяхъ въ восьмидесяти отъ хижины), — дубовъ, осѣняющихъ глубокой, чистый прудъ, еще въ древнія времена ископанный. Тамъ часто тихая луна сквозь зеленяя вѣтви посеребряла лучами своими свѣтлые Лизины волосы, которыми играли зephyры и рука милаго друга; часто лучи сіи освѣщали въ глазахъ нѣжной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовымъ поцѣлуемъ.

Эти свиданія кончились отъѣздомъ Эраста на войну.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эрастъ, обнявъ ее въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ прижавъ къ своему сердцу, сказалъ:

— Прости, Лиза! . . .

Какая трогательная картина! Утренняя заря, как алое море, разливалась по восточному небу. Эрасть стоялъ подъ вѣтвями высокаго дуба, держа въ объятіяхъ своихъ бѣдную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь съ нимъ, прощалась съ душою своею. Вся натура пребывала въ молчаніи.

Лиза рыдала, Эрасть плакалъ: оставилъ ее — она упала — стала на колѣни, подняла руки къ небу и смотрѣла на Эраста, который удалялся — далѣе, далѣе и, наконецъ, скрылся; возсіяло солнце, и Лиза, оставленная, бѣдная, лишилась чувствъ.

Она пришла въ себя — и свѣтъ показался ей унылъ и печаленъ. Всѣ пріятности природы сокрылись для нея вмѣстѣ съ любезнымъ ея сердцу. „Ахъ! думала она, для чего я осталась въ этой пустынѣ? Что удерживаетъ меня летѣть вслѣдъ за милымъ Эрастомъ? Война не страшна для меня; страшно тамъ, гдѣ нѣтъ моего друга. Съ нимъ жить, съ нимъ умереть хочу, или смертію своею спасти его драгоценную жизнь. Пстой, пстой, любезный! Я лечу къ тебѣ!“ Уже хотѣла она бѣжать за Эрастомъ; но мысль: „У меня есть мать“ остановила ее. Лиза вздохнула и, преклонивъ голову, тихими шагами пошла къ своей хижинѣ. Съ сего часа дни ея были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать отъ нѣжной матери: тѣмъ болѣе страдало сердце ея. Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь въ густоту лѣса, могла свободно проливать слезы и стонать о разлукѣ съ милымъ.

Въ одинъ день Лиза должна была итти въ Москву затѣмъ, чтобы купить розовой воды, которою мать ея лѣчила глаза свои. На одной изъ большихъ улицъ встрѣтилась ей великолѣпная карета, и въ сей каретѣ увидѣла она Эраста. „Ахъ!“ закричала Лиза и бросилась къ нему, но карета проѣхала мимо и поворотила на дворъ. Эрасть вышелъ и хотѣлъ уже итти на крыльцо огромнаго дома, какъ вдругъ почувствовалъ себя въ Лизиныхъ объятіяхъ. Онъ поблѣднѣлъ, потомъ, не отвѣчая ни слова на ея восклицанія, взялъ ее за руку, привелъ въ свой кабинетъ, заперъ дверь и сказалъ ей:

— Лиза! обстоятельства перемѣнились: я помолвленъ жениться; ты должна оставить меня въ покоѣ и для собственнаго своего спокойствія забыть меня. Я люблю тебя, и теперь люблю, то-есть желаю тебѣ всякаго добра. Вотъ сто рублей — возьми ихъ (онъ положилъ ей деньги въ карманъ); позволь мнѣ поцѣловать тебя въ послѣдній разъ — и поди домой.

Прежде, нежели Лиза могла опомниться, онъ вывелъ ее изъ кабинета и сказалъ слугѣ:

— Проводи эту дѣвушку со двора.

Сердце мое обливается кровью въ сію минуту. Я забываю чело-вѣка въ Эрастѣ, готовъ проклинать его, но языкъ мой не движется; смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ахъ! для чего пишу не романъ, а печальную быль?

Итакъ, Эрасть обманулъ Лизу, сказавъ ей, что онъ ѣдетъ въ армию? Нѣтъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ арміи; но, вмѣсто того, чтобы сражаться съ непріателемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе. Скоро заключили миръ, и Эрасть возвратился въ Москву, отягченный долгами. Ему оставался одинъ способъ поправить свои обстоятельства — жениться на пожилой, богатой вдовѣ, которая давно была влюблена въ него. Онъ рѣшился на то и переѣхалъ жить

къ ней въ домъ, посвятить искренній вздохъ Лизѣ своей. Но все сіе можетъ ли оправдать его?

Лиза очутилась на улицѣ и въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ.

— Онъ, онъ выгналъ меня? Онъ любитъ другую? я погибла! — вотъ ея мысли, ея чувства!

Жестокій обморокъ прервалъ ихъ на время. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, остановилась надъ Лизою, лежавшею на землѣ, и старалась привести ее въ память. Несчастливая открыла глаза, встала съ помощью сей доброй женщины, благодарила ее и пошла, сама не зная куда.

— „Мнѣ нельзя жить, думала Лиза, нельзя! . О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бѣдную . . . Нѣтъ, небо не падаетъ, земля не колеблется! Горе мнѣ!“

Онъ вышла изъ города и вдругъ увидѣла себя на берегу глубокаго пруда, подъ сѣнью древнихъ дубовъ, которые за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея восторговъ. Сіе воспоминаніе потрясло ея душу; страшнѣйшее сердечное мученіе изобразилось на лицѣ ея. Но черезъ нѣсколько минутъ погрузилась она въ нѣкоторую задумчивость — осмотрѣлась вокругъ себя, увидѣла дочь своего сосѣда (пятнадцатилѣтнюю дѣвушку), идущую по дорогѣ, кликнула ее, вынула изъ кармана десять имперіаловъ и, подавая ей, сказала:

— Любезная Анюта! любезная подружка! отнеси эти деньги къ матушкѣ, онѣ не краденыя; скажи ей, что Лиза противъ нея виновата; что таила отъ нея любовь свою къ одному жестокому человѣку — къ Э . . . На что знать его имя? Скажи, что онъ измѣнилъ мнѣ, попроси, чтобы она меня простила — Богъ будетъ ея помощникомъ; поцѣлуй у нея руку, такъ, какъ я теперь твою цѣлую; скажи, что бѣдная Лиза велѣла поцѣловать ее скажи, что я . . .

Тутъ она бросилась въ воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти ее; побѣжала въ деревню . . . Собрались люди и вытащили Лизу; но она была уже мертвая.

Такимъ образомъ скончала жизнь свою прекрасная душою и тѣломъ. Когда мы тамъ, въ новой жизни, увидимся, я узнаю тебя, нѣжная Лиза!

Ее погребли близъ пруда, подъ мрачнымъ дубомъ, и поставили деревянный крестъ на могилѣ. Тутъ часто сижу въ задумчивости, опершись на вмѣстилище Лизина праха; въ глазахъ моихъ струится прудъ, надо мною шумятъ листья . . .

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ея отъ ужаса охладѣла — глаза навѣкъ закрылись. Хижина опустѣла. Въ ней воеетъ вѣтеръ, и суетвѣрные поселяне, слыша по ночамъ сей шумъ, говорятъ: „Тамъ стонетъ мертвецъ, тамъ стонетъ бѣдная Лиза!“

Эрастъ былъ до конца жизни своей несчастливъ. Узнавъ о судьбѣ Лизиной, онъ не могъ утѣшиться и почиталъ себя убійцею. Я познакомился съ нимъ за годъ до его смерти. Онъ самъ разсказалъ мнѣ сію исторію и привелъ меня къ Лизиной могилѣ. Теперь, можетъ-быть, они уже примирились!

II. „Карамзинизмъ“. Это явленіе очень сложное. Въ концѣ 18 и началѣ 19 в. знакомство съ западно-европейскимъ просвѣщеніемъ становится и основательнѣе и разностороннѣе, чѣмъ раньше. Это слѣдуетъ въ значительной степени отнести на счетъ Карамзина, какъ писателя и какъ редактора журналовъ, въ которыхъ отмѣчались и разъяснялись главныя явленія въ области з.-европейской мысли. Около Карамзина образовался кружокъ просвѣщенныхъ людей, бывшихъ моложе его, которые, подъ его вліяніемъ, стремились выработать въ себѣ сознательное отношеніе къ европейской культурѣ, стать „русскими европейцами“, и которые, продолжая дѣло Карамзина, старались усовершенствовать русскій языкъ въ томъ отношеніи, чтобы сдѣлать его удобнымъ средствомъ выраженія всякой, самой сложной и отвлеченной, мысли.

2. Вліяніе Карамзина на художественную литературу сказалось и на поэзіи и на прозѣ. Больше всего подражали его прозаическимъ произведеніямъ. Многіе подражатели Карамзина, вродѣ кн. Ша-ликова, лишенные его ума и образованія, восприняли лишь внѣшнюю сторону „чувствительнаго“ стиля, и тѣмъ самымъ скоро сдѣлали этотъ стиль смѣшнымъ. Какъ разъ самыя близкіе къ Карамзину люди изъ числа тогдашнихъ литераторовъ высмѣивали поверхностныхъ „карамзинистовъ“ и содѣйствовали тому, что „карамзинизмъ“, какъ художественное направленіе, быстро пошелъ на убыль.

3. Карамзинъ, слабый поэтъ, писывалъ стихотворенія въ духѣ народныхъ пѣсенъ, продолжая то, что пробовалъ дѣлать еще Сумароковъ. Такія стихотворенія писали и его послѣдователи. Нѣкоторыя „пѣсни“ Ив. Ив. Дмитріева, Нелединскаго Мелецкаго и др. имѣли большой успѣхъ и, переложенныя на музыку, долго распѣвались по всей Россіи. Карамзинскія „чувствительность“ и преклоненіе передъ простотой, вошедши въ моду, окончательно убили „высокій стиль“. Одописцы, писавшіе въ старинномъ вкусѣ, еще не перевелись въ концѣ 18 в., но уже не имѣли успѣха. Другъ Карамзина Дмитріевъ написалъ на нихъ сатиру Чужой Толкъ (1795). Въ ней онъ высмѣялъ плохихъ стихотворцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ — и особенности „высокаго“ стиля. Столкновенія литературныхъ вкусовъ дали начало эпиграммамъ, — короткимъ стихотвореніямъ (эпиграмма значитъ дословно надпись), въ которыхъ осмѣивались преимущественно литературные противники.

На драматической литературѣ Карамзинизмъ отразился особымъ образомъ. Классическая трагедія въ стихахъ не исчезла, но видоизмѣнилась. Это было дѣло Озерова, у котораго дѣйствующія лица говорятъ уже не сплошь „высокимъ слогомъ“ и который стремился не къ тому, чтобы потрясти зрителей величіемъ характеровъ и положеній, а къ тому, чтобы ихъ растрогать, умиливать, заставить плакать.

4. Обогащая мысль новыми понятіями, Карамзинъ нуждался въ новыхъ словахъ. Иныя онъ заимствовалъ изъ французскаго языка, — чаще же всего переводилъ, придавая такимъ образомъ русскимъ словамъ новое значеніе; иногда же образовывалъ новыя слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботился о томъ, чтобы сдѣлать свой языкъ возможно болѣе легкимъ и близкимъ по строю къ разговорному языку образованныхъ людей. Противъ него и его послѣдователей выступилъ адмиралъ Александръ Сем. Шишковъ. Это былъ филологъ-самоучка, усердный читатель старинной духовной литературы. Въ томъ, что Карамзинъ избѣгалъ славянскихъ словъ, онъ видѣлъ

Опасность для языка, такъ какъ это ведетъ къ его обѣднѣнiю. Но онъ нападалъ на Карамзина и за то, что тотъ обогатилъ русскій языкъ новыми словами и новымъ словоупотребленiемъ. Карамзинисты возражали Шишкову, указывая на то, что языкъ развивается и обновляется съ жизнью.

Изъ „Путешествiя въ Малороссiю“ кн. Шаликова (1803).

Сладкiя воспоминанiя.

„Здравствуй, любезная!“ твердилъ я съ восхищенiемъ любовника, увидѣвъ Малороссiю. Глаза мои не могли налюбоваться выбѣленными избами, опрятною одеждою обитателей ихъ, ласковымъ, милымъ взглядомъ прекрасныхъ здѣшнихъ женщинъ и проч.

Какъ прiятны сердцу нашему тѣ предметы, которые напоминаютъ намъ юность нашу; какъ любезны, сладки мыслямъ тѣ впечатлѣнiя, которыя принимала душа наша при первыхъ развитiяхъ способностей своихъ! Растроганное мое воображенiе собирало каждое обстоятельство, почему-нибудь милое воспоминанiю; каждое чувство, оставшееся въ сердцѣ; каждую идею, оставшуюся въ душѣ; собирало, составляло — что? назвать не умѣю, но что душѣ и сердцу было прiятнѣе всего на свѣтѣ.

Милая, безцѣнная Малороссiя! подъ твоимъ кроткимъ, яснымъ небомъ питалась душа моя и сердце первыми сладостями любви и дружбы; съ твоимъ благодѣтельнымъ воздухомъ вливалась въ грудь мою чувствительность и страсти, страсти, которымъ человекъ обязанъ всѣмъ величiемъ своимъ, безъ которыхъ нѣтъ ни счастья, ни добродѣтели; твоя прекрасная природа воспламенила воображенiе мое, научила любить природу, научила быть съ самимъ собою, научила плѣняться прелестями ума, прелестями грацiй, научила счастию!

Привѣтствую тебя, любезная! и сiи слезы, лиющiяся по лицу моему, есть дань благодарнаго сердца моего твоимъ благодѣянiямъ.

Фортепiано.

Въ тихiя, нѣжныя минуты вечера, въ уединенной комнатѣ, при блѣдномъ свѣтѣ луны, томные звуки фортепiано, производимые женщиной — въ слезахъ . . . ничего не знаю трогательнѣе этого! Ахъ! какiя магическiя чувства овладѣютъ душою и сердцемъ вашимъ! Образъ счастья и горести, надежды и отчаянiя въ сliянныхъ чертахъ предстанетъ вашему воображенiю. Напрасно будете стараться отдѣлить одно отъ другаго: нѣтъ возможности! Союзъ улыбки и слезы — доля человѣческая! — въ сiи минуты болѣе, нежели когда нибудь, покажется вамъ неразрывнымъ. Ежели вы любили; ежели узнали сiю главную, необходимую бурю жизни; то вы еще чувствительнѣе, то вы еще болѣе находите себя въ очарованiи. О сердце! о любви! благо ли вы, или мука? Кто можетъ сказать да или нѣтъ — сказать и не ошибиться! Гдѣ же блаженство наше? неужели блаженство пустое слово? Ахъ, нѣтъ! сердце и любовь . . . но роза не могла быть безъ тернiя! Вдыхаю и стираю руки къ блаженству; лью слезы и объемию его! . . .

Одной изъ дамъ моихъ обязанъ я сладостью теперешнихъ моихъ чувствъ и мыслей. Ея фортепіано и слезы — слезы женщины за фортепіаномъ — вообразите еще разъ! имѣли несказанную прелесть для души и сердца моего. Ахъ, можетъ быть собственная душа и сердце ея въ сіи минуты были счастливѣе, нежели въ другія!

И. И. Дмитріевъ. Пѣсня.

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь:
Миленькій его дружочекъ
Отлетѣлъ надолго прочь.

Онъ ужъ болѣе не воркуетъ
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ.
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее... увы! но тщетно;
Знать судилъ ему такъ рокъ!

Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаеть;
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ... навѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла,
Приунывъ, издалика,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будить, будить голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ
ноя,

Ходитъ милаго вокругъ —
Но... увы, прелестна Хлоя!
Не проснется милый другъ!

Нелединскій-Мелецкій. Пѣсня.

Выду я на рѣченьку,
Погляжу на быстрюю —
Унеси ты мое горе,
Быстра рѣченька, съ собой!

Нѣтъ, унести съ собой не можешь
Лютот горести моей;
Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью своему, —
Мысль за мыслью такъ стремится
Все къ предмету одному.

Ноетъ сердце, изнываетъ,
Страсть мучительну тая:
Кѣмъ страдаю, тотъ не знаетъ,
Терпитъ что душа моя.

Чѣмъ же злую грусть разсѣю,
Сердце успокою чѣмъ?
Не хочу и не имѣю
Въ сердцѣ быть властна моемъ, —

Милый мой имъ обладаетъ;
Взглядъ его — мой весь законъ;
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь бы милъ всегда былъ онъ.

Лучше вѣкъ въ тоскѣ пребуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть.
Ахъ! коль милаго забуду,
Кѣмъ же стану, кѣмъ же жить?

Каждое души движеніе —
Жертва другу моему,
Сердца каждое бѣненіе,
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А въ душѣ всегда ношу!
Ты, кѣмъ вижу, кѣмъ внимаю,
Кѣмъ я мышлю, кѣмъ дышу!

Не почувствуй ты досады,
Какъ дойдетъ мой стонъ къ тебѣ:
Я за страсть не жду награды,

Злой покорствуя судьбѣ.

Если жъ то найдешь возмо-
жнымъ,
Силу чувствъ моихъ измѣрь;
Словомъ ласковымъ, хотъ ло-
жнымъ,
Адъ души моей умѣры!

И. И. Дмитріевъ. Чужной толкъ

„Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьѣ равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣннѣхъ славнымъ?
Какъ думаешь? Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ — нечего читать:
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь —
Не знаю, какъ-то самъ какъ-будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ, рѣзвась, а не четыре дни:
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливей,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парюю стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жгетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной,
И, подлинно, ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ.
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стиховъ!
Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье —
Точь въ точь, какъ говорятъ учоны по церквямъ.
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, на примѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу —
Гдѣ было, какъ, когда; короче я скажу:
Въ стихахъ реляція. Прекрасно! — а зѣваю.
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ иль на что подобное тому:
Тутъ сыщешь то, чего бѣ нехитрому уму
Не выдумать и вѣкъ: „зари багряны персты“,
И „райскій кринъ“, и „Фебъ,“ и „небеса отверсты“,
Такъ громко, высоко — а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!“
. . . . .

Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
 Онъ, не учась, учонъ, какъ придетъ въ восхищенье;
 Науки будутъ все науки, а не даръ;
 Потребный же запасъ: отвага, риемы, жаръ.“
 И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
 Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
 Что рымникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ,
 Иль Ферзень ихъ вождя Костюшку полонилъ,
 Онъ тотчасъ за перо — и разомъ вывелъ: „Ода!“
 Потомъ въ одинъ присѣсть: „такого дня и года.“
 Тутъ какъ? — „Пою!“ иль нѣтъ: ужъ это старина!
 Не лучше ль: „Дажь мнѣ, Фебъ!“ иль такъ: „Не ты одна
 Подпала подъ пята, о чалмоносна Порта!“
 Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риему, кромѣ чорта?
 Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу
 И воздухомъ себя открытымъ освѣжу.“
 Пошолъ и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
 „Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ:
 Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
 Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
 Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
 Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ —
 Неловко что-то все. Да просто напишу;
 „Ликуй, герой! ликуй, герой ты!“ возглашу.
 Изрядно! Тутъ же что? тутъ надобенъ восторгъ!
 Скажу: „кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
 Я вижу молній блескъ! я слышу съ горня свѣта
 И то, и то . . . “ А тамъ? — извѣстно; „многи лѣта!“
 Брависсимо! и планъ, и мысли — все ужъ есть!
 Да здравствуетъ поэтъ! Осталось присѣсть
 Да только написать, да и печатать смѣло!“
 Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ — и въ шляпѣ дѣло.
 И оду ужъ его тисненью предають,
 И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продають.
 Вотъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,
 Едва ли вывѣски надписывать способны!
 Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
 „Кто въ громкій славою екатерининъ вѣкъ
 Хвалой ему сердцецъ другихъ не восхищаетъ
 И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
 Тотъ брось ее, разбей — и знай; онъ не поэтъ!“
 Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клеветъ,
 Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
 Какъ лириковъ цѣнилъ! Воспрянемъ! Марсіѣ ожилъ!
 Товарищи, къ столу, за перья! Отомстимъ,
 Надуемся, напредъ, ударимъ, поразимъ!
 Напишемъ на него предлинную сагиру
 И оправдаемъ тѣмъ россійску громку лиру.

Дмитріевъ. Эпиграмма.

- Я разорился отъ воровъ!
- Жалѣю о твоёмъ я горѣ.
- Украли пукъ моихъ стиховъ.
- Жалѣю я о ворѣ.

В. Л. Пушкинъ (дядя А. С. Пушкина). Эпиграмма.

Какой-то стихотворъ — довольно ихъ у насъ—
 Послалъ двѣ оды на Парнасъ.
 Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
 Цвѣтъ розо жолтыхъ облаковъ,
 Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ—
 И милости просиль у Феба.
 Читая, Фебъ зѣвалъ и наконецъ спросить:
 Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ
 И оды громкія давно-ли сочиняетъ?
 — Ему пятнадцать лѣтъ! Эрата отвѣчаетъ.
 — Пятнадцать только лѣтъ? Не болѣе того?
 Такъ розгами его.

Озеровъ. Эдипъ въ Афинахъ (1804).

Дѣйствіе II, явленіе I.

Э д и п ъ. Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
 Опора слабая несчастнаго слѣпца!
 Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.
 А н т и г о н а. Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа
 склонили
 Густую сѣнь свою: ты отдохни на немъ!
 Э д и п ъ (сѣвши на камень). Спокойно. Я мой вѣкъ на кам-
 нѣ кончу семь.
 А н т и г о н а. Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.
 Э д и п ъ. Увы, какъ въ бурный день свирѣпы гонять
 волны
 И отвергаетъ брегъ обломки корабля,
 Такъ небомъ и землей гонима жизнь моя.
 А н т и г о н а. Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ
 унылой!
 Э д и п ъ. Ахъ, я Эдипъ!
 А н т и г о н а. Увы, ты съ большей прежде силой
 Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ!
 Э д и п ъ. Печальну жизнь влачить недостаетъ мнѣ силъ.
 Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, остались мнѣ очи:
 Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
 Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
 Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ,
 Ни въ вешній день лѣсовъ зеленыхъ одежды,

Ни съ жатвою полей, оратаевъ надежды,
 Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
 Котораго боговъ рука произвела;
 Сокрыльсь отъ меня всѣ прелести природы;
 При имени моемъ всѣ возстають народы;
 Какъ язва лютая, отвсюду я гонимъ!

Антигона. Мы здѣсь убѣжище найдемъ бѣдамъ своимъ.

Эдипъ. Съ какой жестокостью сыны меня изгнали!

Антигона. Почто возобновлять прошедшія печали?

Эдипъ. Я ихъ любилъ . . .

Антигона. Увы, забудь, забудь о нихъ

И вспоминаемъ ранъ не растравляй своихъ:

Эдипъ: Предвижу ихъ бѣды: тщеславія развратомъ
 Влекомый, Полиникъ не будетъ въ мирѣ съ братомъ . . .
 На злость, на пагубу дѣтей извелъ я въ свѣтъ.

Антигона. Ужели предъ тобой и я виновна?

Эдипъ. Нѣтъ.

Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона,
 Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
 Одна сопутница моей ты нищеты.
 Для странника отца забыла счастье ты,
 Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы.
 Одно намъ рубише отъ всей осталось славы.

Антигона. Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той;

Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой;

Предпочитаю ихъ сіянію короны.

Опорой быть твоей — вотъ счастье Антигоны,

Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ!

Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.

Увы, родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,

Безъ помощи моей, что бѣ сдѣлалось съ тобою?

Ты древнюю главу къ кому бы приклонилъ?

На чью, на чью бы грудь ты слезы уронишь?

Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни;

Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;

Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,

Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.

Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ

И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!

Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,

Но мнѣ защитою твоею быть дозволю.

Не позавидую въ моей тогда я долѣ

И братьевъ участи, сѣдящихъ на престолѣ.

Эдипъ. Награда сладостна толикихъ скорбныхъ лѣтъ...

О радость полная, моихъ превыше бѣдъ!

Приди, о дочь моя, приди, мое рожденье,

Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!

Живой отрадою наполнила мнѣ грудь.

Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь!

О имени твоёмъ повѣдаютъ народы,

И похвала твоя пройдетъ изъ рода въ роды.

Но, ахъ, печальна мысль! . . . приблизился тотъ срокъ.

Когда разстаться намъ судилъ жестокой рокъ!

Антигона. Еще ты жизнь вести можешь многи годы.
Эдипъ. Нѣтъ, нѣтъ, не льстись: пора исполнить кругъ природы!

Родится человекъ лѣтъ нѣсколько поцвѣсть,
Потомъ скорбѣтъ, дряхлѣтъ и смерти дань отнестъ.
Одинъ, шедъ малый путь, другой, прошедъ поболѣ,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
Но ты о дочь моя, печаль свою умѣрь:
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь.
Гдѣ мы?

Антигона. Въ долинѣ мы: окрестъ пустынны виды,
И близко межъ деревьевъ храмъ виденъ Эвмениды.

Эдипъ. Храмъ Эвменидъ? Увы, я вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣи шипятъ, ихъ очи распаленны.
И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны.

Антигона (упадая на колѣни). Спокойте мысль его,
о вы, могущи боги;

Эдипъ. О сколько, фуриі, терзать меня вы строги!
Не вы-ль на семъ пути мой обнажили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моей рукой пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочепали;
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брачныя сплетали;
Тамъ былъ не Гименей, Мегера тамъ была
И смрадный пламенникъ съ усмѣшкою зажгла.
Вы лютости свои, о фуриі! смягчите,
Иль жизнь Эдипову скорѣе прекратите! (Упадаетъ на камень).

Антигона. Отъ мыслей удали толь страшныя мечты!
Эдипъ (не вставая и отталкивая ее). Оставь, о По-
линикъ! Меня отрейся ты;

Бѣги и не смущай моей минуты слезной!

Антигона. Ужель не узнаешь и дочери любезной?
Увы, родитель мой, познай хотя мой гласъ!
Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ оставилъ насъ;
Одна я твоему свидѣтельница стону:
Молю, не отвергай усердну Антигону!

Эдипъ (пришедъ въ себя). Гласъ сладостный! О, дочь,
такъ ты одна при мнѣ?

Увы, я здѣсь мечталъ какъ бы въ ужасномъ снѣ!
Представились мнѣ мать, родитель, Эвмениды,
Неблагодарныхъ чадъ противные мнѣ виды
И все сцѣпленіе несносныхъ бѣдъ моихъ.
Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ воздвигнуть сихъ;
Пойдемъ (встаетъ,) поищемъ въ немъ конца бѣдамъ ужас-
нымъ:

Едины алтари — прибѣжище несчастнымъ.

Шишковъ. Изъ Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка (1803).

Всякъ, кто любитъ россійскую словесность и хотя нѣсколько
упражнялся въ оной, не будучи зараженъ неисцѣлимою и лишающею

всякаго разсудка страстію къ французскому языку, тотъ, развернувъ большую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ, съ сожалѣніемъ увидитъ. какой странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ господствуетъ въ оныхъ. Древній славянскій языкъ, отецъ многихъ нарѣчій, есть корень и начало російскаго языка, который самъ собой всегда изобилень былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему эллинскаго языка, на коемъ витійствовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосѣены, а потомъ Златоусты, Дамаскины и многіе другіе христіанскіе проповѣдники. Кто бы подумалъ, что мы, оставя сіе, многими вѣками утвержденное, основаніе языка своего, начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи французскаго языка? Кому приходило въ голову съ плодотворной земли благоустроенный домъ свой переносить на бесплодную болотистую землю? Ломоносовъ, разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ, говоритъ: „Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славянскаго языка купно съ російскимъ отвратятся и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту отъ греческаго, а то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ“. Когда Ломоносовъ писалъ сіе, тогда зараза оная не была еще въ такой силѣ, и потому могъ онъ сказать: „вкрадываются къ намъ нечувствительно“; но нынѣ уже должно говорить: вломились къ намъ насильственно и наводняютъ языкъ нашъ, какъ потопъ землю. Мы въ продолженіи сего сочиненія ясно сіе увидимъ. Недавно случилось мнѣ прочитатъ слѣдующее: „раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, третью съ переводовъ славяно-русскихъ господина Елагина и его многочисленныхъ подражателей, а четвертую съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога, называемая французами *élégance*“¹⁾. Я долго размышлялъ, вполдлинну ли сочинитель сихъ строкъ говоритъ сіе отъ чистаго сердца, или издѣвается и шутитъ; какъ нелѣпицу нынѣшняго слога называетъ онъ пріятностію! совершенное безобразіе и порчу онаго — образованіемъ! Онъ именуется прежніе переводы славяно-русскими: что разумѣетъ онъ подъ симъ словомъ? Не ужъ ли презрѣніе къ источнику краснорѣчія нашего, славянскому языку? Не дивно: ненавидѣть свое и любить чужое почитается нынѣ достоинствомъ. Но какъ же назоветъ онъ нынѣшніе переводы и даже самыя ссчиненія? безъ сомнѣнія, французско-русскими: и сіи-то переводы предпочитаетъ онъ славено-россійскимъ? Правда, ежели французское слово *élégance* перевести по русски „чепуха“, то можно сказать, что мы дѣйствительно и въ краткое время слогъ свой довели до того, что погрузили въ него полную силу и знаменованіе сего слова.

• • • • •

Прилежное чтеніе російскихъ книгъ отниметъ у нынѣшнихъ писателей драгоцѣнное время читатъ французскія книги. Возможно ли, скажутъ они съ насмѣшкою и презрѣніемъ, возможно ли „трогатель-

1) Слова Карамзина.

ную“ Заиру, „занимательнаго“ Кандида, „милую“ Орлеанскую дѣвку²⁾ промѣнять на скучный прологъ, на непонятный Несторовъ Лѣтописецъ? Избѣгая сего труда, принимаются они за самый легкій способъ, а именно: одни изъ нихъ безобразятъ языкъ свой введеніемъ въ него иностранныхъ словъ, таковыхъ, напримѣръ, какъ моральный, эстетическій, эпоха, сцена, гармонія, акція, энтузіазмъ, катастрофа, и тому подобныхъ. Другіе изъ русскихъ словъ стараются дѣлать не русскія, какъ напримѣръ: вмѣсто будущее время говорятъ будущность; вмѣсто настоящее время настоящность и проч. Третьи французскія имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на русскій языкъ; самопроизвольно принимаютъ ихъ въ томъ же смыслѣ изъ французской литературы въ російскую словесность, какъ будто изъ ихъ службы офицеровъ тѣми жъ чинами на нашу службу, думая, что они въ переводѣ сохраняютъ тожъ знаменованіе, какое на своемъ языкѣ имѣютъ. Напримѣръ: *influence* переводятъ вліяніе и, не смотря на то, что, глаголъ *вливать* требуетъ предлога *въ*: *вливать вино въ бочку*, *вливать въ сердце ей любовь*, располагаютъ нововыдуманное слово *сіе* по французской грамматикѣ, ставя его, по свойству ихъ языка съ предлогомъ *на*: *faire l'influence sur les esprits*, дѣлать вліяніе на разумъ. Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ*, *развитіе*, *утонченный*, *сосредоточить*, *трогательно*, *занимательно*, и множество другихъ. Въ показанныхъ ниже сего примѣрахъ мы яснѣе увидимъ, какой нелѣпый слогъ рождается отъ сихъ русско-французскихъ словъ. Здѣсь же примѣтимъ токмо, что по сему новому правилу такъ легко съ иностранныхъ языковъ переводить всѣхъ славныхъ и глубокомысленныхъ писателей, какъ бы токмо списывать ихъ. Затрудненіе встрѣчается въ томъ единственно, что незнающій французскаго языка, сколько бы ни былъ силенъ въ російскомъ, не будетъ разумѣть переводчика; но, благодаря презрѣнію къ природному языку своему, кто не знаетъ нынѣ по французски? По мнѣнію нынѣшнихъ писателей, великое было бы невѣжество, нашедъ въ сочиняемыхъ ими книгахъ слово *переворотъ* не догадаться, что оное значитъ *révolution*, или по крайней мѣрѣ *révolte*. Такимъ же образомъ и до другихъ всѣхъ добратся можно: *развитіе*, *développement*; *утонченный*, *raffiné*; *сосредоточить*, *concentrer*; *трогательно*, *touchant*; *занимательно*, *interessant*; и такъ далѣе. Вотъ бѣда для нихъ, когда кто въ писаніяхъ своихъ употребляетъ слова: *брашно*, *требище*, *рясна*, *зодчество*, *доблесть*, *прозябать*, *наитствовать* и тому подобныя, которыхъ они средоу не слыхивали, и потому о такомъ писателѣ съ гордымъ презрѣніемъ говорятъ: „онъ педантъ, провонялъ славянщиною и не знаетъ французскаго въ стилѣ элгансу“.

. . . . .

Изъ статьи: Языки славянскій и русскій (1810).

Мы доказали, что славенскій и русскій языкъ есть одно и то же. А когда языкъ одинъ, то и нарѣчія онаго, хотя бы они разнствовали между собою, не могутъ называться одно славенскимъ, а другое рус-

²⁾ Произведенія Вольтера.

скимъ; въ такомъ случаѣ предполагалось бы различіе въ сихъ двухъ языкахъ. Но положимъ, что мы для различенія прежняго и нынѣшняго нарѣчій назовемъ, хотя и не свойственно, одно славенскимъ, а другое русскимъ нарѣчіемъ. Станемъ разумѣть подъ именемъ славенскаго языка нарѣчіе Священнаго Писанія, а подъ именемъ русскаго языка нарѣчіе свѣтскихъ книгъ. Въ чемъ состоитъ разность между сими двумя нарѣчіями? Безъ сомнѣнія, въ нѣкоторомъ токмо измѣненіи словъ, а не въ раздѣленіи оныхъ на славенскія и русскія; ибо какимъ образомъ можемъ мы сдѣлать сіе раздѣленіе? Ежели назовемъ вѣронъ, корова, воробей, молоко, русскими словами, а вранъ, крава, вработъ, млеко — славенскими; то зачѣмъ же говоримъ по-славенски: нравъ, врагъ, владѣть, награда, а не по-русски: норовъ, ворогъ, володѣть, нагорода, такъ какъ читаемъ въ лѣтописяхъ и въ простомъ народномъ языкѣ? Ежели скажемъ, что лѣпота есть славенское, а красота русское слово, то къ какому же языку причислимъ слово великолѣпіе? Буде къ славенскому, такъ по правилу сихъ проповѣдниковъ въ нынѣшнемъ нарѣчій употребляютъ его не должно; а буде къ русскому, то какимъ образомъ, не зная, что лѣпота, будемъ мы знать, что великолѣпіе? Ежели скажемъ, что глаголъ дѣлаю есть русскій, а дѣю славенскій, такъ зачѣмъ же говоримъ: злодѣяніе, злодѣй? Таковыхъ затрудненій могъ бы я представить множество.

Макаровъ, Отвѣтъ на Разсужденіе Шишкова. (1803).

Нѣтъ вещи, нѣтъ и слова; нѣтъ понятія, нѣтъ и выраженія, посредствомъ котораго можно бы то понятіе сообщить другому чело-вѣку. Послѣ Ломоносова мы узнали тысячу новыхъ вещей; чужестранные обычаи родили въ умѣ нашемъ тысячи новыхъ понятій; вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій противныхъ слуху; болѣе двухъ третей русскаго словаря остается безъ употребленія: что дѣлать? искать новыхъ средствъ изъясняться. Удержатъ языкъ въ одномъ состояніи невозможно: такого чуда не бывало отъ начала свѣта. Языкъ Гомера не перемѣнился ли совершенно? Потомки Перикловъ, Фокіоновъ и Демосееновъ должны, какъ чужестранцы, учиться тому, которымъ предки ихъ гремѣли на каедрѣ афинской. Русская Правда однимъ ли слогомъ писана съ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича? Всякій ли французъ можетъ нынѣ понимать Монтаня или Рабеле? и должно ли винить писателей вѣка Людовика XIV за то, что они не подражали писателямъ времени Франциска I или Генриха IV? Должно ли винить Теофана, Кантемира и Ломоносова, что они первые удалились отъ своихъ предшественниковъ, которыхъ сочинитель Разсужденія о слогѣ предлагаетъ намъ теперь въ образецъ? Языкъ слѣдуетъ всегда за науками, за художествами, за просвѣщеніемъ, за нравами, за обычаями. Придетъ время, когда и нынѣшній языкъ будетъ старъ: цвѣты слога вянутъ, подобно всѣмъ другимъ цвѣтамъ. Въ утѣшеніе писателю остается, что умъ и чувства не теряютъ своихъ пріятностей и достигаютъ до самаго отдаленнаго потомства. Красавицы двадцать третьяго вѣка не станутъ, можетъ быть, искать могилы Бѣдной Лизы, но въ двадцать третьемъ вѣкѣ другъ словесности, любопытный знать того, кто за 400 лѣтъ прежде очистилъ, украсилъ нашъ языкъ и оставилъ послѣ себя имя любезное

отечественнымъ благодарнымъ музамъ, другъ словесности, читая сочиненія Карамзина, всегда скажетъ: „онъ имѣлъ душу, онъ имѣлъ сердце!“

Нынѣшніе писатели (мы говоримъ только о писателяхъ хорошихъ) приняли нѣсколько словъ чужестранныхъ, большею частью греческихъ и латинскихъ. Сочинитель жалуется на сію мнимую новостъ, и однакожь говоритъ самъ, что языкъ славенскій „еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему эллинскаго языка“. Почему же слова эллинскія, взятая въ десятомъ или двѣнадцатомъ вѣкѣ, кажутся ему почтеннѣе взятыхъ изъ того же языка нынѣ? Мы изъяснимъ сію загадку: сочинитель Разсужденія о слогѣ почитааетъ греческія и латинскія за французскія! Но почему и французскія не должны быть у насъ терпимы? Всѣ языки составились одинъ изъ другаго обмѣномъ взаимнымъ. Римляне приняли много словъ отъ грековъ и передали много своихъ другимъ народамъ; французы приняли слова греческія, латинскія и даже италіанскія, для того что италіанцы прежде ихъ упражнялись въ наукахъ и художествахъ; англичане образовали свой языкъ изъ разныхъ языковъ древнихъ и новыхъ. Почему намъ однимъ не занимать? мы ли первые начали? Мы застали русскій языкъ, наполненный словами греческими, латинскими, татарскими, нѣмецкими: всѣ народы, съ которыми наши предки имѣли войну или связи торговыя, сообщили имъ слова. Безобразить ли теперь нашъ языкъ нѣмецкое слово „кучеръ?“ какой поселанинъ не разумѣетъ его? или, лучше сказать, какого поселанина увѣришь, что оно не коренное русское? Нѣкоторыя чужестранныя слова совершенно необходимы; лишь только не должно пестрить языка безъ крайней осторожности. Взять слово приличное (французское, арабское, нѣмецкое, какое угодно) весьма хорошо; а неприличное весьма дурно: двадцать грамматическихъ ошибокъ не подвергнуть такому осмѣянію, какъ одно слово чужестранное, неудачно взятое. Напротивъ того, потерять счастливую мысль или выразить ее слабо, для нѣкоторой лишней чистоты языка, будетъ непростительное педанство. Науки и искусства требуютъ названій такихъ, въ которыхъ заключался бы смыслъ ясный и опредѣленный: переводомъ испортишь сіи названія.

Споры о „слогѣ“, о томъ какимъ языкомъ слѣдуетъ писать, — „славянскимъ“ или же „простымъ“ русскимъ, длились послѣ этого недолго. Съ Б а т ю ш к о в а, Ж у к о в с к а г о, Г н ѣ д и ч а, П у ш к и н а, и ихъ общаго друга, критика кн. В я з е м с к а г о начинается новый періодъ. Новые писатели пользуются всѣми тѣми словами, которыми обогатилъ русскій языкъ Карамзинъ, какъ и вошедшими въ общій оборотъ, подчасъ и болѣе рѣдкими, славянскими, а также и тѣми простонародными, которыхъ избѣгали и Карамзинъ и Шишковъ. Что касается синтаксическаго строя литературнаго языка, то, съ Карамзина, окончательно закрѣпляется тотъ, который близокъ къ строю бытового языка образованныхъ людей. Съ этого времени литературный языкъ уже почти не измѣняется. Литературный языкъ становится е д и н ы м ъ: разграниченіе „стилей“ или „словозв“, соотвѣтствующихъ литературнымъ „родамъ“, окончательно перестаетъ соблюдаться.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе — 3.

ОТДѢЛЪ I. БЫТОВОЙ ЯЗЫКЪ И НАЧАТКИ ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

I. Бытовой языкъ 18 в.

Изъ предисловія къ „Бздѣ въ островъ любви“ Тредьяковскаго — 5. Изъ Морского Устава Петра В. — 7. Изъ духовнаго завѣщанія Татищева — 9. Письма Ломоносова — 10. Письма Суворова — 12. Письма гр. Орлова-Чесменскаго — 13. Записки Неплюева — 14. Записки Данилова — 16. Записки кн. Долгорукой — 20.

II. Вопросъ о стихосложеніи и споры о литературномъ языкѣ въ 1-ую пол. 18 в.

Кантемиръ, На хулящихъ ученіе. — 25. Тредьяковскій, Тилемахида — 28. Сумароковъ, Епистола о русскомъ языкѣ — 30. Сумароковъ, Наставленіе хотящимъ быти писателями — 32. Ломоносовъ, Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ — 33.

ОТДѢЛЪ II. ПОЭЗИЯ ПОСЛѢ КАНТЕМИРА И ТРЕДЬЯКОВСКАГО ДО ДЕРЖАВИНА.

I. Образцы поэзіи „высокаго стиля“.

Ломоносовъ, Оды — 36. Сумароковъ, Хоревъ — 49. Херасковъ, Россіяда — 41.

II. Поэзія „средняго стиля“.

Ломоносовъ, О пользѣ стекла — 40. Сумароковъ, Агнеса — 46. Ржевскій, Сонетъ; Истинная любовь.

III. Образцы поэзіи „низкаго стиля“.

Сумароковъ, Пѣсни — 47; басня Волкъ и ягненокъ — 49. Хемницеръ, Басни — 49.

ОТДѢЛЪ III. ДЕРЖАВИНЪ И КОНЕЦЪ ПОЭЗИИ ВЫСОКАГО СТИЛЯ.

I. Державинъ, Стихотворенія — 53.

II. Конецъ поэзіи „высокаго стиля“.

Майковъ, Елисей — 78. Богдановичъ, Душенька — 83.

ОТДѢЛЪ IV. ПРОЗА ДО КАРАМЗИНА.

I. Новый слой читателей и новые интересы.

I. Начатки прозаической литературы и работа надъ языкомъ — 91.

II. А. Т. Болотовъ и его записки — 94.

III. Фонвизинъ. Автобіографія — 109. Письма — 112. Опытъ Россійскаго Словника — 116.

IV. Публицистика — 118.

Наказъ Екатерины — 119. Изъ „Живописца“ Новикова — 120. Радищевъ, Путешествіе изъ Петербурга въ Москву — 124. Щербатовъ, О поврежденіи нравовъ въ Россіи — 126.

ОТДѢЛЪ V. ДРАМА ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

Екатерина, О время! — 131. Аблесимовъ, Мельникъ — 137. Капнистъ, Ябеда — 141.

ОТДѢЛЪ VI. КАРАМЗИНЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

I. Карамзинъ.

Письма русскаго путешественника — 157. Бѣдная Лиза — 171.

II. Карамзинизмъ.

Шаликовъ, Путешествіе въ Малороссію — 181. Дмитриевъ и Нелединскій-Мелецкій, Пѣсни — 182. Дмитриевъ, Чужой толкъ — 183. Дмитриевъ и В. Пушкинъ, Эпиграммы — 185. Озеровъ, Эдипъ въ Афинахъ — 185. Шишковъ, Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка — 167; Языки славянскій и русскій — 180. Макаровъ, Огвѣтъ на Разсужденіе Шишкова — 190.